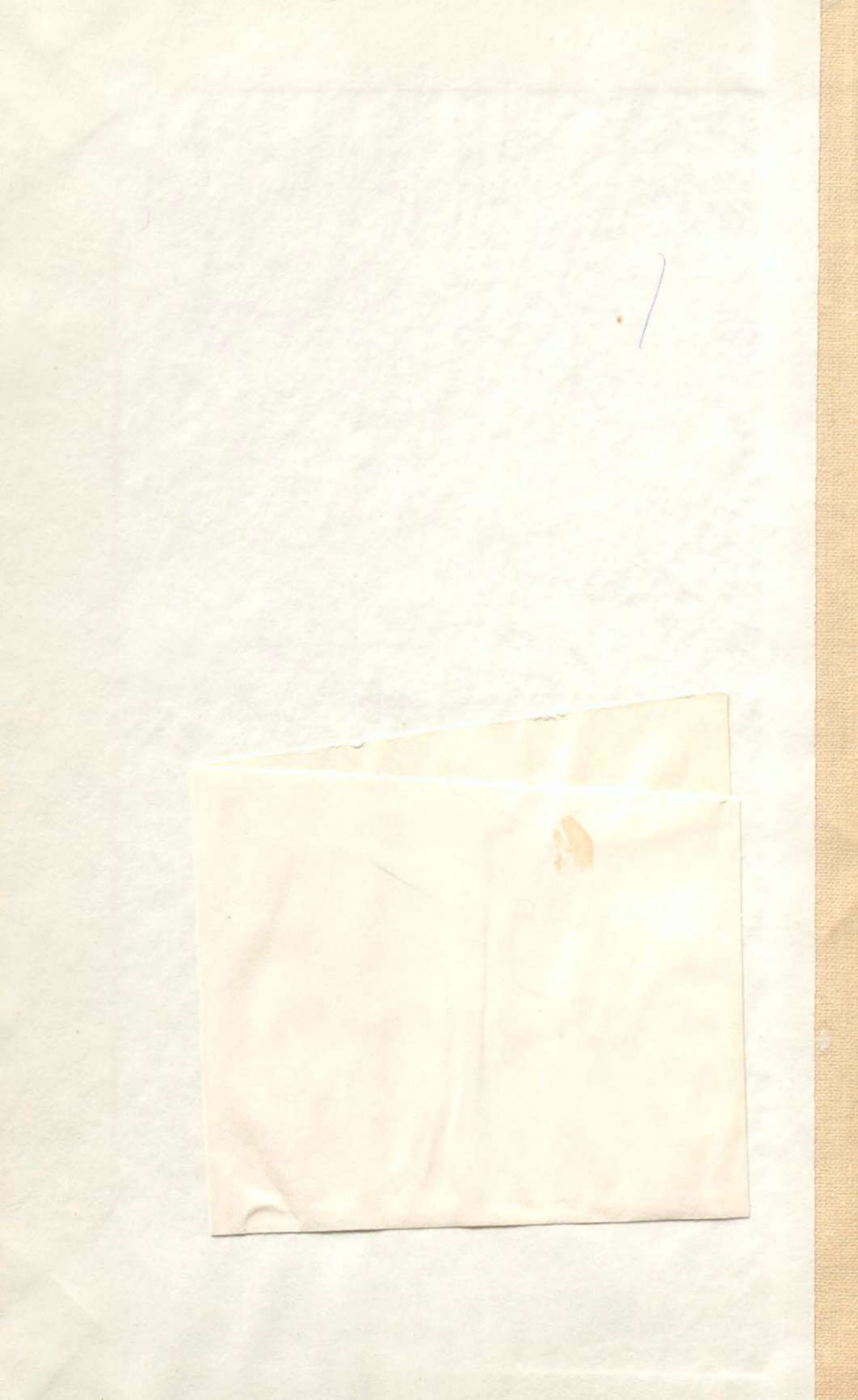
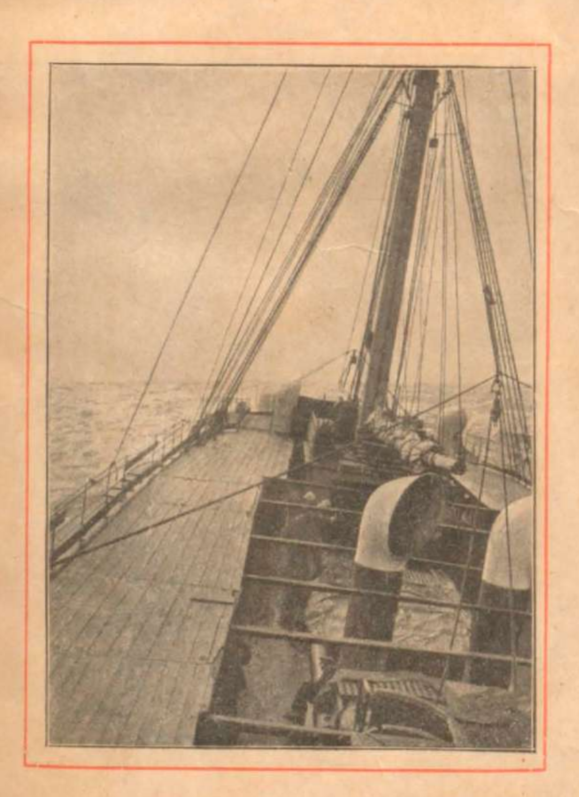

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.
№ 248.

С. Т. Семеновъ.

МАШКА-ДОМАШКА.

ПОВѢСТЬ
ИЗЪ ЖИЗНИ
РУССКИХЪ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ
ВЪ АМЕРИКУ.

СЪ РИСУНКАМИ
А. М. ПЕТРОВА
и другихъ.

БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.
№ 248.

С. Т. Семеновъ.

МАШКА-ДОМАШКА.

ПОВѢСТЬ.

Съ рисунками **А. М. Петрова** и другихъ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб
Москва—1912.

2007058852

Машка-Домашка.

Повѣсть.

I.

адъ Деминкой спустилась іюльская ночь. Семилѣтняя дѣвочка Машка улеглась на свою постель въ горенкѣ на сундукѣ и собиралась спать. Въ деревнѣ шелъ покосъ. Работа начиналась съ восхода солнца, и въ суетнѣ за цѣлый день такъ уставали, что тупѣли руки и ноги. Машка еле добралась до постели и хотѣла сразу заснуть, но ей помѣшали. Напротивъ, у Матренина двора, ребята съ дѣвками пѣли пѣсни, и это развлекало Машку.

Въ горенку вошла Татьяна—Машкина мать. Она только-что убаюкала младшаго сынишку Семку и пришла провѣдать дочь. Услыхавъ, что дѣвочка ворочается, она тихо спросила:

— Машка, ты все еще не спишь?

— Нѣ-ѣ,—отвѣтила Машка.

— Чего жъ, спи, а то утромъ завтракъ несть не встанешь.

— Встану,—постаралась увѣрить мать дѣвочка, но въ голосѣ ея не было увѣренности.

— Встанешь... А самое не добудишься.

— Тятьки еще нѣтъ,—какъ бы оправдываясь, выговорила Машка.

— Что тебѣ тятька? Тятька придетъ—тебя не спроситъ, придетъ, поужинаетъ да тоже ляжетъ.

— А что жъ онъ долго не идетъ?

— Знать, не управился.

Тятьку звали Михайлой. Онъ былъ высокій тридцатилѣтній мужикъ съ пушистой бѣлокурой бородой и веселыми голубыми

глазами. Сегодня, какъ только пріѣхали съ луга, онъ наскоро отбилъ косу, кое-какъ поѣлъ и пошелъ въ волость. Ему принесли какую-то повѣстку, и по ней нужно было получить письмо. Этого письма отецъ давно ждалъ и часто говорилъ, что ему все нѣтъ отвѣта. Тятька былъ старатель, но у нихъ была всего одна душа земли, и поблизости негдѣ было снимать „ренду“. Имъ каждый годъ не хватало хлѣба, и Михайло часто уходилъ то плотничать, то на поденщину на линію. Когда же работы не выходило, они бѣдствовали. Зимой отецъ разъ сказалъ, что имъ нужно уѣзжать на чужую сторону. Онъ услыхалъ, что материнъ крестовый братъ, а его пріятель, попалъ въ какую-то Америку и устроился очень хорошо. Тятька, должно быть, послалъ ему туда письмо и на это-то письмо и ждалъ отвѣта.

— А если онъ сегодня не придетъ, кто завтра косить будетъ?—спросила вдругъ Машка.

— Ну, какъ такъ не придетъ, все придетъ,—увѣренно проговорила мать и подсѣла на край сундука къ Машкѣ.

Машка замолчала, молчала и Татьяна. У Машки совсѣмъ пропалъ сонъ, и она лежала и думала о тятькѣ. Тятька бывалъ часто веселый, и, когда онъ былъ веселъ, то весело было и въ домѣ,—онъ тогда много говорилъ и смѣялся, разсказывалъ что-нибудь смѣшное, и Машкѣ и матери было весело. А когда онъ приходилъ откуда-нибудь сердитый, то веселье сразу пропадало, мать насупливала брови, а у Машки душа уходила въ пятки, и ей становилось чего-то страшно. Она сама не знала, чего боялась, но не смѣла ни громко смѣяться, ни пѣть пѣсенъ. Отецъ рѣдко на нее ругался. Машка чаще получала шлепки отъ матери, но матери она никогда такъ не боялась, какъ отца.

Особенно не любила Машка, когда тятька приходилъ пьяный. Пьяный отецъ всегда много говорилъ про свою жизнь, жаловался, что ему трудно, и никому такъ не трудно, какъ ему. Укорялъ мать и Машку, что онѣ не понимаютъ этого. Иногда дѣло доходило до слезъ. Потомъ, когда онъ протрезвлялся, дня два ходилъ угрюмый, ни на кого не глядѣлъ, и все это время имъ съ матерью было тяжело.

„Дай Богъ не пьяный пришелъ бы“, подумала Машка и прерывисто вздохнула.

II.

Скрипнули ступени на крыльцѣ, и щелкнула щеколка у калитки. Въ сѣняхъ послышались шаги. Шаги были отца—и твердые. Значитъ не пьянъ. Онъ прошелъ прямо въ избу; мать сейчасъ же поднялась съ сундука и вышла изъ горенки.

— Давай ужинать,—услыхала Машка голосъ отца.

По голосу можно было догадаться, что отецъ трезвый и не сердился. Машка стала прислушиваться, что будетъ дальше.

— Что тебѣ ужинать-то?

— Что есть, я-то почемъ знаю.

Мать прошла въ омшанникъ, потомъ опять вернулась въ избу. Когда ходьба затихла, Машка услыхала, какъ мать спросила:

— Отъ кого это письмо-то?

— Отъ Матвѣй Гаврилыча.

— Что жъ онъ пишетъ?

— Пишетъ, чтобы продавать все скорѣй да ѣхать туда къ нимъ пока до зимы.

— Стало-быть, земля подходящая есть?

— Земли не одолѣешь, и лѣсу и дровъ безъ горя.

— Если бы это поближе было,—сказала мать и вздохнула.

— Далеко да дорога, а то и близко да склизко.

— Чужая сторона тамъ.

— Ну, что жъ чужая, а у насъ вотъ и своя, а часто бываетъ и ѣсть нечего. А когда ребята подрастутъ, что мы будемъ дѣлать?

— Може, какъ-нибудь поправимся, пойдутъ урожайные года.

— Поправишься изъ кулька въ рогожку. Урожай полосы не прибавитъ.

— Мѣста-то тамъ незнакомыя.

— Привыкнешь, и будутъ знакомыми. Ты вотъ въ дѣвкахъ жила въ одной деревнѣ, а сюда вышла въ чужую. Всѣ чужіе были, а стали свои.

Мать, однако, не поддавалась. Она говорила, что здѣсь у нихъ похоронены родные и каждый шагъ земли для нихъ родной, но тятька стоялъ на своемъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше расходился. Онъ говорилъ, что бѣдствовали ихъ отцы, бѣдствуютъ они и будутъ бѣдствовать дѣти. И это только оттого, что они живутъ честнымъ крестьянскимъ трудомъ. Это не порядокъ. Труженикъ долженъ имѣть себѣ удовольствіе, и если

въ какомъ мѣстѣ нѣтъ ему отплаты за труды, то лучше ужъ плюнуть на это мѣсто, а не тянуть канитель.

— А какъ и тамъ не будетъ лучше?

— Какъ не будетъ лучше, когда земли тебѣ дадутъ разъ въ десять больше, а родитъ она безъ навоза? Да тамъ на боку лежать и то сытѣй будешь, чѣмъ здѣсь.

Машка подумала про себя: поѣхала бы она въ другое мѣсто?—и сейчасъ же у ней встрепенулось сердечко, и она рѣшила, что поѣхала бъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь жить, когда отецъ и мать жилы рвутъ, а у нихъ ничего не прибываетъ. Развѣ она не видитъ, какъ они стараются, а у нихъ все недохватка? За все лѣто не собьются ей новаго платьишка купить.

И вдругъ ей представилось, какъ они переселятся на новое мѣсто, деревня тамъ будетъ большая, просторныя усадьбы и огороды, живутъ тамъ всѣ богато, и ситный ѣдятъ и кашу каждый день. Такъ и у нихъ пойдетъ. Отецъ и мать всегда будутъ веселые, разговорчивые. На сердцѣ дѣвочки сдѣлалось такъ сладко, она сжалась въ комокъ, счастливо улыбнулась и заснула.

III.

— Машка! а, Машка!

Машка слышитъ это, но не можетъ открыть глазъ. Голова у нея какъ свинцовая, и она не въ силахъ ее поднять.

— Что жъ ты, аль не слышишь? Говорила тебѣ вчера: спи скорѣй.

Машка чувствуетъ, что мать сердится, и ей хотѣлось бы скорѣй встать, но нѣтъ мочи, такъ хочется ей спать.

— Вставай, тебѣ говорятъ!—ужъ кричитъ мать, и Машка чувствуетъ, какъ ее берутъ за руку и стаскиваютъ съ сундука.

Мать тащитъ ее къ рукомойнику, беретъ на ладонь воды и плещетъ въ лицо дѣвочкѣ. Машка вся корчится отъ непріятнаго ощущенія, но сейчасъ же чувствуетъ, что въ головѣ дѣлается свѣтлѣй, и она открываетъ глаза, и въ ногахъ у ней становится больше твердости. Мать утираетъ ей лицо, накидываетъ на лохматую голову платокъ и подаетъ корзинку съ завтракомъ. Машка беретъ и корзинку и небольшой кувшинчикъ съ молокомъ.

— Неси скорѣй, небось всѣ ушли.

Машка выходитъ на улицу. Посреди улицы идутъ двѣ старухи, а за ними тянется хвостъ изъ ребятишекъ и дѣвчонокъ. Всѣ—кто съ корзинкой, кто съ узломъ. Утро свѣжее, росистое. Солнце поднимается надъ лѣсомъ и, жмурясь, глядитъ на деревню. Вездѣ топятся печи, изъ трубъ выходитъ дымокъ и разбавляетъ тонкій свѣжій воздухъ своимъ ѣдкимъ запахомъ. По улицѣ бродятъ, подъ предводительствомъ пѣтуховъ, толпами куры, на рябинахъ щебечутъ воробьи,—все это окончательно прогоняетъ сонъ Машки, и она, развеселившаяся, присоединяется къ другимъ.

— Что вы плохо собираетесь?—кинула въ ея сторону худая, носатая старуха.—Жди васъ.

— Всѣ собрались, больше некого ждать,—сказалъ Ѳедоска Рыжій. Онъ дѣйствительно былъ рыжій и по головѣ, и по картузу, и по одежинѣ, только глаза у него были сѣрые, чистые и веселые.

— Ну, такъ пойдемъ скорѣй!

— Идемъ.

Ребятишки прибавили шагу, быстро опередили старухъ и направились въ прогонъ вонъ изъ деревни. Дорожная пыль, встревоженная босыми ножонками, закрутилась вслѣдъ за ними. Теперь ужъ не они тянулись за старухами, а старухи за ними. Быстро прошли овины, вступили въ ржаное поле и направились на рѣку, гдѣ шелъ покосъ.

Покосъ докашивали послѣдній и сегодня добивали лѣсокъ по старой сѣчѣ. Лѣсокъ вышелъ по пнямъ, росъ островами; и между островами на полянахъ поднималась густая шелковистая трава. Косцы разбрелись по кустамъ—и среди молодого ольшняка, березокъ и липокъ то мелькала красная рубаха парня, то пестрое платье бабы или дѣвки. Лѣсокъ былъ облитъ солнцемъ и блестѣлъ вспотѣвшей листвой, и изъ него пахло грибами. Машкѣ вспомнилось, какъ она нынче весной сбирала тутъ съ подругами ягоды, и представилось, что, если они уѣдутъ куда, какъ говорилъ вчера отецъ, то ей за ягодами сюда ужъ не ходить, и ее ущипнуло за сердце.

Но ей некогда было раздумываться: нужно было искать отца, чтобы съ людьми вмѣстѣ принести ему завтракъ. Отецъ косилъ съ своими пайщиками при спускѣ въ ручей. Онъ первый увидалъ Машку и ласково крикнулъ:

— А вотъ къ намъ и блины пришли!

Онъ подошелъ навстрѣчу Машкѣ, снялъ у ней съ плечъ

корзинку и, отойдя въ сторонку, сѣлъ къ молодой березкѣ и сталъ вынимать завтракъ. Блиновъ въ корзинкѣ не было. Татьяна прислала хлѣба, яйцо и кувшинчикъ молока. Развернувъ завтракъ, Михайло сказалъ:

— Вотъ такъ блины,—во всю лопату!

— И то слава Богу!—отозвался его пайщикъ, старый мужикъ Илья Ларіоновъ.—Другой годъ и этого негдѣ взять.

— Отчего это такъ,—принимаясь за завтракъ, задалъ вопросъ Михайло:—сколько мы работаемъ, а хлѣба дòсыта не наработаемъ?

— Не умѣемъ удержать.

— Нечего держать-то, оттого и не умѣемъ.

Отецъ и сейчасъ, какъ вчера передъ матерью, сталъ говорить, что у нихъ вся бѣда оттого, что мало земли, отъ этого они и бѣдствуютъ, а вотъ въ другихъ мѣстахъ земли больше и тамъ живутъ „какъ у Христа за пазухой". Въ концѣ завтрака онъ сознался, что онъ рѣшилъ покинуть родную деревню и пуститься въ чужіе края. Его, кромѣ пайщиковъ, окружили другіе мужики, ребята и съ любопытствомъ слушали, что онъ имъ расписывалъ про жизнь въ другихъ мѣстахъ. А Машка сидѣла въ сторонѣ, подъ кустомъ, глядѣла на освѣщенныя солцемъ молодыя ярколистныя березки, на густые пахучіе валы скошенной травы и думала, что если они уѣдутъ, то ничего этого она ужъ не увидитъ,—не увидитъ вотъ этихъ людей, ребятишекъ, дѣвчонокъ, и ей стало грустно, жаль всего и всѣхъ. И когда покосники отзавтракали и взялись снова за работу, а они пошли обратно домой, Машка стала отбиваться отъ артели въ сторону, у нея застилало слезами глаза, и ей не хотѣлось, чтобы ея слезы видѣли другіе.

— Машка, что это ты?—спросила ее Дунька Баранова, постарше Машки и постепеннѣй.

— Ничего.

— Ничего, а сама плачешь.

— Ну что же?

— Може, чижало корзинку несть?

— Нѣтъ.

— Такъ чего же?

— Вода лишняя накопилась, вотъ она и спускаетъ ее,—высказался, подвернувшись къ нимъ, Ѳедоска.

— Правда что, — согласился другой мальчишка и разсмѣялся.

— Не плачь, куплю калачъ; не вой, куплю другой,—сталъ дразнить Машку еще одинъ мальчикъ.

— Ну тебя!—отмахнулась отъ него Машка и перешла на другую сторону дороги.

— Нѣтъ, ребята, на свѣтѣ хуже дѣвки слезливой да коровы бодливой,—степенно замѣтилъ Ѳедоска.

— Да Ѳедоски возгриваго,—заступилась за Машку Дунька.

— Ты чиста!—не взлюбилъ мальчикъ.

— Какая ни на есть, да все почище тебя.

Въ артели началась перебранка, а Машка шла, понуривъ голову, глотая слезы, и еле удерживалась, чтобы не разрыдаться.

IV.

Когда Машка пришла домой, мать дала и ей позавракать; потомъ онѣ пошли къ сараю, трясли и ворошили сѣно. Когда отецъ кончилъ покосъ, они пили чай, еще нѣсколько разъ ворошили сѣно и убирали его въ сарай. Убравши сѣно, они оставили на присмотръ Ларіоновой старухи Семку и всѣ трое поѣхали за травой, что сегодня накосилъ отецъ.

Сегодняшняго кошенья было немного. Набрали только полвоза. Отецъ рѣшилъ, что всѣ поѣдутъ домой на возу, и подсадилъ сначала мать, а тамъ вкинулъ Машку и полѣзъ самъ. Когда лошадь тронулась, отецъ опять завелъ рѣчь о томъ, что въ это время думалъ:

— Вотъ косили цѣлое утро, а что накосили? Стоило изъ того лопатки парить.

— Что жъ дѣлать, не намъ однимъ.

— Знаю, что не намъ однимъ, но коли плохо, то все плохо, а то ли бы дѣло на вольной землѣ да на хорошей травѣ!

И онъ опять сталъ говорить, какая хорошая жизнь пойдетъ у нихъ въ чужихъ краяхъ, какой толкъ будетъ отъ его работы. Татьяна уже не перечила ему и, когда онъ кончилъ, вздохнувъ, сказала:

— Гляди, какъ хочешь, тебѣ виднѣе, а наше дѣло—„куда иголка, туда и нитка“.

Михайло, должно быть, остался доволенъ покорностью жены. Онъ сталъ веселый съ лица и уже не говорилъ больше съ женою, а обратился къ Машкѣ:

— Ну, а ты, легостайка, поѣдешь съ нами въ Америку или нѣтъ?

Машка вдругъ юркнула головой въ сѣно и закрыла лицо руками.

— Что жъ молчишь-то?

Машка не отзывалась.

— Али не хочешь съ нами за море плыть, а хочешь дома жить?—не отставалъ и допытывался отецъ.

— Дома останешься, будешь Машка-Домашка,—поддержала отца мать.

— Вѣрно, что Машка-Домашка!—весело воскликнулъ отецъ.— Машка-Домашка, испеки намъ колобашку!

Какъ ни было сегодня грустно Машкѣ, но отъ этихъ словъ все съ нея свалилось, и ей стало легко. Она подняла голову и, улыбаясь сквозь слезы, взглянула на отца.

— Что, не нравится новое прозвище? Смотри, не вѣшай носъ, а то на улицѣ скажу, тамъ тебя задразнятъ.

Машка прижалась къ матери, но ничего не сказала.

Пріѣхали домой. Отецъ выпрягъ лошадь и повелъ ее въ стадо, а Машка съ матерью стали копнить сѣно. Къ нимъ подошелъ Илья Ларіоновъ, опустился на свѣжую копешку и проговорилъ:

— А однако вашъ хозяинъ озадачилъ насъ.

— Что такое?—спросила Татьяна.

— Да какъ же, куда задумалъ ѣхать-то? Вѣдь другому это во снѣ не приснится.

— Другіе ѣдутъ, а намъ чего жъ не попытать?

— Такъ-то такъ, да больно необычно это.

— Дома-то оставаться не радость, какая стала жизнь!

— Жизнь желтенькая пошла,—вздохнувъ, сказалъ Илья. — Вотъ какая жизнь! Если бы мои ребята поднялись хоть на край свѣта, и я съ ними ушелъ бы...

— Ну, вотъ то-то и есть-то, а мы не тебѣ чета, — намъ-то тридцати годовъ еще нѣтъ. Може, еще ребята будутъ, а что отъ нашихъ поземовъ ждать?

— Вѣрно, вѣрно,—одобрительно проговорилъ Илья,—такъ и надо! Рыба ищетъ, гдѣ глубже, а человѣкъ,—гдѣ лучше.

Подошла старуха Никандровна, толстая, бѣлотѣлая, въ одномъ повойникѣ. На лицѣ ея, какъ маска, виднѣлся слѣдъ загара, а подъ ушами и шея ея были бѣлыя. Татьяна стала разсказывать про Матвѣя Гаврилыча. Онъ былъ ея кресто-

Съ сѣнокоса.

вымъ братомъ. Онъ хорошо учился, а когда выросъ, то не сталъ жениться, какъ другіе, а рѣшилъ сперва человѣкомъ стать. Онъ не брезгалъ никакой работой: нанимался въ работники, ходилъ въ плотники, работалъ на машинѣ. Одинъ разъ онъ отправился искать счастья подальше отъ дома и попалъ въ какой-то Одестъ, а оттуда и уѣхалъ въ эту самую Америку и вотъ теперь переманиваетъ ихъ туда. За Никандровной подошли еще нѣсколько бабъ, пошли „охи“ да „ахи“. Одна спросила, какъ они теперь будутъ съ домомъ.

— Продадимъ все,—отвѣтила Татьяна.

— А какъ не задастся вамъ въ тѣхъ мѣстахъ,—куда будетъ голову приклонить?

— Ну, Богъ не безъ милости.

Подошелъ Михайло. Онъ сказалъ, что ему надо добѣжать въ Замятино, откуда была взята Татьяна и гдѣ еще былъ живъ ея отецъ, чтобы посовѣтоваться кое-о-чемъ съ тестемъ. Машка опять провела вечеръ съ одной матерью и Семкой.

И сегодня Михайло пришелъ поздно домой. Онъ хотя и усталъ, но былъ бодрый, въ голосѣ его слышалась та увѣренность, которая слышится всегда у человѣка, когда онъ знаетъ, что дѣлать. Онъ сказалъ, что тесть его одобряетъ и совѣтуетъ не терять времени и скорѣе сниматься, да ѣхать, коли такъ усердно зовутъ, а то прозѣваешь—воду хлебаешь.

Татьянѣ, видимо, кое-что было не ясно, и она спросила:

— Какъ же мы тамъ Матвѣй Гаврилыча-то найдемъ, когда ты говоришь, что тамъ и говорятъ не по-нашему?

— А онъ такъ велитъ: какъ мы рѣшимъ ѣхать, такъ чтобы ему послать заказное письмо, а потомъ, когда пріѣдемъ въ ихню сторону, чтобы ему послать телеграмъ объ этомъ. И какъ онъ получитъ телеграмъ, будетъ знать, когда мы пріѣдемъ, и выѣдетъ насъ встрѣчать.

V.

Съ этого дня у Подаркиныхъ пошла не жизнь, а какое-то торговье. Они наскоро сжали рожь и больше ужъ въ поле не ходили. У нихъ каждый день бывали односельцы, чужіе деревенскіе, смотрѣли и торговали лошадь, сбрую, коровъ, телятъ, куръ. Землю и стройку съ усадьбой всѣхъ раньше купилъ у Михайлы старостинъ сынъ, а послѣ этого пошла про-

дажа мелочи. Каждый день Подаркинымъ приносили деньги. Деньги Михайло отдавалъ Татьянѣ. Татьяна завязывала ихъ въ платокъ и клала въ небольшой сундучокъ подъ лавкой.

Такъ шло до Успеньева дня. Послѣ Успеньева дня Михайло съѣздилъ въ городъ и сдѣлалъ купчую съ старостинымъ сыномъ на землю, получилъ деньги и, когда вернулся домой, сказалъ:

— Ну, въ воскресенье можно отправляться.

Они почти все распродали, оставили только, что необходимо. Добра все-таки было порядочно. Имъ былъ набитъ большой сундукъ, и приходилось набивать мѣшокъ и навязывать узелъ. Связали все съ вечера. На утро долженъ былъ пріѣхать дѣдушка Савостьянъ — материнъ отецъ—и отвезти ихъ со всей этой кладью на машину. На машинѣ они поѣдутъ до какого-то большого города, а тамъ отецъ выправитъ заграничный паспортъ и билетъ, и они поѣдутъ дальше.

Въ субботу они убрались рано, всѣ вымылись, принарядились, отпили чай и сидѣли въ избѣ, ожидая вечера. Старостинъ сынъ, что купилъ у нихъ стройку и всю мелочь, прислалъ свою Афимью принять отъ нихъ избу и скотину.

Стадо еще не пригоняли, и Татьяна съ Афимьей сидѣли въ избѣ у стола и мирно разговаривали. Посреди избы стоялъ пузатый, кудрявый, синеглазый Семка, а у двери Машка. Машка кидала Семкѣ яблоко, а Семка старался его поймать, но яблоко всякій разъ пролетало мимо его рукъ, колотилось въ его пузенку и опять откатывалось назадъ. Семка хлопалъ ручонками и громко хохоталъ. На него смѣялась и Машка. Въ избѣ было пусто, только у конника лежало сложенное въ дорогу ихъ добро. Татьяна казалась покойной, она приглядывалась къ забавляющимся ребятишкамъ и внимательно слушала Афимью. Афимья говорила Татьянѣ:

— Что ни говори, а ты все-таки счастливѣе насъ. Ѣдете вы на вольныя земли, пойдетъ у васъ другой порядокъ во всемъ.

— Чужая сторона пугаетъ.

— Что ея пугаться. Я думаю, хуже нашего нигдѣ и мѣста нѣтъ. Опять, вы ѣдете не съ пустыми руками.

— А дорога-то что стоитъ!

— Что ни стоитъ, а все останется. Опять, твой Михайло не какой-нибудь...

— И Михайло не богатырь... Свалится, грѣшнымъ дѣломъ, вотъ и наплачешься.

— Смѣлымъ Богъ владѣетъ. А на одномъ мѣстѣ-то сиди какъ пень, мохомъ обрастешь.

Въ избу вошелъ Михайло. Онъ показывалъ Ильѣ Ларіонову лапы у сарая, продалъ ихъ и вернулся веселый. Татьяна спросила:

— Ну что, управился?

— Управился. Объегорилъ всѣ дѣла—и деревня не мила. Прощай, жисть, радость моя!

— Вотъ завтра простишься,—сказала Афимья.

— Простимся, это вѣрно. Може, вѣкъ ни съ кѣмъ не увидимся. Вотъ вѣдь какія дѣла бываютъ.

— И правда, словно на тотъ свѣтъ уходите. Уѣдете—и никто васъ больше не увидитъ и вы никого.

Шутливое настроеніе понемногу пропало, и всѣ стали глядѣть серьезнѣе.

Охватившая всѣхъ грусть передалась и Машкѣ. Она перестала играть съ Семкой, отошла въ сторону, и вдругъ ей захотѣлось побѣжать на огородъ. Она выбѣжала за дворъ, взглянула на кустики смородины и крыжовника, на яблони, которыя насадилъ отецъ и на которыхъ нынче были яблоки, и стала подходить къ каждому кусту и кланяться:

— Прощай, красненькая смородинка! Прощай, черненькая! Прощай, крыжовничекъ! Прощай, яблоньки!..

Она прошла такъ весь огородъ и подошла къ постройкамъ.

— Прощай, шалашка! Прощай, сарайчикъ! Прощай, амбарчикъ!

Она поглядѣла сбоку амбара,—тамъ лежала, должно быть, только-что поваленная отцомъ еловая лапа, которую онъ продалъ Ильѣ Ларіонову. Машка вспомнила, какъ они съ отцомъ весною сдирали съ нея кожуру, и отъ нея тогда пахло свѣжей смолой. За лѣто лапа пожелтѣла и стала непохожа, какъ была весной. И вдругъ дѣвочку охватило такое нѣжное чувство, что она не удержалась, подбѣжала къ желтому стволу лапы, обняла ее, приложилась къ ней губами и поцѣловала.

— Прощай, лапка! — пролепетала она, и вдругъ ее стали душить слезы.

Она всхлипнула, отскочила въ сторону и заревѣла.

— Ничего я этого больше не увижу. О, моя головушка!— какъ большая, завыла Машка и медленно поплелась ко двору.

— Ты что это?—услыхавши ея плачъ, спросила Татьяна, выходя изъ избы.

— Мнѣ жалко все.

— Вотъ истинная Домашка-то!—воскликнула Татьяна, но у нея и самой навернулись слезы.

VI.

Утро было ясное, но холодное. Изъ-за лѣса показалось солнце, роса согрѣлась и поднялась надъ землей туманомъ. Небо было чистое, синее и стояло тихо кругомъ. Пріѣхалъ дѣдушка Савостьянъ, сутулый старикъ съ чалой бородой, острымъ носомъ, въ домотканномъ зипунѣ, и они съ отцомъ стали таскать добро на подводу. Татьяна одѣвала Семку, а Машка стояла у воротъ и глядѣла на улицу. Ко двору сталъ собираться народъ. Подходили старики, бабы, дѣвки. Набралась цѣлая толпа, словно во дворѣ играли свадьбу или провожали покойника. Машка глядѣла на нихъ, и хотя въ сердцѣ ея были слѣды вчерашняго горя, но въ немъ росло и другое чувство,—чувство гордости: вотъ они куда-то ѣдутъ, а тѣ-то нѣтъ. И это чувство испытывали и ея ровесницы. Онѣ поглядывали на нее съ завистью, и имъ было скучно. Когда на телѣгу уложили все добро, стали сажать Машку съ Семкой. Михайло размашисто снялъ картузъ и громкимъ голосомъ проговорилъ:

— Ну, православные, давайте съ вами попрощаемся! Спасибо вамъ за то, что вы пришли проводить насъ. Желаю вамъ счастливо оставаться, а намъ, пошли Господи, въ чужомъ краю свою долю найти.

— Дай Богъ! Дай Богъ!

Михайло поклонился всѣмъ въ поясъ, потомъ подошелъ къ первому мужику и поцѣловался съ нимъ. Затѣмъ онъ перецѣловалъ всю толпу по очереди. За нимъ пошла Татьяна. Бабы и старухи лѣзли на возъ и цѣловали сидѣвшихъ тамъ Машку съ Семкой. У Татьяны полились слезы и у Михайлы пропала бывшая у него все время твердость.

— Ну еще разъ прощайте!—сказалъ Михайло, поглядѣлъ на стоявшаго около лошади тестя и добавилъ:

— Трогай!

Тесть тронулъ лошадь; Михайло надѣлъ картузъ и пошелъ за телѣгой. Толпа пошла за нимъ слѣдомъ. Проѣхали улицу, на выгонѣ остановились, Михайло и Татьяна еще разъ поклонились своимъ односельцамъ и стали усаживаться на телѣгу.

Усѣлись всѣ удобно. Дѣдушка Савостьянъ помѣстился въ передкѣ и подобралъ подъ себя ноги. Опять стали прощаться. Наконецъ лошадь тронулась, а народъ долго еще глядѣлъ имъ въ слѣдъ. Проѣхали Деминскіе поля и лѣсъ, потянулись чужія земли. Первымъ заговорилъ тесть. Онъ поглядѣлъ на блекнущія деревья и сказалъ:

— А тамъ-то есть такой лѣсъ?

— Твой крестникъ пишетъ, что большіе лѣса, такія деревья, что у насъ никто не видалъ сроду.

— Это хорошо. Въ лѣсу, хоть и звѣрье водится, да жить теплѣй.

Станція была небольшая. На ней останавливался одинъ поѣздъ въ день, и поэтому нужно было спѣшить. Если опоздать, придется жить цѣлыя сутки. Лошадь съ возомъ итти упиралась, ее стали подгонять. Протянувшись часа два, они подъѣхали къ линіи и увидали высокую башню станціонной водокачки.

На станцію пріѣхали во́-время. Сваливши вещи на платформу, Михайло съ тестемъ пошли выпить, а Татьяна съ дѣтишками осталась у вещей. Михайло принесъ имъ ситнаго и яблокъ, и они стали ѣсть. Машка ѣла и все глядѣла на невиданныя ею сооруженія. Ей въ диковинку были и толстыя желѣзныя полосы, которыя пролегали около платформы и тянулись въ оба конца далеко, далеко; и каменный домъ станціи и садикъ около нея съ кустиками и цвѣтами. Она никогда не видала ничего такого, и ей все было въ диковинку. Она поминутно спрашивала мать: что и зачѣмъ, и та едва успѣвала ей объяснять.

Вотъ вдали въ лѣсу раздался густой гулъ свистка, и на платформу сталъ выходить народъ съ котомками, мѣшками, корзинками. Они выстроились на платформѣ въ ожиданіи поѣзда; поднялись и Подаркины.

— Надо будетъ мѣстечко получше занять,—сказалъ Михайло.

Онъ взялъ въ руки узелъ и корзинку съ харчами. Татьяна подняла Семку, и они тоже стали съ другими въ рядъ. Съ той стороны, откуда послышался свистокъ, вдругъ показалось что-то черное и быстро подвигалось къ нимъ. Вверху надъ этимъ развивался какой-то сѣрый столбъ и дѣлался все выше и выше. Это шла машина. Чѣмъ ближе она подходила, тѣмъ сильнѣе дрожали пролегавшія около платформы желѣз-

ныя полосы. Вотъ раздался еще свистъ. Что-то лязгнуло, какъ бы машина черезъ что перескочила, и, громко стукая и фырча, перла на нихъ. Вотъ мимо толпы прошла ея голова. Впереди у головы блестѣли три огромныхъ стеклянныхъ глаза: одинъ вверху и два внизу. Вверху поднималась труба, извергавшая густой дымъ, а внизу Машка увидала огромныя стальныя ручищи. Машина махала ими изо всѣхъ силъ и вертѣла нѣсколько паръ колесъ. Когда голова машины прошла, побѣжали одинъ за однимъ домики съ окошками, синіе, желтые, зеленые. Въ дверяхъ домиковъ стояли люди; люди глядѣли и въ окошки. Вдругъ раздался дребезжащій свистъ—и домики остановились.

Всѣ, что стояли на платформѣ, бросились къ дверямъ домиковъ, оттуда тоже выходили люди. Пошла толкотня. Мужикъ съ усами, въ черной поддевкѣ и въ картузѣ, съ орелйкомъ надо лбомъ, закричалъ:

— Въ задній вагонъ ступайте, въ задній вагонъ!

— Пойдемъ,—сказалъ Михайло Татьянѣ, и они пошли къ заднимъ домикамъ. Отецъ положилъ узелъ съ корзинкой на землю, подсадилъ мать, потомъ Машку, и они вошли вовнутрь. Внутри вездѣ были лавки. Татьяна подошла къ одной лавкѣ, на которой никого не сидѣло, и опустила на нее Семку. Машка сейчасъ же подошла къ окошку. Отецъ сложилъ ношу и ушелъ назадъ, и скоро опять вернулся съ мѣшкомъ. За нимъ въ вагонъ вошелъ и дѣдушка Савостьянъ. Отъ него пахло водкой, и у него были мутные глаза.

— Таня, ты на насъ не обезсудь, тебя мужъ увозитъ въ даль, а мы тебѣ этого не желали. Мы думали, ты здѣсь хорошо проживешь.

— Да ладно ужъ, — сказала Татьяна, и глаза у нея налились слезами.—Не растравляй ты моего сердца на послѣдяхъ.

— Не хочешь, ну, ладно. Я не сержусь, я одобряю, только разставаться чижало. Прощай! Дай Богъ вамъ!

Дѣдушка сталъ цѣловать мать, потомъ Машку и Семку и пошелъ изъ вагона. Отецъ пошелъ проводить его изъ вагона. Въ это время гдѣ-то зазвонили.

— Мама, что это?—спросила Машка.

— Сейчасъ поѣдемъ.

— А какъ тятька не успѣетъ?

— Успѣетъ.

Послышался еще звонокъ, раздался дребезжащій свистокъ. На него свистнуло гдѣ-то вдали,—должно быть, на машининой головѣ. Что-то дернуло, и машина пошла. Отецъ подошелъ къ нимъ, сѣлъ на лавку, снялъ картузъ и перекрестился.

— Прощай, родная сторона! Не видать тебѣ, видно, нашихъ косточекъ.

VII.

Машка сидѣла на лавкѣ и приглядывалась, какъ устроено внутри вагоновъ и какіе люди были по сосѣдству. Среди сосѣдей ихъ оказались такіе, какихъ она никогда не видала: кургузые, одѣтые въ обтяжку, женскій полъ или совсѣмъ съ неприкрытой головой, или же на нихъ было надѣто что-то въ родѣ корзинки или рѣшета съ лентами и цвѣтами. Машку удивляло и это украшеніе и то, что у нихъ были чистыя, бѣлыя лица.

— Мама, что это за бабы? Барыни али купчихи? Отчего онѣ такія бѣлыя?

— Не работаютъ, вотъ и бѣлыя.

— А что жъ онѣ не работаютъ?

— Обходятся, нанять за себя есть на что.

Машка посмотрѣла на толстаго мужчину съ выпяченнымъ животомъ и опять спросила:

— А нешто мужики брюхатые бываютъ?

— Дура, это они отъ жиру...

Прошли по вагону мужики съ свѣтлыми пуговицами и бляшечками на головахъ и спрашивали билеты. Имъ подавали. Мужики давили ихъ желѣзными щипцами и возвращали. Ходили торговцы съ пряниками, яблоками. Въ одномъ мѣстѣ машина остановилась, изъ вагона кто вышелъ, а кто вновь вошелъ. Машина опять пошла. Такъ повторялось нѣсколько разъ, и Машкѣ стало скучно.

Приближался вечеръ. Солнце опустилось низко, и тянувшійся по бокамъ дороги лѣсъ ярко блестѣлъ въ его лучахъ разноцвѣтными листьями. Съ полей гнали въ деревни скотину. Машка увидала одно стадо и вдругъ вспомнила свою деревню и то, что она не вернется въ эту деревню, а у нихъ будетъ теперь новая деревня и новая изба. Она стала обду-

мывать, какое это будетъ новое, но у нея ничего не выходило. Машкѣ стало досадно, и она спросила:

— Мама, а мы скоро пріѣдемъ-то?

— Куда?

— А вотъ гдѣ мы будемъ жить-то?

— Вотъ те на, только-что выѣхали, а она—скоро ль пріѣдемъ!..

Отецъ взглянулъ на нее сбоку и усмѣхнулся.

— Нѣтъ, матушка, не скоро.

— Сколько жъ мы проѣдемъ-то?

— Недѣли четыре.

— Все по машинѣ?

— Гдѣ по машинѣ, а гдѣ и по водѣ.

— Какъ по водѣ?

— А вотъ увидишь какъ. Большой домъ такой... Мы въ него сядемъ и поѣдемъ.

— А если онъ повалится?

— Не повалится. Вишь машина-то не валится, такъ и пароходъ.

Машка опять задумалась. Ей хотѣлось понять, какъ это они поѣдутъ по водѣ и не утонутъ? Но и этого она понять не могла.

Къ вечеру на остановкахъ въ вагонъ входило больше народу и все больше кургузыхъ въ обтяжку и съ украшеніями на головѣ. Ихъ лавку засѣли вплотную. Одинъ толстый старикъ въ засаленной одеждѣ и съ дряблымъ краснымъ лицомъ спросилъ отца:

— Вы что—переселенцы, что ли?

— Переселенцы.

— Куда же вы ѣдете, въ Сибирь?

— Нѣтъ, въ Америку.

— Въ Америку?..

Старикъ поджалъ губы и осмотрѣлъ всѣхъ. Старая барыня съ черной косынкой на головѣ и съ толстой шеей вдругъ кинула на отца сердитый взглядъ и сказала:

— Не хотите быть русскими, хотите свободу испытать?

— Это какъ придется,—отозвался отецъ.

— Нѣтъ, видно не „какъ придется“. „Какъ придется“—и здѣсь хорошо было бъ. А то все недовольны. Забили вамъ голову въ забастовку-то.

— Намъ никто головъ не забивалъ, у насъ, слава Богу, свой умъ есть,—проговорилъ отецъ и нахмурился.

Въ вагонѣ.

— Свой умъ есть, такъ здѣсь бы надо имъ раскидывать. Старались бы лучше. А то на родной землѣ не хочу рукъ прикладывать, такъ поѣду лучше на чужую.

— Не надъ чѣмъ стараться-то.

— Прикупи, коли мало... Прикупи да старайся.

— Цѣны не сходственныя.

— А тамъ тебѣ задаромъ дадутъ? Небось тоже никто своего не упуститъ. А въ одномъ спустятъ, въ другомъ нагонятъ. Американцы мы знаемъ какіе, жулики тоже,—первый сортъ...

У барыни разгорѣлись глаза, и она гнѣвно глядѣла на отца. Михайло съ улыбкой посматривалъ на барыню, а Машкѣ стало жутко. Ей подумалось, — а ну-ка барыня что сдѣлаетъ имъ.

Но она ничего не сдѣлала, и какъ только остановилась машина, встала съ мѣста и, ни на кого не глядя, вышла изъ вагона. Мать сейчасъ же обернулась къ отцу и сказала:

— И чего ты съ ней разговоръ затѣялъ? Нужно было тебѣ?

— Что жъ я ей худого сдѣлалъ? Я ей ничего такого не говорилъ.

— А она разошлась.

— Пусть. Ишь ей ненавистно, что мы себѣ добра желаемъ.

— Видно помѣщица, — сказалъ старикъ съ дряблымъ лицомъ.

— По всему видно,—подхватилъ черненькій, худощавый человѣкъ, непохожій на другихъ.—Не нравится имъ, что у нихъ землю не куповаютъ. Хочется имъ, чтобы у нихъ землю куповали, да имъ грôши отдавали. А развѣ другой не хозяинъ своимъ грôшамъ?

И черненькій засмѣялся и снова поглядѣлъ на Михайлу. Машка тихо спросила:

— Мамка, а этотъ кто такой чудной?

— Видно, еврей.

VIII.

Стало темнѣть. Въ вагонахъ зажгли свѣчи. Машина все ѣхала и ѣхала. Машкѣ опять стало скучно. Она подумала о

домѣ, снова вспомнила, что домой они теперь не вернутся, и она пригрустнѣла и прижалась къ углу. Къ ней подлѣзъ Семка и схватилъ ее за руку.

— Не балуй!—крикнула Машка.

Семка шлепнулъ ее по рукѣ и прижался къ матери.

— Зачѣмъ сестренку бьешь, она твоя нянька,—проговорила, склоняясь къ нему, Татьяна.

Семка сощурилъ глаза и высунулъ Машкѣ языкъ. Машка развеселилась и мазнула его по губамъ. Семка дрыгнулъ ногой, началась возня.

— Ну вы, вояки! – пригрозилъ на нихъ притворно-сурово отецъ.—Не въ своемъ углу, чай.

Раздался громкій, продолжительный свистокъ. По бокамъ замелькали огни такіе свѣтлые, какихъ Машка никогда не видала. На высокихъ столбахъ висѣли круглые шары, и отъ нихъ, какъ отъ мѣсяца, лился яркій бѣлый свѣтъ. Шли кругомъ постройки, тянулись улицы, но не такія, какъ въ деревнѣ, безъ травы, безъ деревьевъ, а машина все шла и шла. Вотъ она еще разъ свистнула и убавила ходъ. Всѣ зашевелились, кто вставалъ, собиралъ вещи. Мать поставила Семку къ углу и тоже встала.

— Мама, что это?—спросила Машка.

— Подъѣзжаемъ.

Машина шла тише и тише. Бѣлые огни чаще замелькали за окнами. Подходили какія-то постройки. Машина стала, и народъ повалилъ вонъ. Мать подняла на руки Семку и сказала Машкѣ:

— Ну, пойдемъ и мы! Иди впередъ, Домашка.

Машка шла и боялась: ну-ка ее въ этой толпѣ ототрутъ отъ своихъ.

Кое-какъ они вышли изъ вагона и остановились, ожидая отца съ узломъ и мѣшкомъ. Семка поднялъ-было глаза на бѣлый фонарь, но сейчасъ же зажмурился и сталъ протирать глаза.

— Что, слѣпитъ? А ты не таращь, куда не слѣдуетъ,—сказала мать.

Кругомъ шла толчея. Бѣгали мужики въ бѣлыхъ фартукахъ, стояли барыни, тащили вещи, обнимались, цѣловались, вертѣлись какіе-то солдаты съ красными полосками на плечахъ, колесиками на задкахъ у сапогъ. Машка глядѣла во всѣ глаза и забыла, гдѣ она.

Отецъ вытащилъ узелъ и мѣшокъ, положилъ все на полъ и проговорилъ:

— Куда жъ намъ съ ними дѣваться-то?

— Съ собой на постоялый.

— Больно возни много. Если здѣсь оставить?

— А не пропадутъ они?

— Вотъ я пойду узнаю.

Михайло пошелъ узнавать, можно ли оставить вещи, а Машка спросила, какой это „постоялый".

— А вотъ увидишь,—сказала мать.

Площадка быстро пустѣла, народъ разошелся. Остались только немногіе.

Подошелъ отецъ, взялъ мѣшокъ и ушелъ куда-то. Немного погодя онъ опять подошелъ съ пустыми руками и поднялъ съ полу узелъ. У него было красное лицо, и картузъ съѣхалъ на затылокъ.

— Управился?—спросила мать.

— Управился совсѣмъ. Пойдемте.

— Пойдемъ, Машка, давай руку отцу.

Машка взяла отца за руку, и они пошли черезъ большой, какъ сарай, домъ, гдѣ тоже стояли скамейки, въ одномъ углу кипѣлъ самоваръ, и на высокомъ столѣ лежали всякія закуски.

Выйдя изъ двери, они очутились на широкой улицѣ, выстланной камнемъ. По улицѣ ѣхали взадъ и впередъ, но колеса не стучали. Отецъ шелъ впередъ, прямо. Машка шагала за нимъ и удивлялась, какъ это онъ знаетъ, куда итти,—она непремѣнно запуталась бы.

Они шли сначала по одной сторонѣ улицы, потомъ перешли на другую и остановились около раскрытыхъ воротъ. Въ воротахъ стоялъ бородатый мужикъ въ фартукѣ. Покосившись на нихъ, онъ спросилъ:

— Вамъ что нужно?

— Гдѣ у васъ тутъ „постоялая"?

— Вонъ, ступайте въ уголъ-то.

Они прошли дворъ и вышли, куда указалъ мужикъ. Передъ ними открылась длинная, низкая изба съ каменными стѣнами, освѣщенная висячей лампой. Въ заду избы былъ чуланъ, у чулана слѣва стоялъ длинный столъ, а справа тянулись нары. За столомъ сидѣла цѣлая семья и ужинала, а изъ дверей чулана выглядывала толстая долголицая баба въ одномъ повойникѣ.

— Здорово живете!—сказалъ Михайло.

— Добро жаловать!—отвѣтила толстая баба, вышла изъ чулана и, слегка прищурясь, стала внимательно оглядывать пришедшихъ.

— Есть слободный уголокъ для насъ?

— Сколько хошь,—половина наръ слободна.

— Вотъ и славно!—сказалъ Михаило и положилъ мѣшокъ и узелъ на нары, а Татьяна посадила туда Семку.

Освободившись отъ ноши, отецъ и мать обратились къ столу, а толстая баба стала ихъ разспрашивать: откуда они, далеко ль ѣдутъ, и, когда узнала, что далеко, снова спросила:

— Вы что же—переселяетесь куда?

— Переселяемся.

— Ужъ не въ Америку ли?

— Въ Америку,—отвѣтилъ Михайло и посмотрѣлъ на толстую бабу.

У бабы что-то пробѣжало по лицу, и она обернулась къ той семьѣ, что ужинала, и проговорила:

— Попутчики вамъ.

Изъ этой семьи всѣ обернулись къ Подаркинымъ. Ихъ было пять душъ: мужикъ съ бѣлой курчавой бородкой и румяными щеками, жена мужика—худая изъ лица, съ выгнутымъ носомъ, втянутыми щеками и большими грудями подъ кумачной кофтой, подслѣповатая старуха, такая же худощавая, горбоносая—ея мать и тоже двое ребятъ: мальчикъ лѣтъ шести и дѣвочка лѣтъ четырехъ.

Мужикъ пересталъ жевать и уставился на Михайлу.

— Въ Америку—такъ попутчики.

— А въ какое мѣсто въ Америку?—спросилъ Михайло.

— Въ Канаду какую-то.

— Вотъ и мы туда.

— Значитъ, не одни мы съ своей сторонки-то, будутъ и другіе?

— Тамъ нашего народу не мало. Вы паспорта-то выправили?

— Завтра получимъ.

— А мы только пріѣхали, не задавали еще.

— Паспорта—дѣло не долгое, только деньги готовь.

IX.

Первая семья отужинала, вылѣзла изъ-за стола и перешла на нары. Мужика звали Иваномъ, бабу Ѳедосьей. Машка все приглядывалась къ ребятишкамъ и, когда они подошли къ нарамъ, Машка незамѣтно подошла къ мальчику и спросила:

— Какъ тебя звать?

Мальчикъ вскинулъ на нее большіе свѣтлые, какъ у его отца, глаза и отвѣтилъ:

— Петька.

— А дѣвочку какъ?

— Катька.

Машка хотѣла подойти къ Катькѣ, но мать развязала узелъ, достала хлѣба и пироговъ и сказала:

— Иди ужинать, Машка.

Машка подошла къ столу. Толстая баба подала имъ чашку жирныхъ щей, и они стали ужинать.

— Вы откуда будете сами-то? — спрашивалъ Михайло Ивана.

— Здѣшней губерніи.

— Съ полемъ-то убрались?

— Мы здѣсь не работали. Мы давно уѣхали. Въ Сибири были.

— А теперь изъ Сибири назадъ?

— Что жъ подѣлаешь, не пойдетъ дѣло на ладъ, поѣдешь и назадъ.

Михайло и Татьяна снова внимательно оглядѣли ихъ.

— Отчего же у васъ тамъ не наладилось?

— Неудобное мѣсто отвели.

— Чѣмъ же неудобное?

— Безъ воды совсѣмъ. Мѣсто ровное, а воды совсѣмъ нѣтъ. За шесть верстъ родникъ былъ. Лѣтомъ-то ничего, а зимой какъ пройдешь къ нему? Не пройдешь къ нему, не проѣдешь. Снѣгъ таяли да пили.

— Со снѣгомъ склыка не малая, небось скотина была,—вымолвила Татьяна.

— Какъ же и скотина и самихъ семья, не только попить, нужно обмыться, обстираться, — ввязалась въ разговоръ Ѳедосья,—а скоро ль ее наготовишь-то, такъ въ углу кадка и стояла день и ночь... Мокреть вокругъ нее...

— Что говорить!

— Все бы это ничего, — вздыхая, вставила старуха, — кабы это не пустынно такъ, а то земли много, а людей нѣтъ.

— Мало людей было?

— Мало. Вотъ нашъ поселокъ, а до другого десять верстъ, волость съ церквой 50 верстъ, лавка 20, мельница 30. Родится и рожь и пшеница, а порой хоть зерно парь да ѣшь. Ничего близко нѣту.

— А въ другое мѣсто не просились?—опять задалъ вопросъ Михайло.

— Просились, — отвѣтилъ Иванъ,—да что же: указали болото и тоже въ такой глуши.

— Какъ же вы надумали въ Америку-то?

— Землякъ одинъ взманилъ. Вмѣстѣ мы съ нимъ тогда снялись, только онъ сразу въ Америку поѣхалъ. Пишетъ, что тамъ у него не житье, а масленица—и земли вдоволь и заработки хорошіе; пріѣзжайте, говоритъ, къ намъ, скорѣй, говоритъ, толку добьетесь.

— Намъ то же товарищъ одинъ расписалъ,—проговорилъ Михайло.—Только, говоритъ, добраться, а то, говоритъ, не пропадете, вотъ какъ хорошо—дай Богъ всякому.

— Мы подумали, подумали, — продолжалъ Иванъ,—ѣдемъ, говорю, своимъ бабамъ. Онѣ говорятъ: «поѣдемъ». Снялись мы съ новаго мѣста, да и прощай!

— А сюда зачѣмъ заѣхали?

— Мимо ѣхать-то, а у меня должокъ былъ въ деревнѣ не полученъ за стройку да за сѣно. Заѣхалъ получить.

— А не знаешь, гдѣ въ Америку билеты выправлять?

— А гдѣ на пароходъ садиться. Тамъ билеты берутъ и на пароходъ садятся. Только этотъ пароходъ идетъ не до мѣста, а до Гамбурга—города, а въ Гамбургѣ другой пароходъ будетъ прямо до Америки.

Машка взглянула въ лицо отца. Отецъ глядѣлъ весело. Онъ, видимо, радъ былъ, что попалъ на попутчика, а Татьяна вела разговоръ съ бабами.

— Такъ-то безпокойно, такъ-то безпокойно, не дай Богъ!—говорила старуха.—Какъ подумаешь, что ты мычешься, а другіе живутъ, никакой заботы не знаютъ, такъ все сердце и перевернется.

— Мало такой жизни у насъ, все въ хлопотахъ.

— Когда въ хлопотахъ-то незамѣтно, а когда вотъ такъ слоняешься, вотъ бѣда-то.

— Може, впереди покойнѣй будетъ, дѣткамъ нашимъ другая жизнь пойдетъ.

— Только изъ-за дѣтей и переносишь все, не хочется, чтобы у нихъ такая судьба была.

А Михайло разспрашивалъ, какъ надо выправлять паспортъ, не строго ли тамъ начальство. Когда поужинали, мать вылѣзла изъ-за стола и сказала:

— Ну, вамъ пора теперь «на боковую», давайте постелю.

Она стала раскидывать на нарахъ одежду и котомку приспособила «въ головы». Ѳедосья стлала своимъ ребятамъ. Машкѣ хотѣлось спать, но, когда она легла, ей стало мерещиться, что она пережила сегодня, и сонъ ея пропалъ. Она повернулась и увидѣла, что рядомъ съ нею укладываютъ Петьку˙ Машка взглянула на него и спросила:

— А вы долго ѣхали по машинѣ?

— Долго.

— Сколько дней?

Петька сталъ соображать, но, видимо, не могъ припомнить. Онъ только сказалъ:

— Мно-о-го...

У Машки стали слипаться глаза, и она зѣвнула.

Когда она спала, ей снились разные сны: то слышался свистъ, то на нее надвигалась черная глазастая голова машины съ загребущими руками. Машка вздрагивала, просыпалась, потомъ опять закатывалась какъ мертвая.

Передъ свѣтомъ ей приснилась деревня и свой дворъ. И вдругъ сзади этого двора показался огонь. Огонь охватилъ всю крышу и спустился на избу. Машка и Семка вышли на дорогу и смотрѣли, какъ идетъ пожаръ. Домъ сгорѣлъ, и на мѣстѣ его осталась одна кучка золы. Семка сталъ тянуть ее домой и заплакалъ. Машка тоже заревѣла.

— Некуда намъ итти, сгорѣла наша изба.

Она плакала долго и горько и разбудила мать. Мать взяла ее за плечи и повернула къ себѣ.

— Ты что, дура этакая!

Машка очнулась, но горе ея не прошло. Она всхлипнула и сказала:

— Нашъ домъ сгорѣлъ.

— О-о, дура! Да гдѣ онъ, нашъ домъ-то! Его теперь не видать.

Проснулся отецъ и въ свою очередь спросилъ:

— Ты что это?

— Наша Домашка все о домѣ жалѣетъ. Сгорѣлъ вишь.

— Погоди, на новое мѣсто придемъ, новый построимъ, да еще какой!

Машка успокоилась и опять заснула, и когда она проснулась, то той семьи на «постояломъ» уже не было. Были только отецъ да мать, да какіе-то мужики, пріѣхавшіе въ городъ съ гробами.

X.

О паспортѣ отецъ хлопоталъ три дня. Когда онъ уходилъ, мать брала Машку и Семку и шла съ ними со двора. Съ первыхъ же шаговъ имъ попадались всякіе люди. Большіе, нарядные, какъ тогда въ вагонѣ. Маленькіе съ сумками въ рукахъ или за плечами. Мать говорила, что они шли учиться. Уходя дальше отъ постоялаго двора, они попадали на большую, широкую улицу. На этой улицѣ почти въ каждомъ домѣ были широкія, низкія окна, а въ окнахъ выставлены всякіе наряды, игрушки, гостинцы. Татьяна съ ребятишками переходила отъ окна къ окну, и Машка не могла оторвать глазъ отъ того, что было выставлено за окномъ.

— Мама, а куда же эти игрушки?

— Покупаютъ.

— А кто ихъ покупаетъ?

— Богатые, у кого денегъ много.

— Отчего бываютъ богатые?

— Накопятъ денегъ—вотъ и богатые...

На третій день отецъ пришелъ къ обѣду и сказалъ, что паспортъ готовъ и что сегодня вечеромъ можно будетъ ѣхать. Послѣ обѣда они стали завязывать узелъ и котомку, и когда смерклось, отправились на вокзалъ. Опять они сѣли на машину. Опять вокругъ нихъ были новыя лица, слышались непонятныя рѣчи, ходили мужики съ бляхами на картузахъ, раздавались звонки, дребезжали и ухали свистки. Наконецъ машина пошла, но теперь ужъ въ другую сторону.

Машка спала ночь на верхней полкѣ, и, когда проснулась,

былъ день, но они все ѣхали. Ѣхали они этотъ день, еще ночь и только на другой день передъ обѣдомъ машина привезла ихъ въ тотъ городъ, гдѣ имъ нужно было высаживаться. Они стали слѣзать. Черные сюсюкающіе мужички стояли тутъ толпами, подходили къ нимъ, зазывали ихъ къ себѣ.

— Пожалуйте въ нашу гостиницу. У насъ все есть, хорошо и недорого. Чай есть, булка есть, комната есть.

Отецъ сказалъ, что они сами найдутъ, что имъ нужно, и повелъ ихъ черезъ площадь въ трактиръ. Они вошли въ низкую грязную комнату, подошли къ одному столу и только сбросили котомки, какъ въ другомъ залѣ мелькнуло знакомое лицо и къ нимъ подошелъ Иванъ.

— Здорово!—сказалъ Иванъ, и улыбка расплылась по его румяному лицу.—И вы пріѣхали?

— Пріѣхали.

— Въ разъ. Сегодня послѣ обѣда нашъ пароходъ идетъ.

— Въ Америку?

— До Гамбурга, а въ Гамбургѣ американскій подадутъ. Мы уже и билеты выправили.

— Гдѣ?

— Контора есть такая. Пей чай, да я тебя сведу. Тамъ все узнаешь.

Михайло сталъ озабоченнымъ. Онъ заказалъ чаю и велѣлъ Татьянѣ попроворнѣй распоряжаться. Но Иванъ не замѣчалъ его озабоченности и весело говорилъ:

— Нуждаются тамъ въ нашемъ братѣ.

— Гдѣ, въ Америкѣ-то?

— Да... ужъ какъ расписываютъ—страсть! Встрѣтилъ я тутъ одного человѣка,—такъ онъ прямо чудеса разсказываетъ. Какая тамъ земля, — самъ пятьдесятъ родитъ! А хлѣбъ какой, — чистое золото! Опять, если наняться пожелаешь, тоже деньги дадутъ.

— Стало-быть, не пропадемъ?—сказалъ Михайло, и глаза его весело заблестѣли.

— Видно, что.

Напившись чаю, Михайло ушелъ выправлять билеты, а Татьяна съ ребятишками осталась у стола. Къ нимъ подошла старуха—Ѳедосьина мать, радушно, какъ со старой знакомой, поздоровалась и подсѣла къ столу.

— Ну вотъ, матушка, и къ синю морю пріѣхали. Были, говорятъ, цвѣточки, а впереди будутъ ягодки.

— Что такое?

— Больно страшно. Посадятъ тебя внизъ подъ воду, карабь пойдетъ, а ты будешь въ водѣ. Взглянешь въ окно, а у тебя передъ глазами вода и рыба, говорятъ, по окнамъ хвостомъ бьетъ.

— Кто же это видѣлъ?

— Кто ѣздилъ. И такія говорятъ страсти... Карабь качаетъ, и тебя изъ стороны въ сторону носитъ, а вылѣзешь наверхъ, споткнешься и полетишь прямо въ воду.

— Что жъ, и топнутъ?

— Говорятъ, топнутъ.

— Сохрани, Господь, и помилуй! — боязливо проговорила Татьяна.

— А все изъ-за васъ мы муку принимаемъ,—обратилась вдругъ старуха къ Машкѣ съ Семкой.—Зачѣмъ бы намъ для себя такую тревогу переживать?

— А сколько время водой-то ѣхать?

— Недѣли двѣ, говорятъ.

— И все земли не видать?

— Не видать ни земли ни берега.

Татьяна задумалась и стала грустная. А у Машки прямо сжалось сердце. Ей стало мерещиться: а ну-ка они утонутъ! Если не она, такъ кто-нибудь изъ нихъ? Она подошла къ матери и крѣпко прижалась къ ней.

— Ты что?—спросила Татьяна.

— Я боюсь.

— Чего ты боишься?

— По водѣ ѣхать.

— Ну, оставайся здѣсь, мы одни поѣдемъ, — пошутила Татьяна.

— Да, съ кѣмъ я останусь-то?

— Ну, вотъ то-то и есть!

Старуха съ Татьяной говорили, пока не пришелъ Михайло. Михайло пришелъ и скомандовалъ:

— Ну, идемъ на пароходъ садиться!

XI.

Берегъ былъ каменный. Около него стоялъ пароходъ, большой какъ домъ, въ три этажа съ трубами и столбами. Къ

верхушкѣ столбовъ шли снизу веревки. Съ берега на пароходъ были перекинуты сбитыя вмѣстѣ доски съ перильцами, и по нимъ безпрерывно шли люди съ котомками, узлами, сундучками. Люди были разные. Одни въ бѣлыхъ зипунахъ, другіе въ нагольныхъ полушубкахъ. У всѣхъ были угрюмыя, озабоченныя лица. Говорили многіе совсѣмъ непонятно. Всѣ торопились итти, шли не останавливаясь, а на каменномъ берегу народу будто не убывало. Въ сторонѣ стояла какая-то чудная машина. У нея былъ длинный носъ изъ цѣпей съ крюкомъ на концѣ. Она повертывалась, опускала носъ; ей надѣвали веревочный кошель, полный котомками, сундуками, узлами. Носъ поднималъ кошель, поворачивался до потолка парохода, тамъ сѣтку снимали, и носъ опять опускался на берегъ.

Машку разобрало любопытство, и она сказала:

— Онъ и насъ такъ перетащитъ?

— Садись на узлы,—пошутилъ отецъ.

— Нѣтъ, не надо,—сказала Машка и ухватилась за материнъ подолъ.

Впереди у нихъ стало попросторнѣе, и они подошли къ мосткамъ. Мостки были съ перильцами, и по нимъ было легко подниматься. Поднявшись на потолокъ, они увидѣли крылечко посерединѣ и пошли къ нему. Узкая лѣстница тоже съ перилами вела внизъ.

— Туда итти?—спросила Татьяна.

— Извѣстно,—видишь—всѣ идутъ.

Они пошли внизъ и вдругъ очутились въ большой, низкой, какъ на „постояломъ", залѣ съ бѣлымъ потолкомъ, длиннымъ столомъ посерединѣ и нарами по бокамъ. Нары были въ два этажа, и многія мѣста на нихъ были заняты. Михайло окинулъ глазами, гдѣ имъ лучше примоститься, и увидѣлъ Ивана. Иванъ пробирался къ нимъ и говорилъ:

— Идите сюда,—мы вамъ заняли мѣсто.

Занятое мѣсто было внизу. Тамъ была уже и старуха и Ѳедосья съ ребятами. Они подвинулись къ одному боку, и Татьяна положила свой узелъ и усадила Сёмку. Машка тоже сейчасъ влѣзла на нары, подошла къ круглому окошку въ стѣнѣ и заглянула въ него.

За окошкомъ была какая-то стѣна. Около стѣны гуськомъ стояло нѣсколько пароходовъ, качались лодки, а гдѣ стѣна кончалась, разстилалась безъ конца вода. Вода эта, слегка зыблясь, уходила вдаль и далеко-далеко гдѣ-то сливалась съ небомъ.

Машка долго глядѣла на эту водную ширь и, оторвавшись отъ окна, вдругъ проговорила:

— Мамка, мы туда поплывемъ?

— Должно быть, туда.

— Какъ страшно!

Она отпрянула отъ окна и сѣла на нарахъ и стала глядѣть, что дѣлается вокругъ. Съ лѣсенки все спускались люди и занимали свободныя мѣста. И, какъ ни просторно казалось помѣщеніе, вскорѣ оно все было забито народомъ.

— И это все въ Америку?—удивляясь, спросила Татьяна.

— Многіе въ Америку,—отвѣтилъ Иванъ.

— А я думала,—мы одни такіе храбрые.

— Сидишь весь вѣкъ на одномъ мѣстѣ, незнамо что подумаешь.

— Правда, не только свѣту, что въ окнѣ; изъ окна выйдешь—больше увидишь.

— А вы бы поглядѣли, въ Сибирь всякаго народу сколько ѣдетъ,—вмѣшалась въ разговоръ Ѳедосья:—семьями, со всѣмъ скарбомъ; другой съ собой хомутъ пахальный везетъ, тяжи, заслонку...

— Жалко бросить-то!

— А провезти-то чего стоитъ? Такой народъ ужъ безразборный.

Рядомъ съ Подаркиными помѣстилась еврейская семья. Старый еврей былъ съ крючковатымъ носомъ, небольшими горящими глазами. Съ нимъ ѣхалъ его сынъ—молодой, блѣднолицый, съ рыжей бородой и его жена—блѣдная, худощавая. Они везли много вещей и завалили ими и нары и спрятали подъ нары. За еврейской семьей сидѣли два парня въ барашковыхъ шапкахъ, оба усатые, оба въ короткихъ поддевкахъ, застегнутыхъ не сбоку, какъ у всѣхъ, а посреди груди. Евреи говорили по-своему, и Машка не понимала у нихъ ни слова, у парней же кое-что можно было разобрать.

Противъ Подаркиныхъ, на другой сторонѣ помѣщенія, и верхнія и нижнія нары заняли молодые, здоровые ребята, говорившие между собою тоже непонятно. Они сбросили съ себя куртки и остались какъ дома. Одинъ досталъ гармоньку, другой балалайку, третій еще какую-то штуку.

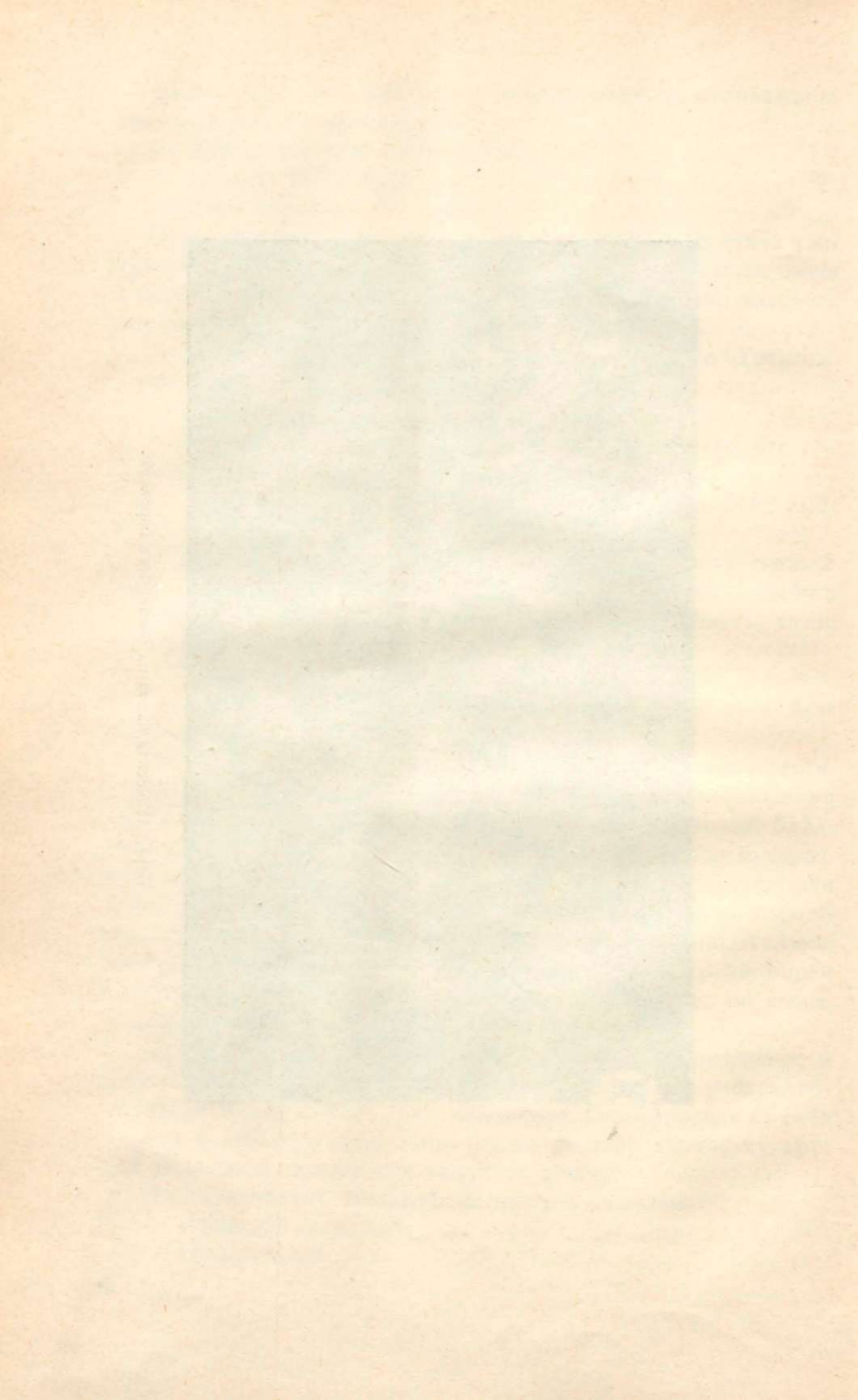
Иванъ показалъ Михайлѣ на нихъ и вымолвилъ:

— Нѣмецкіе колонисты.

— Откуда они?

Переселенческая каюта на океанскомъ пароходѣ.

— Съ Волги. Тамъ у нихъ большія земли. Ну, тоже тѣсно стало, ѣдутъ куда попросторнѣе.

Кое-кто изъ ѣдущихъ подсаживались къ столу и начинали закусывать. Приносили откуда-то кипятокъ и пили чай.

Вдругъ потолокъ надъ ними задрожалъ, и раздался глухой гулкій ревъ. Машка съ недоумѣніемъ взглянула на отца. Отецъ сказалъ:

— Видно, скоро поѣдемъ—первый гудокъ.

Когда первый гудокъ прогудѣлъ, люди въ каютѣ стали суетливѣй. Одни лѣзли наверхъ, другіе опять сходили внизъ. Къ столу подсаживались больше и вскорѣ заняли всѣ свободныя мѣста. Пили чай и ѣли какъ въ трактирѣ. Заводились разговоры. Машка приглядывалась къ людямъ, и ей все было ново и любопытно.

XII.

Вскорѣ раздался второй свистокъ и третій. Послѣ третьяго свистка что-то загремѣло снаружи, потомъ страшно зашумѣло, все дрогнуло, и полъ заколебался. Машка вскочила на нары и опять подбѣгла къ окну. Въ оконцѣ она увидала, что стѣна, бывшая неподалеку, какъ будто сдвинулась и поплыла. Поплыли и стоявшіе около нея пароходы, но когда Машка взглянула попристальнѣй, то оказалось,—плыли они. По стѣнѣ ходилъ какой-то народъ. Нѣкоторые останавливались и махали въ ихъ сторону платками. Машка прилипла къ окошку. Вдругъ она почувствовала, что сбоку ея еще кто-то лѣзетъ къ окну. Она оглянулась и увидала Петьку.

— Дай мнѣ поглядѣть.

— Гляди,—сказала Машка и пожалась въ сторону.

Петька занялъ половину окна и впился въ него.

— Какъ хорошо-то!

— Что хорошо?

— А мы плывемъ-то.

— А тебѣ не страшно?

— Нѣтъ.

— И мнѣ нѣтъ.

Пароходъ миновалъ стѣну и вышелъ въ открытое мѣсто. Плавность его хода измѣнилась — онъ началъ подрагивать и колебаться. Ребятишкамъ стало весело.

— Гляди, какъ качается!

— Хорошо!

Покачивался столъ, нары; съ непривычки люди съ трудомъ держались на мѣстѣ и безпрерывно оглядывались вокругъ.

— Нешто пойти наверхъ,—сказалъ Михайло Татьянѣ и, обращаясь къ Машкѣ, крикнулъ:—Домашка, хочешь наверхъ?

— Хочу,—отвѣтила Машка и спрыгнула съ наръ.

Когда они вышли наверхъ, то теперь наверху стало не такъ, какъ прежде. Весь потолокъ или палуба, какъ называли здѣсь, былъ загроможденъ всякимъ скарбомъ. Стояли огромныя бочки, лежали круги канатовъ, какіе-то ящики, мѣшки. Въ одномъ мѣстѣ подъ навѣсомъ было стойло, и въ немъ тѣснились четыре коровы. Всюду стояли люди. Особенно тѣсно было около широкой, какъ ихъ сельская колокольня, трубы. Отъ этой трубы до другой былъ надстроенъ еще верхъ, и тамъ толпились какіе-то люди. Но эти люди, должно быть, были особенные. Съ этой палубы туда не пускали. Тогда отецъ, держа Машку за руку, подошелъ къ краю, къ перильцамъ, и сталъ глядѣть на воду.

У Машки замерло сердце. Пароходъ шелъ въ ту сторону, гдѣ вода сливалась съ небомъ, и ей не было конца. Кругомъ плескались сердитыя волны, и онѣ такъ бились о стѣны парохода, что брызги долетали до нихъ. Городъ и каменный берегъ были уже далеко. Дѣвочка крѣпко впилась въ руку отца, а за нее уцѣпился Петька.

— Что, боишься?—спросилъ отецъ.

— Боюсь,—созналась Машка.

— Ну, не бойся. Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ.

— А если упадешь?

— Ну, а если упадешь, тутъ тебѣ и капутъ. Лучше не падай!

— Пойдемъ внизъ, что пугать-то,—упрекнула мужа Татьяна.

— Постой маленько, успѣемъ.

Михайло стоялъ и глядѣлъ на открывавшееся передъ нимъ море и на берегъ, на который они, можетъ-быть, никогда уже не воротятся, и изъ его груди вырвался глубокій вздохъ и лицо его стало грустно. Не весело глядѣла и Татьяна. Но Машка испытывала только страхъ. Ей казалось, что ее сдуетъ вѣтеръ или качнетъ, и она полетитъ сама.

— Пойдемъ, тятька.

— Да погоди, поспѣешь!

Тогда Машка обратилась къ Петькѣ и спросила:

— Петька, а тебѣ страшно?

— Страшно.

— Ужъ очень много воды.

— Много.

— Небось въ этой водѣ рыба есть?

— Знамо, есть.

— А если всегда жить здѣсь?

— Ну что жъ?

— Я бы не хотѣла. Травки нѣтъ, поиграть негдѣ.

— А вонъ, тутъ коровы-то!

— Мало что коровы, и имъ нехорошо.

— Ну, пойдемте, – сказалъ Михайло и пошелъ къ лѣстницѣ.

XIII.

Когда они спустились внизъ, то тамъ слышались разговоры, смѣхъ. Михайло взглянулъ на Татьяну и сказалъ:

— Нешто и намъ чайку попить?

— Ну что жъ, давай попьемъ.

Михайло принесъ кипятку, и когда они сѣли, началось веселье. Колонисты наладили свои инструменты и заиграли „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ". Когда пѣсня кончилась, они перешли на другую. Одинъ изъ усатыхъ парней подошелъ къ колонистамъ и проговорилъ:

— А ну, сыграйте казачка!

Колонисты переглянулись между собой, и старшій изъ нихъ, весноватый, съ подстриженными бѣлокурыми усами, въ высокой шапкѣ на затылкѣ, кивнулъ своимъ и сказалъ:

— Ну, что жъ, сыграемъ хохлу казачка.

Вмѣсто тяговыхъ посыпались отрывистые звуки. Хохолъ отстранилъ столпившійся въ проходѣ между столомъ и нарами народъ, остановился въ серединѣ, уставилъ руки „въ боки" и началъ въ тактъ игры постукивать правой ногой. Потомъ онъ вдругъ подпрыгнулъ, стукнулъ обѣими ногами и заходилъ взадъ и впередъ, часто выбивая веселую дробь каблуками и носками. Лицо его раскраснѣлось, на лбу выступилъ потъ, но глаза дѣлались веселѣе и веселѣе. Когда

онъ кончилъ, то многіе захлопали въ ладоши и закричали, одобряя его пляску.

— Вотъ какъ тутъ весело, Домашка! — сказалъ Михайло, нагибаясь къ Машкѣ.

Машка улыбнулась и отвела въ сторону глаза, а мать проговорила:

— Этакъ скорѣй время пройдетъ, незамѣтно.

Къ вечеру пароходъ такъ далеко ушелъ отъ берега, что земли нигдѣ не было видно. Пароходъ покачивало. Отъ этой качки, должно быть, многіе лежали, какъ въ люлькѣ, не поднимая головы. Становилось душно. Старый еврей, что занималъ мѣсто рядомъ съ Подаркиными, говорилъ:

— Это ницево, это ни качка, а вотъ коли вѣтеръ, тогда дуже кацаетъ. Охъ, какъ кацаетъ—душа изъ тѣла вонъ!

Машкѣ качка напоминала качели. Отецъ съ матерью ея не замѣчали, но старуха Иванова лежала, закрывши голову, и охала.

— Что ты, бабушка?—спросилъ Михайло.

— Ничего, это я такъ,—отвѣтила старуха и продолжала охать.

Начинало смеркаться. Вдругъ въ разныхъ мѣстахъ по потолку и на стѣнахъ въ небольшихъ стеклянныхъ лампочкахъ загорѣлся огонь. Машку это очень удивило, и она спросила отца:

— Что это такое?

— Листричество.

— Какъ же его зажигаютъ?

— Пущаютъ, оно и загорается.

— А какъ пущаютъ?

— А такъ...

Больше Михайло ничего не могъ сказать.

Машка съ Сёмкой глядѣли, вытаращивъ глаза, на горящіе фонарики. Сёмка потянулся къ одному руками, но мать остановила его:

— Сиди ужъ, бойчага!

Петька и Катька пугливо глядѣли на охавшую бабушку и держали себя смирно. Ѳедосья вдругъ проговорила:

— Пошить нешто што?

— Тутъ можно. Сядь къ столу и шей,—сказалъ Михайло.

— Вотъ до чего народъ доходитъ,—вздохнувъ, вымолвилъ Иванъ.—На водѣ домъ плыветъ, а въ домѣ, что бывало на фабрикѣ, въ казармахъ.

— А ты живанулъ на фабрикѣ-то?—спросилъ Михайло.

— Какъ же, сколько годовъ! А когда забастовки открылись, наша фабрика нарушилась. Я тогда въ деревню и переѣхалъ.

— И у васъ плоха земля въ деревнѣ?

— И плоха и тѣсна, а главное — народъ недруженъ. Съ землей воюй, съ сосѣдомъ воюй, съ міромъ воюй, а въ брюхѣ все пусто. Воевать, такъ было бы за что.

— Да-а,— согласился Михайло,—въ нашихъ мѣстахъ живешь, словно по пустому снопу цѣпомъ бьешь. Бьешь прытко, а умолотку не видко.

— Вотъ то-то и есть! Въ Сибири, кто на хорошее мѣсто попалъ,—тотъ же человѣкъ, а у него хлѣба и корму. Одинъ человѣкъ работаетъ, а трое кормятся, а у насъ самъ себя не прокормишь.

— И въ Америкѣ тозе,—вмѣшался старый еврей.—Америка такое мѣсто... тамъ всѣ сыты и всѣ богаты. Богацко грошей заробить мозно. Поробишь десять годовъ, самъ пановать можешь.

— Намъ бы ни до жиру, а быть бы живу,—вздыхая вымолвилъ Михайло.

— Живы будемъ,—увѣренно проговорилъ Иванъ.—Вонъ сколько народу, нешь, правда, съ пуста, — чѣмъ-нибудь ихъ увѣрить надо.

— Видно, поднялъ палку, не упускай галку?—весело, поднимая голову, спросилъ Михайло.

— Извѣстно, въ галку не попадешь, воробья подшибешь,— на голодные зубы и это хлѣбъ.

Глядя на Ѳедосью, Татьяна развязала узелъ и тоже взялась за иглу.

Когда колонисты наигрались и плясавшій хохолъ вернулся на свое мѣсто, Ѳедосья вдругъ запѣла. Она запѣла вполголоса, для себя. Пѣсню она выбрала старинную.

„Отцовскій домъ покин-у-у-лъ я-я,
Трав-в-о-о-ю за-а-ра-асте-етъ...“

затянула Ѳедосья. Голосъ у нея былъ мягкій, пріятный и сильный, и только она наладилась, какъ по сосѣдству съ ней притихли и стали оглядываться на другихъ, какъ бы приглашая послушать, что имъ пропоетъ дальше эта худощавая, горбоносая бабочка.

А дальше въ пѣснѣ говорилось:

„С-о-о-ба-ка вѣ-ѣ-р-на-ая м-о-я
За-а-а-ла-е-тъ у во-о-ротъ.
На кровлѣ фи-и-и-линъ за-а-кричитъ
Да-а-леко по-о лѣса-а-мъ,
За-а-а-но-о-етъ с-е-е-рдце, за-а-грустить...“

И чѣмъ дальше пѣла Ѳедосья, то больше силы сказывалось въ ея голосѣ, и эта сила и задушевность, сквозившая въ каждомъ словѣ пѣсни, такъ захватывала всѣхъ, что постепенно каюта затихала, разговоръ и споръ пріостанавливались, всѣ напрягали слухъ и ловили звуки пѣсни. Многіе лежавшіе поднимали головы. Кромѣ пріятныхъ звуковъ, важными казались и слова. Они подходили къ положенію многихъ и многихъ хватали за сердце. Ѳедосья кончила и, не поднимая головы, продолжала свое дѣло. Каюта была въ оцѣпенѣніи... Съ минуту продолжалось молчаніе, нарушаемое только вздохами, односложными восклицаніями. Вдругъ хохолъ, не тотъ, который плясалъ, а другой, вскочилъ съ наръ и воскликнулъ:

— О тожъ пісня, не хай ей легонько икнетця! Дуже гарна!..

— А хіба вы гарныхъ пісенъ не знаете?—сказалъ старый еврей.—Въ васъ ихъ богацко?

— Яки-жъ таки?

— Эге... сами знаете.

— А ну, спивай и ты!—присталъ къ нему молодой еврей.

— Шожъ я тобі заспиваю?

— А шо-нибудь.

— Мабуть о цю.

И хохолъ оперся на нару и, поднявъ голову, неувѣренно, но зычнымъ голосомъ затянулъ:

„Якъ я лежавъ
И вісь дрожавъ,
Послідній разъ
Прощай сказавъ“.

XIV.

Всю дорогу до Гамбурга стояла тихая, ясная погода. Пароходъ шелъ быстро. Музыка, пѣсни и пляска почти не перемежались. Вечеромъ велись разсказы, а днемъ почти всѣ выходили на палубу, дышали свѣжимъ воздухомъ и глядѣли,

что дѣлается на морѣ. Море колыхалось и играло на солнцѣ золотомъ и серебромъ, и въ разныхъ мѣстахъ его были разноцвѣтныя пятна, то будто въ него пролита синяя краска, то бурая, то темнозеленая. Иногда на морѣ появлялись кучкой какія-то бѣлыя палатки и тихо двигались въ одну сторону. Машкѣ объясняли, что это парусники, либо рыбацкіе, либо торговые; порой показывались пароходы. Когда пароходъ шелъ близко, то многіе снимали шапки и махали пароходу, и на томъ пароходѣ дѣлали то же. Около парохода изъ воды иногда выскакивала какая-нибудь рыба и вновь ныряла. Часто являлись морскія свиньи. Эти были всѣхъ смѣлѣе. Выскочивъ изъ воды, онѣ кувыркались въ воздухѣ и подолгу плыли рядомъ съ пароходомъ.

Въ морѣ.

Одинъ разъ, когда Подаркины всей семьей сидѣли на палубѣ и глядѣли на море, вправо отъ парохода вдругъ что-то заблестѣло, какъ серебро. Это шла цѣлая стая какихъ-то рыбъ; вдругъ по бокамъ стаи показываются черные бугорки; этихъ бугорковъ являлось все больше и больше—и черезъ минуту вся стая была окружена ими кольцомъ; бугорки были тѣ же морскія свиньи, или дельфины, какъ ихъ называлъ одинъ матросъ. Дельфины одинъ за другимъ стали бросаться въ середину стаи, хватать рыбъ и тутъ же пожирать ихъ. Рыбы заметались во всѣ стороны, но куда онѣ ни бросались, вездѣ ихъ встрѣчали враги. Вода кипѣла отъ этой гоньбы и крупными брызгами летѣла вверхъ; иногда наверхъ выскакивали и рыбы, но дельфины подхватывали ихъ на лету. Долго

пировали дельфины, и, когда пароходъ ушелъ довольно уже далеко, видно было, какъ они, насытившись, играли, кувыркаясь въ воздухѣ.

Въ Гамбургъ пріѣхали ночью. Съ парохода ихъ не выпустили, и они остались ночевать тамъ, кто гдѣ помѣщался, и только на другой день передъ обѣдомъ ихъ стали пересаживать на другой пароходъ.

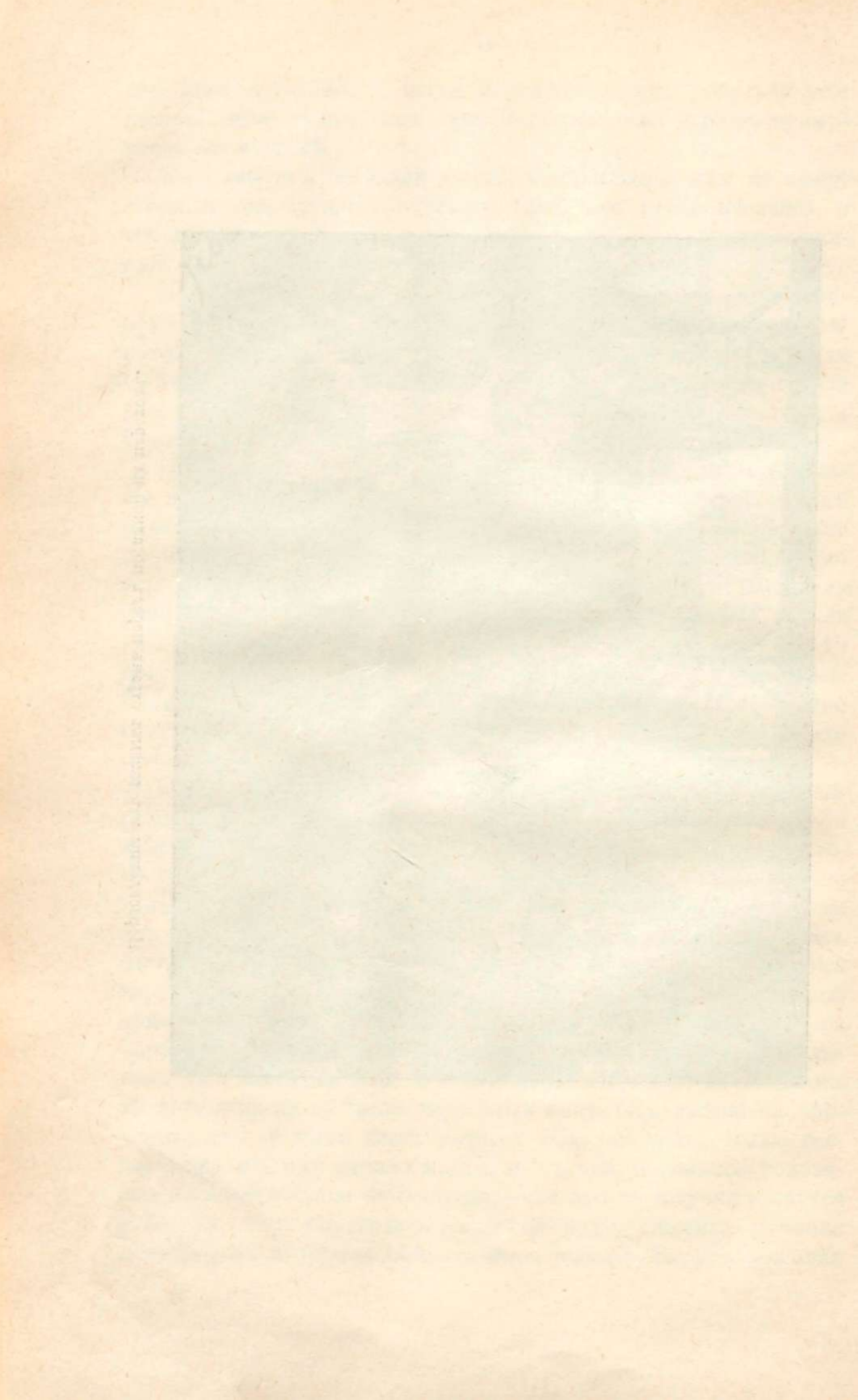
Другой пароходъ былъ еще больше, чѣмъ тотъ, на которомъ они пріѣхали. Во время этой пересадки,—тѣсноты и толкотни оказалось больше, чѣмъ въ первый разъ. Ихъ держали на берегу въ очереди нѣсколько часовъ. Потомъ, когда пошла нагрузка, они долго-долго ждали. Машка страшно устала, а Сёмка уснулъ у матери на рукахъ.

На этомъ пароходѣ и помѣщенія для людей оказалось больше и все-таки было тѣснѣй. Теперь каюту наполнялъ народъ разныхъ племенъ. Больше было такихъ, которые совсѣмъ не понимали русскаго языка. Подаркины и Иванова семья тѣсно держались другъ дружки. Имъ и здѣсь удалось помѣститься рядомъ, но хохлы куда-то отбились, и еврейская семья попала на другую сторону. Съ ними рядомъ расположились какіе-то совсѣмъ невѣдомые люди,—черные, какъ цыгане, и курчавые. Они были очень легко одѣты, и вещей у нихъ было мало. Они глядѣли на своихъ сосѣдей горящими глазами, и сосѣдямъ было почему-то неловко отъ ихъ взглядовъ.

И когда всѣ люди перешли съ берега на пароходъ и всѣ вещи перетаскали двумя машинами съ желѣзными носами,—и здѣсь раздались гудки, задрожали стѣны и палуба, опять что-то гремѣло снаружи, пароходъ колебался. Но теперь это не такъ ужъ занимало. На новомъ пароходѣ съ новыми сосѣдями всѣ по-другому стали себя и чувствовать. Отчего-то всѣмъ было грустнѣе. Мать стала вздыхать, отецъ насупился, а Машкѣ вдругъ стало припоминаться, что у ней бывало въ прошлой домашней жизни. Она привалилась головой къ котомкѣ на нарахъ, зажмурила глаза, и передъ ней одно за другимъ всплывали въ памяти событія изъ ея жизни. Первымъ вспомнилось то время, когда ей шелъ четвертый годъ. Она вышла на проулокъ, гдѣ у нихъ была вырыта яма для воды. Была весна, воды въ ямѣ стояло много, и въ ней появились головастики. Машкѣ стало любопытно,—что это за штучки толкутся у берега. Она спустилась къ самой водѣ, сложила ручонки ковшичкомъ и хотѣла поймать хоть одного. Вдругъ ножонки

Переселенцы изъ разныхъ странъ передъ посадкой на пароходъ.

ея поскользнулись, и она сама поѣхала въ яму. Она не успѣла притти въ себя, какъ очутилась въ водѣ. Рубашонка на ней вздулась, она заухала отъ испуга, а вслѣдъ за нею закудахтали куры на проулкѣ. Тогда еще жива была бабушка. Она услыхала, что на проулкѣ неблагополучно, выскочила туда и вытащила изъ воды Машку. Машкѣ живо представлялось, какъ ее вытащила бабушка и какъ она ругала ее за то, что дѣвочка полѣзла къ водѣ, а сама крѣпко прижимала ее къ сердцу и испугалась не меньше самой Машки.

И вдругъ Машкѣ стало жалко бабушку, и она подумала:

„Зачѣмъ она умерла?“

За первымъ выплылъ второй случай. Это было уже много послѣ. У нихъ былъ теленокъ. Его не пускали въ стадо, а пасли на огородѣ. Та же бабушка послала Машку снести ему бадью съ пойломъ. Машка понесла. Теленокъ пилъ-пилъ пойло, потомъ вдругъ какъ толкнетъ бадью и поднялъ голову. Дужка бадьи вскочила ему на лобъ, зацѣпилась за рожки, и вся бадья поднялась съ головой. Теленокъ рванулся назадъ и хотѣлъ сбросить бадью, но бадья не скидывалась. Теленокъ затрясъ головой и началъ пятиться назадъ. Пятясь, онъ толкнулся въ тынъ. Тогда онъ бросился впередъ и началъ взлягивать. Машка бѣгала за нимъ и все хотѣла сорвать у него бадейку, а теленокъ крутилъ головой, гремѣлъ бадьей и не давался. Онъ опять наскочилъ на плетень, ударился въ него бокомъ и упалъ. Машка думала, что онъ задохся, закричала, а теленокъ вдругъ еще разъ тряхнулъ головой, — бадейка свалилась. Теленокъ вскочилъ на ноги и вдругъ началъ катать бадейку по огороду. Машка насилу отняла ее.

Послѣ этого вспомнилось еще кое-что изъ прежней домашней жизни, и Машка забыла, гдѣ и куда ѣдетъ, свернулась, какъ кошечка, и сладко заснула.

XV.

И на слѣдующій день была хорошая погода. Пароходъ шелъ, какъ говорили, какимъ-то рукавомъ. Онъ шелъ цѣлый день. То налѣво, то направо виднѣлась земля и съ палубы глядѣли въ сторону. Такимъ же мѣстомъ проѣхали еще день и къ концу второго дня все показывали направо и говорили,

что это послѣдняя земля, конецъ ея, и теперь земли больше не будетъ до самой Америки.

И какъ только кончилась земля, кончилась хорошая погода. Небо покрыло тучами, и подулъ вѣтеръ. На третій день утромъ Машка проснулась съ тяжелой головой, въ вискахъ у ней постукивало и болѣлъ лобъ. Въ каютѣ стоялъ нехорошій, тяжелый духъ. Машка подняла голову. Кругомъ было смирно. Всѣ, кто находился въ каютѣ, лежали на нарахъ и не шевелились,—кто стоналъ, кто охалъ. Машка испугалась и оглянула сбоку себя. Мать тоже лежала, закрывши глаза. Около нея лежалъ Сёмка. Отца не было.

Машка сразу же почувствовала, что пароходъ ихъ шелъ не какъ прежде, а тише. Онъ высоко вздымался вверхъ и опускался. Снаружи его что-то шумѣло и било въ стѣны и иногда било такъ сильно, что стѣны вздрагивали и трещали нары. Машка поднялась къ окну и взглянула сквозь залитое водой, круглое толстое стекло. Волны поднимались, какъ горы, и верхушки волнъ кудрявились серебряной пѣной. Казалось, вода закипала, поднимаясь наверхъ. Машкѣ стало жутко. Она тронула за плечи мать.

— Мамка!

Татьяна, не открывая глазъ, отвѣтила:

— Отстань ты отъ меня ради Господа Бога!

Она сказала это такимъ голосомъ, какой Машка слышала отъ нея только одинъ разъ, когда у нихъ родился Сёмка. Машка растерялась; испугъ ея сталъ больше.

— Да что ты?

— Отвяжись!

Машка сидѣла на нарахъ и не знала, что ей дѣлать. Она еще разъ обвела глазами всю каюту, опять увидала, что всѣ лежатъ безъ движенія и стоны слышны въ разныхъ мѣстахъ. А за стѣной бьются шумя волны и пароходъ съ каждымъ разомъ вздрагиваетъ все сильнѣй.

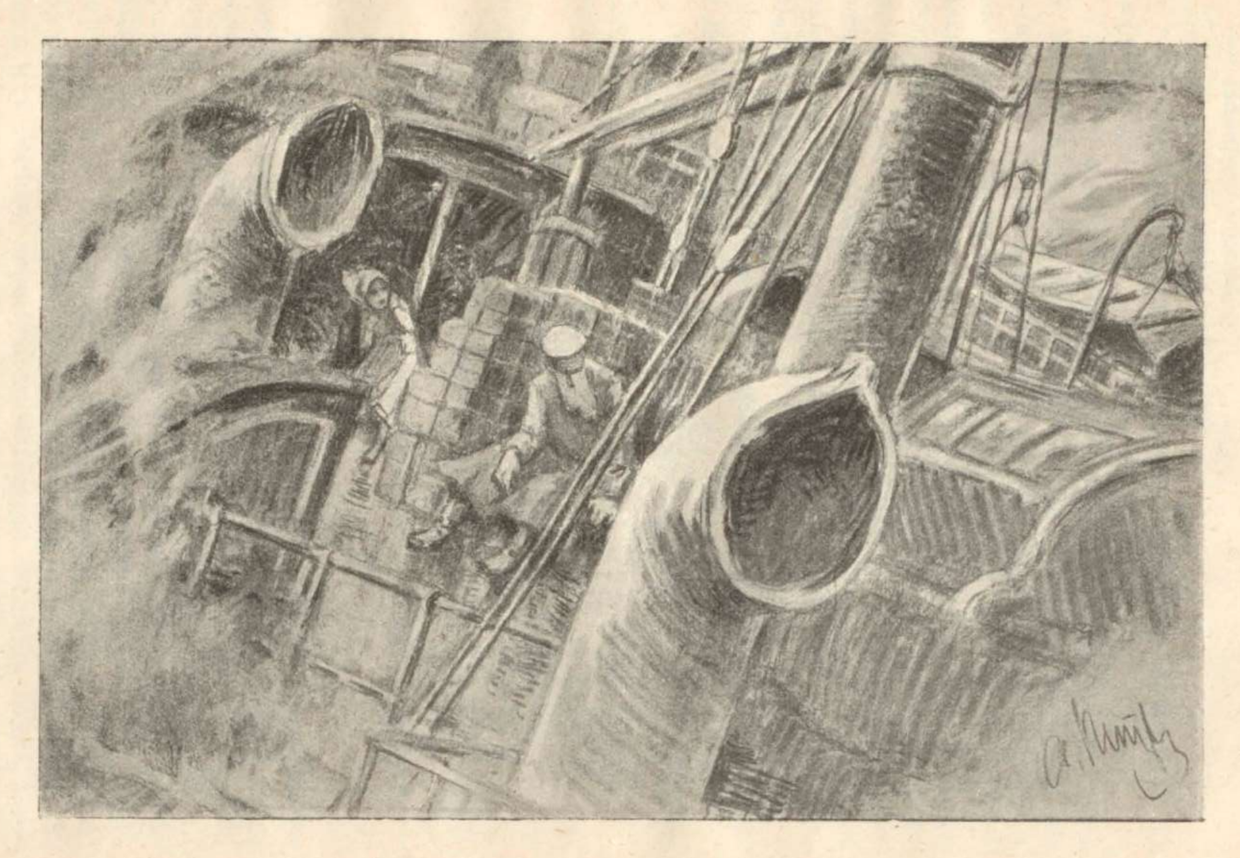
Машкѣ вдругъ представилось, что пароходъ ихъ куда-то попалъ и они сейчасъ потонутъ. Люди узнали про это и оттого мучаются. И многихъ ужъ нѣтъ, нѣтъ отца.

Машкѣ стало страшно, и она вдругъ завыла.

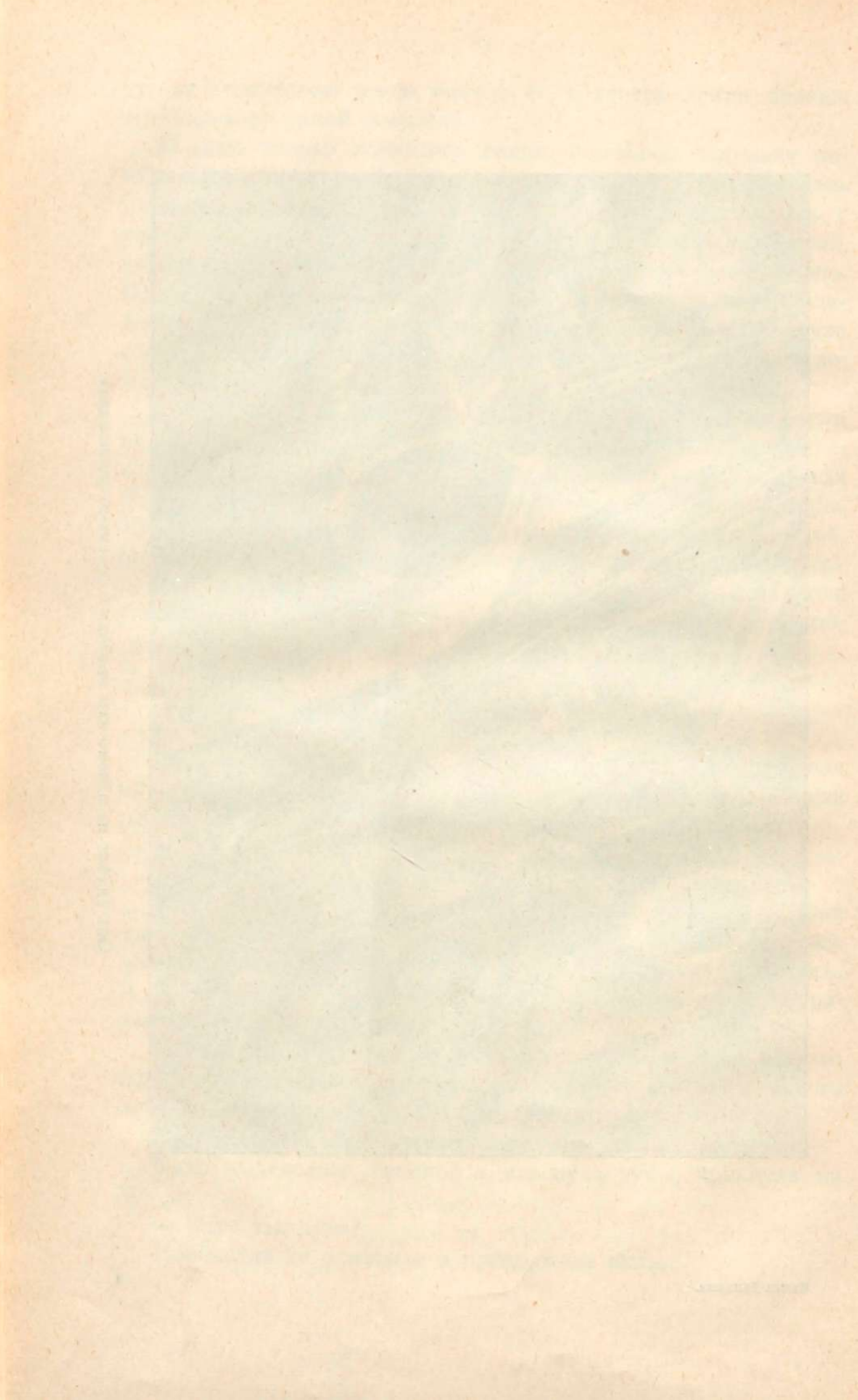
Мать зашевелила головой и, стиснувъ зубы, крикнула на Машку:

— Чего ты, дура?

Но Машка не отвѣтила и продолжала выть.

Онъ сидѣлъ на одномъ изъ ящиковъ и о чемъ-то размышлялъ.

— Да замолчи... поди къ тятькѣ сходи.

— А гдѣ онъ?

— Наверхъ ушелъ.

— А мнѣ не выйдить одной!

— Выйдешь, знаешь, чай, дорогу. Держись хорошенько за перильца.

Мать говорила съ большимъ трудомъ, не открывая глазъ. У Машки ныло сердце. Ей было жаль матери и страшно, потому что она не понимала, что дѣлалось кругомъ. Она сползла съ наръ, стала на полъ и, шатаясь, дошла до лѣстницы, взялась за спускъ и стала подниматься вверхъ. Наверху она сначала оглянулась кругомъ подъ навѣсомъ, но подъ навѣсомъ отца не было. Онъ былъ на открытомъ мѣстѣ, гдѣ были сложены какіе-то ящики, привязанные къ столбу. Онъ сидѣлъ на одномъ ящикѣ, повѣсивъ голову, и о чемъ-то размышлялъ. Машка подошла къ нему.

— Это ты?—сказалъ Михайло, привлекая къ себѣ дѣвочку, и поднялъ голову.

— Чтой-то, никакъ мы утопнемъ?—плаксиво сказала Машка.

— Кто тебѣ сказалъ?

— А отчего жъ насъ такъ качаетъ-то?

— Волны большія, вотъ и качаетъ.

— А что жъ тамъ народъ-то стонетъ и мамка головы не поднимаетъ?

— Мутитъ ихъ. Когда пароходъ сильно качаетъ, то все такъ.

— И тебя мутитъ?

— Меня ничего. Да вотъ здѣсь легче—воздухъ свѣжій.

— А если бы мамку сюда?

— Не идетъ, боится.

Машка оглянулась и увидала море. Оно было не такое, какъ до Гамбурга. Все оно было сѣрое. Вѣтеръ дулъ и рылъ воду глубокими ямами. Ямы передвигались одна за другой, отчего пароходъ и нырялъ то внизъ, то вверхъ. Волны съ такой силой бились о стѣны, что брызги доставали до сидѣвшихъ наверху и перегоняли ихъ съ мѣста на мѣсто. Было свѣжо. Всѣ, кто были легко одѣты, жались поближе къ трубѣ. Съ одного бока трубы стояло нѣсколько человѣкъ такихъ же, какъ ихъ сосѣди, черныхъ съ матовыми бѣлками глазъ, окутанные въ какія-то шали, и только прислужники, одѣтые во все одинаковое, бѣгали взадъ и впередъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Одни курили трубки, другіе жевали какую-то крошку

и выплевывали ее на палубу. Машку тоже обдало водой, ей стало холодно, и она сказала отцу:

— Пойдемъ къ мамѣ, тятька.

— Пойдемъ.

Михайло поднялся съ мѣста, и они пошли въ каюту. Когда они подошли къ своему мѣсту, Татьяна попрежнему лежала, не открывая глазъ и стиснувъ зубы, но Сёмка уже не спалъ, а сидѣлъ, надувъ губы и не зная, что ему дѣлать.

Вѣтеръ дулъ и рылъ воду глубокими ямами.

— Что, выспался? — спросилъ Михайло, присаживаясь на нары.

Мальчикъ вдругъ сморщилъ лицо и заплакалъ. Татьяна хотѣла поднять голову, но не смогла. Она опять упала на изголовье и застонала.

У Ивана охали и старуха и Ѳедосья. И самъ Иванъ сидѣлъ блѣдный съ помутившимися глазами. Онъ точно вылинялъ.

Одинъ изъ курчавыхъ, что были у нихъ съ другого боку, бормоталъ поминутно непонятныя слова. Отецъ взялъ на руку Сёмку и понесъ его къ умывальнику, а Машка прильнула къ матери и проговорила:

— А если ты помрешь, мама?

— И дай Богъ! Развяжи только скорѣй, Господи!

— Охъ! — вдругъ застонала Иванова старуха. — Видно, правда говорится: „кто на морѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ“.

— Видно, что такъ.

XVI.

Ненастье и качка продолжались два дня. На третій выглянуло солнышко, и вѣтеръ утихъ, но море еще все бушевало, водяныя горы вздымались высоко, и пароходъ нырялъ по нимъ какъ и въ тѣ дни. Но къ вечеру волны стали ослабѣвать, ослабла и качка. Пассажиры одинъ за однимъ сползали съ наръ, вылѣзали на палубу и подставляли свѣжему воздуху свои усталыя головы. Спускались внизъ они уже бодрѣе, садились на мѣста, начинали разговоры. У многихъ появился аппетитъ, и они принялись за ѣду. Въ этотъ день колонисты опять стали забавлять своихъ сосѣдей музыкой. Музыку слушали всѣ, но ни пѣть, ни плясать никто не порывался. Всетаки вечеръ прошелъ веселѣй.

Прошло еще три дня. Въ каютѣ лежало только нѣсколько человѣкъ, остальные пѣли, занимались работой. Собирались въ кучки на палубѣ и разсказывали, кто о чемъ вздумаетъ. Пароходъ шелъ полнымъ ходомъ, разсѣкая носомъ воду, брызги летѣли на палубу, а кругомъ кипѣла вода, и опять въ ней растопленнымъ золотомъ блестѣли солнечные лучи и веселили своимъ свѣтомъ глаза пассажировъ.

Машка, то съ отцомъ, то съ матерью, выходила на палубу и, хотя море было все такъ же безбрежно, она ужъ не боялась его. И отецъ съ матерью мало обращали на него вниманія. У нихъ явилось что-то новое на душѣ и захватило обоихъ. Отецъ уже не посмѣивался, какъ было до этого, а мать глядѣла какъ больная, каждую минуту вздыхала, и отъ вздоховъ у ней каждую минуту готова была разорваться грудь.

Одинъ разъ, когда они сидѣли на палубѣ, на тѣхъ ящикахъ, на которыхъ сидѣлъ отецъ, мать вдругъ проговорила:

— Что это мы только надумали? Какое дѣло затѣяли! Оторвались отъ родимой стороны и ѣдемъ въ незнамую землю. Може, тутъ умрешь и косточекъ похоронить негдѣ будетъ.

— Такъ не зарытой и оставятъ,—сказалъ отецъ и отвернулъ взглядъ въ сторону.

— А что жъ,—сказала мать,—вотъ тутъ умрешь, куда тебя дѣнутъ?

— Все живыми-то переѣдемъ.

— Переѣдемъ, а куда головы-то приклонимъ, кто намъ здѣсь будетъ радъ.

— А не рады бы, не звали.

— Позвали, може, не подумавши, подъ горячую руку, а мы уши-то и развѣсили. Какъ въ колодецъ вѣдь опускаемся всей семьей, а какъ дна не достанемъ, какъ мы изъ него выберемся?

— Авось достанемъ.

Переселенцы на верхней палубѣ парохода.

— Вотъ то-то и дѣло, что „авось". Какіе труды принимаемъ, вѣдь это подумать легко!

— А раньше гдѣ ты была?—вдругъ осердился отецъ.— Что жъ я безъ твоего совѣта на такой шагъ рѣшился? Вѣдь во всемъ съ тобой совѣтъ держалъ. Раньше все стонала отъ нужды да отъ недостатка, а какъ побѣжали отъ нужды, новую волынку завела.

— У насъ всѣ въ нуждѣ живутъ, да такихъ трудностей-то не видятъ, а то и добра будетъ много, да не мило будетъ оно.

— Будетъ тебѣ болтать, что не дѣло,—все такъ же сердито проговорилъ отецъ, всталъ съ ящика и пошелъ за трубу.

Машка припала къ матери и заплакала. Мать прижала ее одной рукой и сама всхлипнула.

— Зачѣмъ мы изъ дома поѣхали?—сквозь слезы говорила Машка.

— Видно, такъ надо.

— Лучше бы мы дома жили,—жили бъ да жили...

— Мало что,—выговорила мать и, не сдержавшись, всхлипнула громче.

— Замолчите вы!—вдругъ крикнулъ на нихъ, выступая изъ-за трубы, отецъ.—Ишь нашли время нюни распускать, какъ разъ по мѣсту!

Татьяна и Машка сдержались, но ѣдкая горечь разъѣдала имъ душу. Онѣ встали съ ящиковъ и пошли внизъ. Внизу онѣ легли на нары и лежали молча, уткнувши головы въ подушки. Въ эту минуту имъ обѣимъ не хотѣлось ни на кого глядѣть.

XVII.

На десятый день, какъ выѣхали изъ Гамбурга, показался берегъ новой земли. Всѣ выползли на палубу и съ жадностью глядѣли впередъ. То былъ уже новый свѣтъ, другая земля, новая кормилица всѣхъ стремившихся къ ней. И при видѣ этой новой кормилицы у каждаго изъ пассажировъ, должно быть, поднялись новыя чувства. Вотъ они везутъ сюда свои силы, здоровье, положили всѣ свои труды на переѣздъ сюда. Какъ же она встрѣтитъ ихъ, привѣтлива ли будетъ къ новымъ своимъ работникамъ?

Татьяна теперь нѣсколько успокоилась и задумчиво вмѣстѣ съ другими глядѣла на новую, невѣдомую страну, гдѣ имъ придется доживать свой вѣкъ. Михайло смотрѣлъ хмуро и молча. Послѣ того разговора съ матерью онъ очень измѣнился, сталъ молчаливый, глядѣлъ на всѣхъ исподлобья. Тогда Машкѣ было жаль мать, а теперь—отца. Ей думалось: если отецъ такой угрюмый, то ему не легко,—и у ней разрывалось сердце.

Хотя земля и показалась, но пароходъ не сразу подошелъ къ берегу. Они вошли въ какую-то рѣку и долго плыли межъ ея береговъ. На берегахъ росъ лѣсъ, были постройки, попадались цѣлые города, но пароходъ шелъ прямо, не сворачивая, и многіе не знали, когда жъ, наконецъ, будетъ причалъ

— Куда же это насъ везутъ?—спрашивалъ Иванъ у колонистовъ.

— Дальше, куда надо, не завезутъ, имъ расчета нѣтъ.

— Очень долго-то.

— Скорѣй ссадишься, дольше по машинѣ поѣдешь, дороже выйдетъ. Кто позднѣе выѣдетъ, здѣсь не поѣдетъ. Тутъ замерзнетъ все.

Но вотъ вдали показались постройки большого города: трубы, островерхія колокольни, высокіе дома. И чѣмъ дальше шелъ пароходъ, тѣмъ отчетливѣе вырисовывались красныя крыши, огромныя картины на столбахъ. Машка первый разъ видѣла такія картины. На нихъ изображались разные люди: то ѣдущіе въ горахъ на двухъ колесахъ, то пьющіе что-то изъ стакановъ. Порою были виды домовъ съ вывѣсками и цѣлыхъ мѣстностей. Иногда одна и та же картина повстрѣчалась разъ десять.

Пароходъ гулко заревѣлъ и убавилъ ходъ и сталъ жаться ближе къ правому берегу. У этого берега стояло уже нѣсколько пароходовъ, сновали лодочки, на берегу виднѣлись низкіе желѣзные сараи, и на сараяхъ красовались картины и надписи. Пароходъ все убавлялъ ходу и, наконецъ, совсѣмъ тихо однимъ бокомъ придвинулся къ пристани, слегка дрогнулъ и сталъ.

Пассажиры засуетились, не зная, что имъ дѣлать. Пароходъ хотя и остановился, но сходить съ него сразу нельзя было. Говорили, что ихъ всѣхъ осмотрятъ, нѣтъ ли больныхъ. Подаркины стояли съ другими на палубѣ и глядѣли на пристань, гдѣ тоже толпилось много народу. Народъ этотъ былъ далеко не такой, что пріѣхалъ. Почти всѣ были безъ бородъ и въ широкихъ картузахъ и шляпахъ. Обуты всѣ были въ башмаки. Многіе держали во рту трубки, но были и такіе, у которыхъ торчали не трубки, а черныя толстыя палки, концы которыхъ тоже дымились. Машкѣ было непонятно, кто имъ воткнулъ въ ротъ эти палки, но спрашивать у своихъ она боялась.

Особенно Машку удивило, что между этимъ народомъ были такіе, какихъ она еще совсѣмъ не видала. Изъ лица они были скуластые, темные, какъ будто вымазанные дегтемъ, волосы были длинные, на головѣ колпаки, одежда пестрая, обшитая бахромой, широкіе красные штаны, обуты они были въ овчинные сапоги, тоже украшенные бахромой. Были такіе

и въ другой одеждѣ, и несмотря на ихъ необычный видъ, они все-таки были не страшны. Глядя на нихъ, Машка вспомнила нѣкоторыхъ своихъ мужиковъ. Что-то было похожее на нихъ у этихъ копченыхъ людей.

— Тятька! это кто же такіе?—спросила Машка отца.

— Индѣйцы,—говорятъ.

Прислужники появились между пассажирами и стали гнать ихъ на тѣ мѣста, гдѣ кто сидѣлъ. Потомъ въ каюту вошли два бритыхъ человѣка и одинъ съ бородой, но борода у него росла только на подбородкѣ, а верхнюю губу и щеки онъ брилъ, и съ этимъ клокомъ этотъ человѣкъ былъ похожъ на козла. Они обошли всѣхъ по очереди, глядя въ лицо, въ глаза, кого заставляли раскрывать ротъ, а кого отводили въ сторону и куда-то уводили.

Когда обходъ кончился, пріѣхавшимъ объявили, что можно сходить съ парохода.

Отецъ взялъ котомку и узелъ, мать другой узелъ и Сёмку, и они пошли. При сходѣ стояла большая толкотня, и они еле попали на мостки. Съ ними шелъ и Иванъ съ своей семьей. И лишь только они сошли на пристань, къ Ивану подошелъ молодой еще мужчина съ загорѣлымъ лицомъ, съ усами, въ желтой курткѣ очень хорошаго сорта.

Иванъ вскрикнулъ, и они стали цѣловаться.

— Землякъ, что ли, твой?—спросилъ Михайло.

— Да,—радостно сказалъ Иванъ.

У него опять появился румянецъ на щекахъ, и заблестѣли глаза.

Землякъ расцѣловался со старухой, съ Ѳедосьей и Петькой съ Катькой и отвелъ ихъ въ сторону.

Подаркины въ толпѣ остались одни. Къ нимъ сейчасъ же подскочилъ маленькій, черненькій человѣчекъ съ горбатымъ носомъ, воспаленными глазами, одѣтый въ рябой пиджачокъ, и, сюсюкая какъ тѣ евреи, которые попадались Подаркинымъ на пути, заговорилъ:

— Сказите, позалуйста, куда вамъ нузно ѣхать? Я все знаю и провозу васъ, куплю вамъ билетъ. Дайте заработать васему бѣдному земляку.

Михайло досталъ письмо, заглянулъ въ него и сказалъ.

— Вотъ такъ и говорите. Я это знаю и все вамъ разсказу. Вы поѣдете на поѣздѣ, на эмигрантскомъ поѣздѣ. Такой поѣздъ будетъ дорогъ, а эмигрантскій дешевле. Такой поѣздъ

еще не скоро пойдетъ, и вамъ нузно кофею покушать, булки купить. До того города далеко. Здѣсь поѣзда не то, что въ Россіи; вамъ всего заготовлять нузно.

— Мнѣ нужно земляку телеграмъ подать.

— Все сдѣлаемъ, только пойдемте, позалуйста, со мной. Посадите васу мадамъ съ маленькими въ кафе, пусть они сидятъ и отдохнутъ, а мы пойдемъ съ вами. Пойдемъ сначала въ кафе.

— Ну что жъ, пойдемъ,—согласился Михайло.

Индѣецъ изъ Канады.

Еврейчикъ сейчасъ же вывелъ ихъ съ пристани на широкую улицу, хорошо и гладко вымощенную и чисто выметенную, подвелъ ихъ къ одному дому, гдѣ были открыты двери, и ввелъ ихъ въ эти двери. Они очутились въ низкомъ и широкомъ залѣ. Въ залѣ за столами сидѣли и бѣлые и индѣйцы. Почти всѣ они курили трубки. Между ними пестрѣли уже кое-кто изъ тѣхъ, что ѣхали на только-что прибывшемъ пароходѣ.

Подаркины выбрали одинъ столъ, сложили около него свою поклажу и сѣли сами. Еврейчикъ проговорилъ:

— Вотъ теперь вы спросите, чего вы желаете: кофею, чаю, молока, ко̀ко—здѣсь все есть.

Машкѣ съ Сёмкой спросили молока. Они давно его не видали. Михайло съ Татьяной пожелали чаю, а еврейчикъ ко̀ко.

Машка чувствовала, что теперь полъ подъ ней уже не колеблется, и ей было такъ пріятно отъ этого. Хорошо себя

чувствовали и отецъ съ матерью—они пили чай и внимательно слушали еврейчика, а еврей быстро хлебалъ кòко и тараторилъ.

— Вы ѣдете на западъ брать фарму, это оцень хоросо. Кто мозетъ работать землю, тотъ пусть возьметъ фарму, и онъ скоро забудетъ, гдѣ его мать родила. У него будетъ родиться свой хлѣбъ, свой овощъ, свое молоко. Свой хлѣбъ у него будутъ куповать и дадутъ за него много деньги, онъ скоро будетъ богатый. Здѣсь не то, что въ Россіи.

Михайло слушалъ эти рѣчи и какъ будто дѣлался веселѣй. Машка же глядѣла во всѣ стороны и не могла надивиться, что попадалось ей на глаза. Все тутъ было невиданное: на стѣнахъ какіе-то портреты, окна не такія, какъ у нихъ. За прилавкомъ стояли нарядныя барышни со взбитыми вверхъ волосами и такія же барышни разносили, что требовали. Говорили онѣ, колотя языкомъ по зубамъ, точно дразнились, и ихъ ни за что нельзя было понять. Когда напились и наѣлись, еврейчикъ сказалъ:

— Теперь пусть васа мадамъ съ дѣтками посидитъ здѣсь, а мы пойдемъ съ вами полуцать васъ багазъ. Мы сдадимъ его на зелѣзную дорогу и отправимъ телеграмму васему земляку.

Они ушли. Машка осталась съ матерью и Сёмкой. Къ нимъ подошла одна барышня и стала что-то лопотать, потомъ улыбнулась и отошла въ сторону. Столъ ихъ былъ у окна. За окномъ шла незнакомая жизнь. По улицамъ съ гулкимъ визгомъ неслись по рельсамъ кареты, въ которыхъ сидѣли люди. Люди ѣхали и не въ каретахъ, а на двухколескахъ, какія Машка видѣла на картинахъ по дорогѣ, и такъ быстро, что у Машки замиралъ духъ, она удивлялась, какъ это они не упадутъ Вотъ такихъ машинокъ ѣдетъ сразу три: на одной сидитъ барыня, а на двухъ двое ребятъ. Одна изъ маленькихъ дѣвочка съ Машку, у ней на головѣ картузикъ безъ козырька, волосы распущены по плечамъ и лицо такое бѣлое, бѣлое.

— Мама, вотъ хорошо-то!—воскликнула восхищенная Машка.

Мать улыбнулась. Ей тоже, видимо, было занятно глядѣть на незнакомую жизнь.

А незнакомая жизнь развертывалась все больше и больше. На улицѣ появились воза. На крѣпкихъ дрогахъ съ желѣзнымъ ходомъ везли лѣсъ, доски, мѣшки съ углемъ мукой. Въ повозки были впряжены лошади, быки. Ѣздили и на маленькихъ повозкахъ, гдѣ были впряжены длинноухіе, мохнатые ослики, и все было не похоже на Россію, все было сыто, чисто и нарядно даже.

XVIII.

Михайло съ еврейчикомъ ходили часа два. Когда они пришли, Михайло сказалъ, что сейчасъ они видѣли, какъ уѣзжалъ Иванъ. Михайлѣ пришлось поговорить съ нимъ. Его землякъ присмотрѣлъ ему тутъ и ферму, недалеко отъ себя, въ полверстѣ, можетъ-быть. Ее занялъ-было какой-то, да не справился, убѣжалъ, а землякъ тогда сдѣлалъ на нее заявку.

— Это оцень сцастливо,—сказалъ еврейчикъ,—а то теперь хоросыхъ уцастковъ мало осталось; хоросіе всѣ разобрали, а плохіе брать никому не охота.

— Землякъ хорошъ,—сказала Татьяна.—Другой бы этого не сдѣлалъ.

— Радъ, что свои люди пріѣхали,—сказалъ Михайло,—однимъ здѣсь жутко, а какъ будетъ кто съ своей стороны, все охотнѣе. Тутъ народъ разный.

— Ой, какого здѣсь народа нѣтъ!—воскликнулъ еврейчикъ.—Много въ Канадѣ всякаго народа и всѣ по-своему говорятъ, всѣ по-своему пѣсню поютъ.

— Это хорошо, какъ пѣсню поютъ,—опять сказалъ Михайло,—а вотъ какъ заплачутъ всякъ по-своему, вотъ музыка-то пойдетъ!

— И плацутъ. Не плацетъ здоровый целовѣкъ, у кого сила большая, а какъ силы нема, много плацутъ. Работать не можетъ, а безъ работы кусать нецего.

— А тутъ „по міру“, какъ у насъ, не ходятъ?

— Здѣсь нельзя ходить. Развѣ тутъ частое жилье? Здѣсь полдня никакого жилья нѣтъ, а попадется фарма, а на фармѣ не знаешь кто, не то голландецъ, не то шотландецъ—онъ самъ къ тебѣ не выйдетъ, а выпуститъ собаку.

— Что же, они некрещенные?—спросила Татьяна.

— Нашихъ побольше заведется, такіе порядки выведутся,—увѣренно сказалъ Михайло,—безъ разсудка тоже нельзя. Може, онъ два дня не ѣлъ, а ты его собакой. Ну, что же, пойдемте и мы на вокзалъ, небось и нашъ поѣздъ скоро подойдетъ,—сказалъ Михайло.

Михайло расчитался за выпитое и съѣденное, и они вышли на улицу. Когда они выходили изъ двери, вслѣдъ имъ послышался смѣхъ,—то смѣялись сидѣвшіе за другими столами американцы.

На улицѣ тоже съ улыбкой поглядывали на Подаркиныхъ

а Михайло пытливо глядѣлъ на все, что ему встрѣчалось, и показывалъ своимъ:

— Гляди,—говорилъ онъ,—нѣтъ ни одного рванаго, ни одного драного, и скотина холеная и упряжь крѣпкая,—стало-быть, здѣсь другая жизнь.

Лицо его было уже не такое хмурое; видимо, у него все легче и легче становилось на душѣ. Отпечатокъ суровой печали, что сталъ у него послѣднее время на пароходѣ, исчезъ. Спокойнѣе казалась и мать. Машка чувствовала это, и ей самой дѣлалось веселѣе.

На вокзалѣ они сѣли на лавочку и стали ждать того поѣзда, съ которымъ имъ нужно было ѣхать. Сёмка увидалъ гладкій полъ въ залѣ, захотѣлъ по немъ походить. Татьяна спустила мальчика съ рукъ, и онъ, раскачиваясь, пошелъ. Полъ былъ крѣпкій—асфальтовый. Сёмку забавляла его плотность, и онъ сталъ вдругъ стучать по нему ногами.

— Что это ты, никакъ пляшешь на чужой землѣ-то!—сказалъ Михайло. — Больно рано: прежде ее нужно попахать, а потомъ ужъ плясать.

И здѣсь на нихъ глядѣли съ любопытствомъ и смѣялись.

Подошелъ поѣздъ, съ которымъ можно было ѣхать Подаркинымъ. Они стали усаживаться, а еврейчикъ помогалъ и все растолковывалъ, гдѣ имъ останавливаться, какъ искать земляка. Онъ сказалъ кондуктору, гдѣ ихъ нужно высадить, и все предсказывалъ, что они хорошо устроятся.

Михайло расплатился съ нимъ. Еврейчикъ долго благодарилъ за это, а когда поѣздъ пошелъ, онъ замахалъ имъ вслѣдъ своей шапочкой.

XIX.

Еврейчикъ сказалъ, что имъ придется ѣхать въ поѣздѣ больше четырехъ сутокъ. Подаркины постарались поудобнѣе размѣститься на такой далекій путь и, когда поѣздъ пошелъ, стали глядѣть въ окна, какія тутъ пойдутъ мѣста. Сначала мѣста были очень заселенныя, мелькали городки, фабрики, заводы, усадьбы, села, опять заводы. Росли лѣса, сады. Мѣста были красивыя, богатыя, хлѣбныя, потомъ пошло каменистое мѣсто. Возвышались холмы, торчали голыя скалы, ущелья; не было ни посѣвовъ, ни травы. Поѣздъ днемъ вскакивалъ въ

такія мѣста, гдѣ было темно, какъ въ погребѣ, и въ вагонахъ сейчасъ же зажигался огонь. Потомъ поѣздъ летѣлъ по берегамъ не то моря, не то большого озера. Проѣхали одно,—началось другое.

Когда озера прошли, начались совсѣмъ новыя мѣста. По обѣимъ сторонамъ рѣже были селенья и чаще встрѣчались лѣса. Лѣса были богатые, съ высокими, толстыми деревьями. Между лѣсами перемежались поля, но далеко не похожія на русскія. Не было ни узкихъ полосъ, ни кустарника, ни кочекъ, ни бугровъ. Все было старательно раздѣлано.

Лѣсъ въ Канадѣ.

Мѣстами шла пашня, пахали на двухъ, на трехъ лошадяхъ, и плуга были большіе, желѣзные, съ колесами. Въ другихъ мѣстахъ молотили. Молотили прямо въ полѣ; стояла машина съ трубой; къ ней подвозили съ поля снопы и тутъ же пускали въ машину, тутъ же складывали ометъ.

Деревень не было, жили все больше однодворцами. Дворы были огорожены низкими заборами, за заборами стояли постройки. Вздымались высокіе ометы соломы и стога сѣна. По дворамъ ходили лошади, быки. Иногда скотъ пасся за чертой дворовъ. Дома были не похожи одинъ на другой. Были низенькія хижинки, срубленныя въ лапку, безъ угловъ, другія смазаны изъ глины. Вслѣдъ за этимъ попадались высокіе двухъэтажные съ коньками, и надворныя постройки были всякаго

типа. Въ поселкахъ красовались дома съ палисадниками, съ балконами, возвышались островерхія колокольни.

Часто вмѣсто домовъ стояли кучи палатокъ; въ этихъ палаткахъ жили индѣйцы, и назывались эти палатки „вигвамы". Зелень по случаю осени была блеклая, луга желтые, но небывалой толщины деревья въ лѣсу, крупные листья, густая отава, а также темнозеленая озимь указывали, какая тутъ жирная, богатая земля.

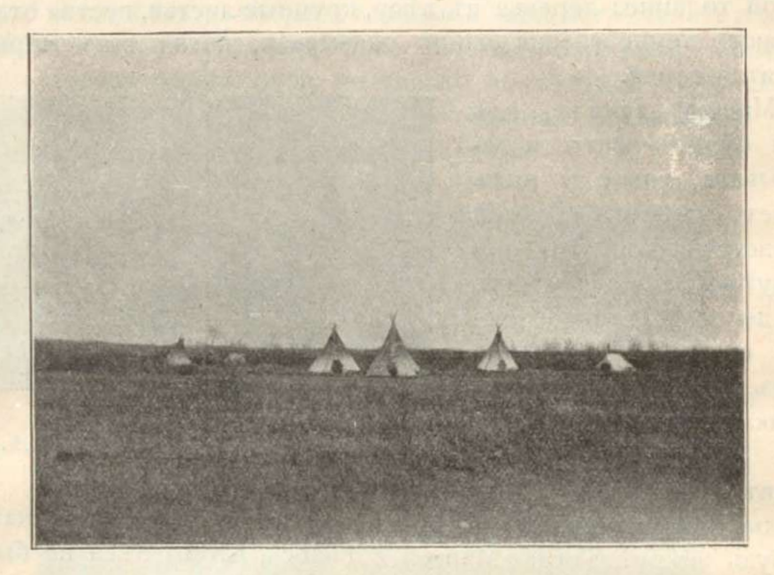
Пахота коннымъ плугомъ въ Канадѣ.

Машка думала, гдѣ они будутъ жить, и загадывала, какое у нихъ будетъ мѣсто. То ей представлялось, что они будутъ жить, какъ у нихъ въ деревнѣ: гладкое мѣсто съ небольшимъ скатомъ, въ концѣ ската рѣчка, а за рѣчкой лѣсъ; она съ Сёмкой будетъ ходить туда по грибы и ягоды. Вдругъ Машкѣ представилось, что въ лѣсу живутъ какіе-нибудь звѣри. Тогда Машкѣ хотѣлось, чтобы лѣса не было, а было бы одно поле широкое, чистое и, какъ далеко отъ дома ни уйдешь, все тебя видно.

А поѣздъ несся какъ бѣшеный уже третій день, останавливался на минуту на станціяхъ и опять летѣлъ. Кругомъ нихъ сидѣли все чужіе люди. Было много, что пріѣхали съ ними на пароходѣ, были и новые. Всѣ говорили на непонятномъ языкѣ, курили трубки, жевали что-то какъ прислужники на пароходѣ. Машкѣ сказали, что они жуютъ табакъ, и она подумала, какъ имъ не противно. Пили и ѣли Подаркины все время въ вагонѣ. Того, что они купили съ еврейчикомъ, имъ не хватило, и на большихъ станціяхъ отецъ выходилъ изъ вагона прикупить, чего было нужно.

Машка тоже шла за нимъ и глядѣла, какъ отецъ торговался. Отецъ бралъ что-нибудь въ руку—хлѣбъ или рыбку, или яблоко, показывалъ торговцу и что-то мычалъ. Торговецъ что-то бормоталъ на это, и отецъ подавалъ ему всегда серебряную монету. Торговецъ давалъ ему сдачу. Одинъ разъ отецъ, не дождавшись всей сдачи, пошелъ отъ прилавка. Торговецъ закричалъ ему: „сэръ!" „сэръ!" Отецъ не

понялъ и не оглянулся. Тогда торговецъ выскочилъ изъ-за прилавка, догналъ его, взялъ его за плечо и сунулъ въ руку деньги. Отецъ тогда понялъ, улыбнулся, кивнулъ головой и съ улыбкой на лицѣ дошелъ до вагона. Въ вагонѣ онъ только сѣлъ, какъ сказалъ матери:

Индѣйскіе вигвамы.

— Вотъ народъ! Самъ лишекъ принесъ. Я думалъ, что онъ все мнѣ сдалъ, а вышло не все, и онъ побѣжалъ за мной.

Онъ улыбался, вздыхалъ и все качалъ головой, потомъ опять проговорилъ:

— Съ этимъ народомъ можно дѣла дѣлать.

XX.

Наступилъ пятый день, какъ они ѣхали въ поѣздѣ. Машка хоть и спала долго, всю ночь, но проснулась усталая. Отъ жесткой лавки и постоянной тряски у нея ныли бока, а отъ быстраго мельканія въ окнахъ кружилась голова. Было свѣтло ужъ. Поѣздъ летѣлъ по обыкновенію во весь духъ, но въ окна глядѣли опять другія картины. Лѣса попадалось болѣе и хутора шли рѣже. И постройки на хуторахъ были проще,—

гдѣ хижинки, гдѣ землянки, и распаханной земли было уже не такъ много. Индѣйскіе „вигвамы“ встрѣчались чаще. Отецъ внимательно глядѣлъ въ окно, а мать прислонилась къ стѣнкѣ и что-то думала.

— Выспалась?—спросилъ отецъ.—Скоро пріѣдемъ.

Машка ничего не сказала. Отецъ продолжалъ:

— Пріѣдемъ на новое мѣсто, спать будемъ на постели, будить тебя долго не будемъ, отсыпайся цѣлую зиму.

Матери, должно быть, не понравились новыя мѣста, или устала она очень,—она стала опять угрюмая, какъ на пароходѣ.

— Еще будетъ ли гдѣ спать-то?—сердито проговорила она.

— Будетъ. Избы не будетъ, землянку выкопаемъ.

— А отъ землянки до могилы не далеко.

— Что жъ могила, — могилы никто не минуетъ. Придетъ время—и въ могилу переселимся.

— Скорѣе бы одинъ конецъ.

— Безо время объ этомъ говорить ничего, а нужно о другомъ думать.

— Вздумается тутъ о другомъ.

— Въ руки себя возьмешь, вздумается. Мы не одни; у насъ дѣти. Нужно готовить имъ что-нибудь.

Мать замолчала. Отецъ опять сталъ глядѣть въ окно.

День былъ сѣрый, какіе бывали осенью и у нихъ. По небу неслись низкія облака, дулъ вѣтеръ, и на улицѣ, должно быть, было холодно. Люди, что попадались имъ на глаза около линіи, жались и кутались.

Поѣздъ пролетѣлъ двѣ небольшія станціи и подходилъ къ третьей. Раздался свистокъ, и ходъ его замедлился. Машка прилипла къ окну. Вдали показались строенія, мелькнули двѣ трубы. Около новыхъ домовъ были разбиты садики, но деревца были еще не велики. Знать, сады недавно были разбиты.

Отецъ всталъ и оглянулся кругомъ.

— Должно, скоро намъ слѣзать,—сказалъ онъ.

— Надо будить Сёмку,—вымолвила Татьяна и стала тормошить мальчика.

Сёмка поднялъ голову; мать быстро накинула ему одежонку и провела рукой по лицу, чтобы продрать глаза.

Отецъ стоялъ и не зналъ, что дѣлать. Поѣздъ остановился. Кое-кто изъ другихъ отдѣленій стали вставать. Въ вагонъ вошелъ бритый человѣкъ въ синей одежинѣ, со свѣтлыми пуговицами, и, остановившись около Подаркиныхъ, сказалъ:

— Эррайвъ!

Михайло знаками сталъ спрашивать: выходить имъ, что ли?

— Эсъ, эррайвъ!—кивнувъ головой, сказалъ опять кондукторъ.

Подаркины заторопились, собирая вещи, и пошли къ выходу. Отецъ первый вышелъ изъ вагона, взялъ у матери Сёмку и потомъ узлы и мѣшокъ, ссадилъ Машку, и только они вышли, поѣздъ опять полетѣлъ.

Машка оглянулась. Съ одной стороны линіи несли выброшенный ихъ багажъ и другое добро, которое было не съ ними, а съ другой—къ нимъ подходилъ мужчина въ кожаной одежинѣ подъ пальто, въ такомъ же картузѣ, какъ у другихъ американцевъ, но съ бородой. Онъ подошелъ къ отцу и, улыбаясь, проговорилъ по-русски:

— Неужели это ты, Миша?

Машка взглянула на отца и увидала, какъ у него блеснули глаза. Онъ пристально взглянулъ на подошедшаго, снялъ шапку, протянулъ къ нему правую руку, обнялъ его за шею, и они поцѣловались. Потомъ подошедшій поцѣловался съ матерью, съ Машкой и хотѣлъ-было чмокнуть Сёмку, но Сёмка заупрямился и поворотился къ нему затылкомъ. Всѣ засмѣялись. Машка догадалась, что это и есть Матвѣй Гаврилычъ, что зазвалъ ихъ сюда письмами.

— Ну, слава Богу, что пріѣхали! Я такъ радъ, такъ радъ!—говорилъ весело Матвѣй Гаврилычъ, и у него смѣялись глаза, щеки, носъ.—По-добру, по-здорову доѣхали?

— Всего было,—сказалъ Михайло и махнулъ рукой.

— Что жъ подѣлаешь, за такой путь и всего можно хлебнуть. Большой бѣды не случилось?

— Богъ миловалъ.

— Ну и слава Богу! А еще что есть у васъ?

— Вонъ два тюка,—показалъ отецъ.

— Такъ давай билетъ, мы ихъ сейчасъ получимъ. Вотъ хорошо, что вы пріѣхали-то! Очень хорошо! Я и сказать вамъ не могу, какъ хорошо.

Онъ обращался то къ отцу, то къ матери, то кивалъ Машкѣ съ Сёмкой.

— Ну, вы проходите вонъ туда и садитесь,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ матери,—а мы возьмемъ багажъ—да на фургонъ, потомъ придемъ за вами и поѣдемъ. Какъ моя жинка будетъ рада! У меня не жена, а жинка, потому что хохлушка. И

дочка есть, вотъ ей ровесница,—указалъ онъ на Машку,—и сынокъ такой же.

Мужики ушли. Мать прошла съ ребятишками впередъ и сѣла на лавку. На платформѣ было холодно, но въ станціи топилась желѣзная печка, волновался дымъ отъ трубокъ людей—это грѣлись у печки. Стоялъ такой запахъ, какого Машка никогда не слыхала. Машка прижалась къ матери и спросила:

— Мама, этотъ твой крестовый братъ-то?

— Этотъ.

— Я думала, онъ не такой.

— А какой же?

— Я думала, онъ какъ тятька.

— Онъ былъ какъ тятька, да вотъ чужая сторона измѣнила.

Оба мужика вернулись ужъ въ другую дверь. Они взяли узлы, и Матвѣй Гаврилычъ, попрежнему смѣясь, проговорилъ:

— Ну, вставайте да поѣдемте. То ѣхали въ вагонѣ, а теперь поѣдемъ на фургонѣ. Только кутайтесь хорошенько, какъ бы не прознобило.

XXI.

Фургонъ былъ на желѣзномъ ходу. Въ него была впряжена пара лошадей безъ дуги. Машка первый разъ ѣхала на такой запряжкѣ. Все ихъ добро помѣстилось на фургонѣ, и они сами сидѣли удобно, мягко и просторно. Матвѣй Гаврилычъ не могъ ни на кого безъ улыбки взглянуть и все старался развеселить мать.

— Ну, знаете, гдѣ вы теперь находитесь? На другомъ концѣ свѣта. Теперь небось у насъ спятъ, какъ ни попадя, пѣтухи скоро запоютъ, а здѣсь только полдень. А когда здѣсь ночь наступаетъ, тамъ всходитъ солнце.

— Видимъ, что далеко заѣхали.

— Далеко, а не долго. А что бы, если бы машинъ да пароходовъ не было, какъ бы сюда добраться? Машины великое дѣло! Американцы ихъ очень любятъ, здѣсь все работается машинами: пашутъ машинами, сѣютъ машинами, жнутъ и молотятъ машинами.

— И у тебя машины есть?

— Я еще не всѣмъ обзавелся, но скоро и у меня будутъ. Сейчасъ есть хорошій плугъ, желѣзныя бороны, косилка, а молотить нанимаю. Есть тутъ, что разъѣзжаютъ по фермамъ, я ихъ и останавливаю.

— У тебя своя ферма?

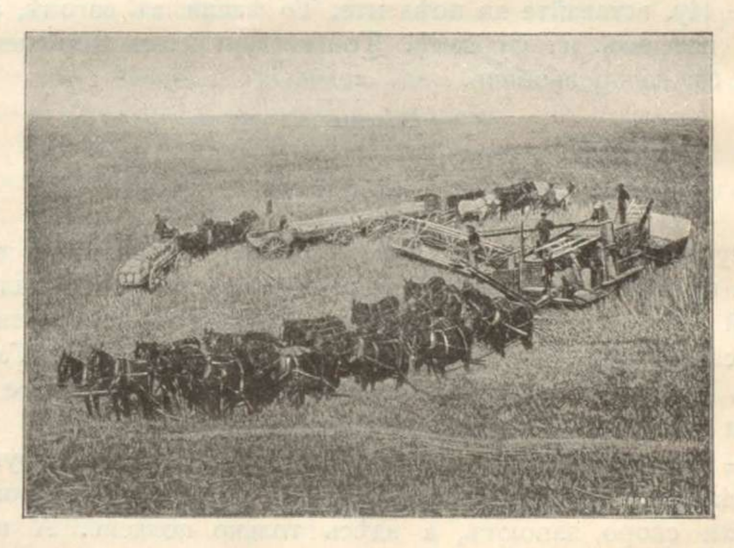
— Не своя, а тестева, только тесть передалъ ее мнѣ. Онъ выселился сюда изъ Харьковской губерніи съ двумя дочками: одну выдалъ замужъ за торговца одного, а къ другой принялъ меня.

— И сейчасъ живъ тесть?

— Живъ, только ужъ ни въ какія дѣла не входитъ. Онъ завелъ себѣ пчельникъ, пчелами и занимается, а земельное хозяйство все передалъ намъ.

— Какъ это тебя Богъ нанесъ на такихъ людей? — спросила Татьяна.

Матвѣй Гаврилычъ разсказалъ, что онъ зашелъ съ артелью работать въ Одессу, а когда плотничьи работы кончились,

Машиной хлѣбъ косится, обмолачивается и всыпается зерно въ мѣшки; завязанные мѣшки увозятся на фургонахъ.

онъ поступилъ на пароходъ. На пароходѣ онъ сошелся съ матросами, которые ѣздили по всему свѣту и очень расхваливали житье въ Канадѣ. Онъ тогда и рѣшилъ попытать счастье. Когда онъ пріѣхалъ въ Канаду, то годъ работалъ плотникомъ

въ одномъ городѣ, потомъ поѣхалъ сюда искать ферму, поступилъ работникомъ къ хохлу, а черезъ годъ женился на его дочери.

— Что жъ, тебя не тянетъ на родную сторону? — спросилъ Михайло.

— Теперь у меня это своя сторона,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ и улыбнулся.

На фермѣ, въ Канадѣ.

Потомъ Матвѣй Гаврилычъ началъ разсказывать, какъ здѣсь можно взять участокъ. Неподалеку отъ нихъ есть нѣсколько свободныхъ; изъ нихъ можно выбрать любой и записать. Матвѣй Гаврилычъ такъ хорошо расписывалъ про здѣшнюю жизнь, что мать немного развеселилась и глядѣла спокойнѣе.

Лошади бѣжали быстро. Дорога была гладкая, безъ выбоинъ. Вотъ подошелъ небольшой огорокъ, на которомъ стоялъ бѣлый домъ, крытый черепицей, съ трубами, балконами по бокамъ и палисадникомъ кругомъ. Матвѣй Гаврилычъ сказалъ, что здѣсь живетъ скотоводъ, который раститъ и продаетъ быковъ и коровъ. Дѣйствительно, за домомъ тянулся длинный скотный дворъ, а за скотнымъ паслось стадо. Потомъ одинъ за другимъ попались три хутора.

— Вотъ такъ и мы живемъ,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— А съ вами кто?

— Англичане. Одинъ еще раньше тестя взялъ участокъ, а другой послѣ.

— Не тѣсно вамъ?

— Куда тѣсно... Просторно и удобно. Что понадобится въ городѣ, ѣдетъ кто-нибудь и всѣмъ везетъ. Опять, помѣняться чѣмъ, у одного плугъ свободенъ, у другого борона.

— А не чураются они?

— Нѣтъ, народъ уживчивый. Опять, ребятишки—моя дѣвочка съ ними въ школу ходитъ.

— А какъ они говорятъ?

— Говорятъ по-аглицки. Тутъ всѣ по-аглицки говорятъ, и вы выучитесь.

— Гдѣ ужъ намъ,—вздохнувъ, проговорила Татьяна.

— Вотъ поглядите, какъ незамѣтно и будете говорить.

Лошади подъ гору побѣжали еще быстрѣй, и они скоро подъѣхали къ низенькимъ воротамъ хутора, огороженнаго плетенымъ заборомъ. Заборъ обнималъ мѣста десятины двѣ. За нимъ стоялъ домъ, сарай, амбарушка. Желтѣли ометы крупной соломы. Посреди двора ходило множество птицы: гусей, утокъ и куръ и два поросенка. Матвѣй Гаврилычъ быстро соскочилъ съ подводы, отворилъ ворота и ввелъ лошадей во дворъ. Лошади подошли къ крыльцу и остановились. На крыльцо вышла высокая женщина съ овальнымъ лицомъ, въ вязаной корсеткѣ и шерстяной юбкѣ, и дѣвочка, очень похожая на нее, съ гладко причесанной головой и длинной косой съ широкой лентой. Женщина улыбнулась и проговорила:

— О тожъ моего человіка земляки, ну, здраствуйте!

— Здраствуйте!—сказалъ Михайло, первымъ соскочилъ съ фургона, снялъ картузъ и подошелъ къ женщинѣ.—Здраствуйте! а звать не знаю какъ.

— Олёна Григорьевна, моя жинка,—смѣясь, сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— Здраствуйте, Олёна Григорьевна, привѣчайте насъ, дальнихъ странниковъ.

— Просимъ милости! Слѣзайте съ фургона,—обратилась она къ Татьянѣ съ дѣтьми,—да ходимъ до хаты. Небось зазябли.

Она взяла у Татьяны Сёмку. Татьяна слѣзла, за нею Машка. Онѣ, пожимаясь, топтались у фургона.

— Ходимте! Чего тутъ дивиться, они усе сдѣлаютъ.

Татьяна, неся на рукахъ Сёмку, пошла за Олёной Григорьевной. Машка ступала робко, держась за материну юбку. Сначала онѣ вошли въ сѣни, потомъ была дверь въ горницу.

Горница была свѣтлая, просторная, съ печью, тепло натопленная. Но Олёна Григорьевна не остановилась въ ней, а провела проѣзжихъ дальше. Другая комната была еще просторнѣй. Въ ней была перегородка, стоялъ большой столъ, стулья, комодъ. Машка вспомнила, что у нихъ въ деревнѣ въ родѣ этого было только у попа. На широкой легкой скамейкѣ со спинкой сидѣлъ старикъ въ бумазейной рубахѣ, ватной жилеткѣ, съ сѣдыми усами и держалъ на рукахъ мальчика въ родѣ Сёмки.

— Здорово живете!—робко проговорила Татьяна.

— Здраствуйте вамъ!—отвѣтилъ старикъ и всталъ со скамейки.—Добренько пріѣхали?

— Скидайте жъ вашу свиту,—сказала Олёна Григорьевна и стала помогать Татьянѣ раздѣваться.

Татьянѣ и Машкѣ стало пріятно и тепло отъ ласки. Онѣ легко раздѣлись и почувствовали, что онѣ точно свалили съ себя тяжелую ношу.

— Якъ же вы доіхали? Не важко вамъ було? — спросилъ старикъ.

Татьяна стала разсказывать, сколько они муки видѣли, какъ ѣхали, а Олёна Григорьевна незамѣтно вернулась въ первую половину. Тамъ затрещали дрова подъ плитой, на плиту была поставлена большая кастрюля. Дѣвочка подошла къ Машкѣ и спросила:

— Какъ имя ты?

Машкѣ показалось чудно, какъ говоритъ дѣвочка, но она поняла, что она спрашивала, и сказала.

— А я Настя. Мнѣ восемь рокивъ. Я учусь въ инглишъ скулъ.

— У школѣ, а не скулъ,—поправила Настю изъ-за дверей Олёна Григорьевна.

Настя стала разспрашивать, какъ живутъ у нихъ въ Россіи, что тамъ хорошаго. Машка стала разсказывать. Потомъ Настя стала говорить про свою жизнь. Она сказала про сосѣдей, у которыхъ были ей ровесницы—Эмма и Мэри; онѣ не знали ни слова по-ихнему. Она съ ними учится въ школѣ и говоритъ по-англійски. Онѣ играютъ и ходятъ гулять, и разсказала, какъ онѣ играютъ. Новыя подруги быстро освоились другъ съ дружкой, и когда Матвѣй Гаврилычъ съ Михайлой, снявши съ фургона вещи и отложивъ лошадей, вошли въ домъ, дѣвочки были уже такъ знакомы, какъ будто бы много лѣтъ прожили подъ одной крышей.

XXII.

Эту ночь Подаркины спали на твердомъ полу. Подъ ними ничего не качалось и не трясло. Они спали долго и сладко, а какъ встали, опять пошли разговоры, разсказы, разспросы.

Было воскресенье. Настя въ школу не пошла; она повела Машку на улицу и стала показывать, что у нихъ есть. Онѣ обошли дворъ. Между сараемъ и амбарушкой стоялъ вчерашній фургонъ, одноколка, плуги, бороны и другія машины. Отсюда дѣвочки прошли въ огородъ, гдѣ у Настина дѣдушки была хатка съ двумя небольшими окошками. Дѣдушка былъ около хаты; онъ что-то плелъ изъ прутьевъ и не видалъ дѣвочекъ. Новыя подруги заглянули въ садъ, гдѣ стояли маленькіе тесовые домики, въ которыхъ жили пчелы, и, перескочивъ канаву, спустились къ ручью, гдѣ въ обгороженномъ со всѣхъ сторонъ загонѣ паслись три коровы и сытая бѣлоголовая телка.

— Какой у васъ плантъ большой!—сказала Машка.

— Якій такій плантъ?

— А вотъ это,—обвела рукой Машка, но Настя не поняла.

За ручьемъ было поле, а потомъ лѣсъ, пестрѣвшій разноцвѣтными листьями. Машкѣ вспомнились родныя мѣста, и она спросила:

— А въ вашемъ лѣсу грибы есть?

— Есть. И ягоды есть.

— Какія?

Настя стала называть: стросбэрри, расберри, но Машка не понимала,—названія были непохожи на русскія.

Дѣвочки пошли отъ ручья въ обходъ усадьбы по лугу и когда дошли до дороги, то встрѣтили Матвѣя Гаврилыча и Михайлу. Они тоже оглядывали мѣсто. Машка побѣжала къ нимъ навстрѣчу и спросила: что это за ягоды „расберри“?

— Расберризъ—малина,—отвѣтилъ, улыбаясь, Матвѣй Гаврилычъ,—а наша лѣсная ягода—стросберризъ, а крыжовникъ—гуусберризъ; гусиныя ягоды—здѣсь не по-нашему: или аглицкое званіе, или индѣйское. Аглицкое трудно, а индѣйское еще труднѣе.

Обѣдали Подаркины въ этотъ день горячимъ борщемъ, рисовой кашей съ масломъ и свѣжимъ молокомъ.

Такой обѣдъ былъ первый разъ чуть не за мѣсяцъ, и Подаркины съ жадностью до капли схлебывали съ ложекъ горя-

чее жирное хлебово, и усталость, морская качка, тѣснота и духота въ вагонахъ быстро забывались. Понемногу выплывали новыя чувства, и эти чувства одинаково захватывали отца и мать.

Послѣ обѣда Матвѣй Гаврилычъ сказалъ:

— Мы поѣдемъ глядѣть пустой участокъ.

— Съ Богомъ!—сказала Олёна Григорьевна.

Матвѣй Гаврилычъ выдвинулъ одноколку, и они запрягли ее въ одну лошадь, сѣли и поѣхали со двора. Машка съ Настей проводили ихъ и долго глядѣли имъ вслѣдъ, пока они не скрылись за огоркомъ.

Фермеръ у своего дома.

Послѣ этого Настя повела Машку на сосѣднiй хуторъ къ англичанамъ и вызвала непонятными Машкѣ словами двухъ дѣвочекъ. Дѣвочки были худощавыя, долголицыя, въ желтыхъ башмачкахъ, съ длинными волосами, заплетенными въ двѣ косы. Онѣ обѣ были на одно лицо. Подойдя къ Настѣ съ Машкой, онѣ по очереди подали Машкѣ руку и по очереди болтнули во рту языкомъ. Вышло одно слово „молинъ“, и Машкѣ стало чудно.

— Ши усъ нотундерстанъ,—сказала Настя дѣвочкамъ, и тѣ вытянули личики и въ одинъ голосъ спросили:

— Ва-а-тъ?

— Эсъ,—сказала Настя и поглядѣла на Машку.

Дѣвочки что-то быстро залепетали и стали смѣяться. На-

стя тоже смѣялась. Смѣясь, онѣ прошлись взадъ и впередъ по дорогѣ, и Настя обратилась къ Машкѣ:

— Онѣ говорятъ, чтобы ты скорѣй въ скулъ хóдила.

— Ходúла, а не хóдила,—поправила Настю Машка.

— Ну ходúла,—согласилась Настя.—Якъ будешь ходить въ скулъ, будешь читать и говорить, якъ мы говоримъ.

— Какъ мамка,—сказала Машка.

— А вы гдѣ будете жить?

— Не знаю.

Настя задумалась.

— Вотъ якъ бы близенько гдѣ, добре бъ було?

— Какъ тятька съ мамкой,—опять отвѣтила Машка.

Онѣ возвратились къ воротамъ англійскаго хутора. Дѣвочки опять подали Машкѣ и Настѣ руки, закивали головами и сказали одна за другой одно слово:

— Гудъ ивнингъ.

Англичанки ушли къ себѣ, а Настя съ Машкой къ себѣ.

— Онѣ дуже хорошія дѣвочки,—говорила дорогой Настя Машкѣ,—добре учатся, учительница любитъ ихъ. И ихъ отецъ хорошій англичанинъ и любитъ много балакать съ тятькой.

Дѣвочки пришли домой. Дѣда не было: онъ, должно быть, что-нибудь дѣлалъ у себя на пчельникѣ. Олёна Григорьевна съ Татьяной сидѣла за столомъ и, глядя, какъ на полу играютъ Сёмка съ мальчикомъ Олёны Григорьевны, Гришукомъ, разговаривали. Машка сейчасъ же бросилась къ матери и легла къ ней грудью на колѣни, а Настя подсѣла къ мальчикамъ и стала съ ними играть.

— И тебѣ не скучно по своей сторонѣ?—спрашивала Татьяна.

— Та яка она тамъ своя?—говорила Олёна Григорьевна.— Я була отъ така,—показала она на Машку,—якъ поіхала съ дому. Усё забыла. Помню тилько якъ марокъ: хата бѣленька, церковь бѣленька, у садочка люди якись, а большъ ничого.

— А здѣсь церкви есть?

— Есть аглицкія. Служба тоже, тому же Богу, только сидятъ да не христятся.

— Какъ же вы говѣете?

— Та мы не говіимъ. Батько колись возьме евандиль, почитае, а мы помолимся.

— А дѣтей гдѣ крестили?

Новое знакомство.

— Та нигдѣ. Обмыли, та помолились, та имя дали, такъ и живутъ...

— Больно необычно это...— вздохнувъ, сказала Татьяна. — Отъ всего отвыкать придется, все забывать: съ кѣмъ росъ, на работу ходилъ.

— Здѣсь жинка у поле не ходитъ, она дома усё человiку готовитъ, чтобы онъ коли придетъ, було сухо, тепло да чисто. Матвѣй Гаврилычъ очень хвалитъ такой порядокъ.

— Чего не хвалить, кому хошь доведись... А мать твоя давно умерла?

— Якъ Матвѣй Гаврилычъ заступилъ до насъ, годъ пожилъ, тутъ она и померла. Мы и поженились.

— Онъ дома хорошiй былъ парень.

— И туточки хорошъ. Имъ и батько мой доволенъ и я.

XXIII.

Михайло съ Матвѣемъ Гаврилычемъ вернулись поздно. Они осмотрѣли два участка и стали разсказывать, каковы эти участки. Оба были съ лѣсомъ. На одномъ протекалъ небольшой ручеекъ, на другомъ было только болото. Участокъ съ болотомъ былъ ближе къ дорогѣ. Михайло разсказалъ все Татьянѣ и спросилъ какъ, она думаетъ, какой участокъ лучше.

— А мнѣ-то что, нешь у тебя глазъ нѣтъ? — сказала Татьяна,—гляди, что лучше.

Матвѣй Гаврилычъ говорилъ, что съ болотомъ удобнѣй, потому что ближе отъ дороги, а что ручья нѣтъ,—можно колодецъ выкопать.

— А какъ вода далеко?

— У насъ вонъ близко.

Долго разбирали выгоду то одного, то другого участка, но въ этотъ вечеръ ни къ какому рѣшенiю не пришли. Михайло сказалъ, что придется побывать на участкѣ съ Татьяной.

— Ну что жъ, завтра и поѣзжайте,—одобрилъ Матвѣй Гаврилычъ,—опять запрягу вамъ одноколку, и поѣдете.

— А какъ вамъ будетъ лошадь нужна?

— Нѣтъ. Ко мнѣ придетъ поденщикъ, мы пойдемъ въ лѣсъ, тамъ и безъ лошади обойдемся.

На томъ и покончили.

Утромъ поднялись чуть свѣтъ. Олёна Григорьевна нагрѣла кипятку, заварила кофею и чаю, подала хлѣба, масла, вчерашней рыбы. Всѣ позавтракали, и Михайло съ Татьяной стали собираться въ путь.

— А ты тутъ Сёмку гляди,—показала Машкѣ мать,—чтобы онъ у тебя не плакалъ.

— Не буде плакать, уходите,—сказала Олёна Григорьевна.

Мать съ отцомъ уѣхали. Ушелъ и Матвѣй Гаврилычъ и дѣдъ. Олёна Григорьевна взялась за стряпню. Машка стала играть съ ребятишками въ другой половинѣ. Машкѣ вспомнилась своя сторона, и она завела съ ними игру „въ гулючки“: двое куда-нибудь прятались, а третій искалъ. Такъ играли долго. Потомъ въ эту половину вошла Олёна Григорьевна и сказала:

— Идите на дворъ, чего вы у хатѣ торчите. Тамо просторнѣй.

Машка стала одѣвать Сёмку, а Олёна Григорьевна Гришука. Мальчики радовались и смѣялись, смѣясь, они вышли и на крыльцо.

Было морозно, но тихо и ясно. Земля была твердая какъ желѣзо. По ней легко было бѣгать. Машка поставила ребятъ рядомъ, завела имъ подъ-мышки веревочку и стала ихъ погонять какъ лошадей.

— Ну, я поѣду участокъ глядѣть. Но-о, пошли!

Ребятишки побѣжали; Машка потрусила за ними мелкими шажками, а языкомъ подражая колокольчику. Такъ она когда-то играла въ своей деревнѣ. Воспоминанія о родной деревнѣ сегодня назойливо вставали въ памяти Машки. Она понимала, что отецъ съ матерью выберутъ участокъ, и они переселятся туда и будутъ всегда жить здѣсь далеко, далеко отъ того мѣста, гдѣ она родилась, отъ своей избы, отъ подругъ. И они никогда ужъ не вернутся въ свою деревню. Машка сообразила, что значитъ „никогда“—и сердечко ея похолодѣло. Ее сразу точно отрѣзало отъ игры, отъ ребятъ. Она выпустила изъ рукъ бечевку и остановилась.

„Какъ же это они будутъ жить здѣсь, въ такомъ пустомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ деревни, избъ, овиновъ, гдѣ нѣтъ ничего похожаго на ихнюю жизнь, гдѣ люди и говорятъ непонятно? Какая радость тутъ жить и въ чемъ тутъ будетъ радость?“

Она заплакала. Ребятишки добѣжали до воротъ одни, остановились. Они оглянулись и увидѣли, что кучеръ ихъ отсталъ.

Сёмка первый понялъ, что Машка плачетъ, и самъ надулъ щеки, сморщилъ носъ, закрылъ глаза и заревѣлъ. Гришукъ вытаращилъ на него глазенки и глядѣлъ, ничего не понимая.

Машка услыхала, что и братишка заплакалъ, сейчасъ же проглотила слезы и бросилась къ нему. Она стала его уговаривать:

— Что ты, Сёма, миленькій, ну чего ты?

Гришукъ стоялъ въ сторонѣ и, должно быть, не могъ понять, отчего это заплакалъ его товарищъ, и готовъ былъ самъ разревѣться.

— Перестань, сейчасъ мама придетъ.

— А дѣ мама?—спросилъ Сёмка.

— Она сейчасъ пріѣдетъ. Она за гостинцемъ поѣхала. Сейчасъ, миленькій.

Сёмка сталъ утихать. Машка подумала, что ей нельзя распускаться, когда на ея попеченіе сданы младшіе, скрѣпила сердце и стала обдумывать, чѣмъ бы ихъ позабавить еще. Деревня не выходила у нея изъ памяти, и она повела ихъ въ огородъ, гдѣ на замерзшихъ грядахъ валялись сухіе стебли подсолнуховъ, тычинки отъ гороха. Машка стала подбирать ихъ и сказала ребятамъ:

— Давайте дѣлать избу. Вотъ мы пріѣхали на чужую сторону и у насъ ничего нѣтъ. Надо намъ что-нибудь построить.

И они приперли тычинки къ тыну и стали строить шалашку. И дѣлали они это съ такимъ увлеченіемъ, какъ будто возводили что очень важное. Машка была командиромъ и кричала, чтобы ей подавали то то, то другое. Ребята послушно подчинялись ей. Она настилала крышу, укрѣпила наверху сухой горохвенникъ и бока шалашки загородили бобовникомъ. Потомъ они всѣ трое принесли отъ омета по клоку соломы и постелили ее на землю.

— Давайте здѣсь жить,—предложила Машка.

— Добре,—сказалъ Гришукъ.

Машка первая влѣзла въ шалашъ. За нею на четверенкахъ, какъ молодые медвѣжата, полѣзли мальчики. Они влѣзли и усѣлись всѣ рядомъ на соломѣ.

— Хорошо?—спросила Машка.

— Хоросо,—пролепеталъ Сёмка.

— Добре,—опять сказалъ Гришукъ.

— Будемъ мы какъ скотинка: ѣсть захочемъ, къ стогу пойдемъ, сѣнца пожуемъ и опять сюда.

— Му-у!—замычалъ вдругъ Сёмка.

— И-го-го!—заржалъ Гришукъ, и оба они раскатисто засмѣялись.

Изъ скотины они превратились въ журавлей, изъ журавлей въ людей, которые справляютъ праздникъ и угощаютъ другъ друга. И въ какую игру ни начинали играть, въ памяти Машки все стояла ихъ далекая деревня и ея подруги, и она изрѣдка вздыхала и задумывалась.

У Олёны Григорьевны поспѣлъ обѣдъ. Она вышла во дворъ, чтобы позвать дѣтвору, но долго не могла напасть на ихъ слѣдъ. Она-было встревожилась, но тутъ пришелъ на помощь дѣдъ. Онъ обгораживалъ на зиму свой пчельникъ и видѣлъ, какъ ребятишки строили шалашку, и указалъ ихъ дочери.

XXIV.

Послѣ обѣда мальчики захотѣли спать. Ихъ положили рядкомъ. Они уснули, а Машка пошла на улицу одна. То чувство, что поднялось въ ней съ утра, опять ей дало себя знать, и у ней снова закололо глаза и стало тяжко на сердцѣ. Она вышла за ворота и стала глядѣть въ ту сторону, куда уѣхали тятька съ мамкой. Она глядѣла на дорогу, а грусть все больше и больше давила ея сердце. А что, какъ они долго не пріѣдутъ, заблудятся, али попадутъ не на ту дорогу? Что имъ тогда будетъ дѣлать? И опять Машкѣ захотѣлось заплакать.

На дорогѣ показались три дѣвочки и одинъ мальчикъ съ сумками въ рукахъ. Машка поняла, что это идутъ изъ школы Настя съ англичанами, поспѣшно утерла глаза и побѣжала имъ навстрѣчу.

— Молинъ!—опять крикнули ей обѣ дѣвочки.

Машка растерялась и не знала, что сказать.

— А ты говори: гуддей,—научила ее Настя.

— Гуддей,—выговорила Машка.

Настя засмѣялась, а англичанки захлопали въ ладоши.

— Веріелъ!—крикнули онѣ въ одинъ голосъ и что-то залопотали.

— Онѣ говорятъ,—перевела Машкѣ Настя,—что тебѣ треба съ нами ходить. Ты будешь учиться читать, писать и говорить.

— Какъ мамка,—какъ и первый разъ сказала Машка и

похвасталась, что они построили шалашку на огородѣ и какъ они играли въ этой шалашкѣ.

Настя поѣла, и онѣ побѣжали смотрѣть шалашку. Къ нимъ пришли англичане и говорили: „веріелъ“ и „веригудъ“. Они влѣзали въ нее, садились и все чему-то смѣялись.

Передъ вечеромъ пріѣхали отецъ и мать. Они рѣшили лучше взять тотъ участокъ, что съ болотомъ.

— Въ болотѣ,—сказалъ отецъ,—можно вырыть прудъ, а около дома колодецъ. Труда будетъ больше, зато ближе къ дорогѣ, а ближе отъ дороги, ближе и отъ людей.

— Тогда завтра поѣдемъ и запишемъ его,—сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

На другой день Матвѣй Гаврилычъ съ отцомъ поѣхали записывать участокъ. Они ѣздили два дня. Когда пріѣхали, они сказали, что теперь сдѣлано все, и Михайло сказалъ, что на участокъ нужно свезти Машку съ Сёмкой.

Опять былъ морозный день, когда Подаркины всей семьей поѣхали на участокъ. Колеса гулко стучали по дорогѣ. Лѣса, какъ и у нихъ, стояли обнаженные, и только ели да сосны темнѣли густыми пятнами въ ихъ чащѣ. На дорогѣ имъ попался индѣецъ. Индѣецъ, безбородый, съ втянутыми щеками, что-то болтнулъ имъ и мотнулъ рукой. Михайло кивнулъ ему головой. Индѣецъ засмѣялся и пошелъ дальше.

До участка было верстъ двадцать Дорога иногда шла сплошнымъ лѣсомъ, потомъ попадались прогалки, на прогалкахъ встрѣчались хутора, потомъ опять лѣсъ. Когда проѣхали половину дороги, лѣсная часть кончилась, открылась широкая долина. Долину пересѣкала рѣчка, черезъ рѣчку былъ перекинутъ бревенчатый мостъ, какъ и въ Россіи. Подъ мостомъ вода замерзла и блестѣлъ гладкій чистый ледъ.

— Скоро зима будетъ,—сказалъ отецъ.

Лошади перешли мостъ и стали подниматься на огорокъ. Съ огорка видъ открылся во всѣ стороны, и всюду были построены хутора, возвышались стога и ометы. Влѣво былъ виденъ даже небольшой городокъ. Тамъ останавливались поѣзда, была почта и лавки, возвышалась церковная колокольня и высокая труба какого-то завода. Отецъ сказалъ, что ихъ участокъ недалеко отъ этого городка, и подстегнулъ лошадей.

Проѣхали версты двѣ, и отецъ повернулъ лошадей направо и поѣхалъ по некошенной луговинѣ.

— Куда это ты?—спросила Машка.

— На свою землю.

— А гдѣ наша земля?

— Вотъ сейчасъ прiѣдемъ.

Лошади скоро остановились. Отецъ соскочилъ съ фургона, привязалъ ихъ къ дереву, далъ корму и сталъ ссаживать Машку и Сёмку. Машка оглянулась. Кругомъ было широкое гладкое мѣсто, сбѣгавшее слегка къ лѣсу и все покрытое густою некошеной травой. По травѣ кое-гдѣ пробивались прутики молодого лѣса, а вдали лѣсъ росъ частый и высокiй, поднимался стѣною и загораживалъ собою, что было дальше. Отецъ кивнулъ въ сторону лѣса головой и проговорилъ:

— Вотъ какое у насъ богатство.

— Если бы это добро, да на своей сторонѣ,—сказала мать и вздохнула.

— Что-нибудь одно: или своя сторона, или вольная земля.

Мать промолчала. Отецъ взялъ Сёмку на руки и пошелъ по полянѣ.

— Ну, давай планты плантовать,—сказалъ онъ мальчику.— Вотъ здѣсь у насъ огородъ будетъ, здѣсь выроемъ колодецъ, тамъ вонъ поставимъ амбаръ, а тутъ будетъ вся стройка.

— На што ты все это поставишь? Гдѣ ты денегъ-то возьмешь? Много у тебя осталось?—спросила мать.

— Мы сами—деньги. А руки-то на что? Слава Богу, пока есть чѣмъ взяться и есть за что. Лѣсъ не покупать. Купить топоръ да пилу—и все дѣло.

— Самому такъ не сдѣлать.

— Сдѣлаемъ пока землянку, въ землянкѣ годикъ поживемъ, а тамъ насѣемъ овса, да льну, да жита. Уродитъ Богъ, станемъ все настоящее заводить.

Отецъ говорилъ, и у него горѣли глаза. Руками онъ указывалъ то въ одинъ, то въ другой уголъ.

— Вотъ тутъ покосъ какой будетъ, а тутъ поле. Въ этой площадкѣ-то десятинъ пятнадцать будетъ. Распаши-ка ихъ, что онѣ тебѣ дадутъ! А травы-то сколько можно накосить! Какъ стѣной стогами-то обставишься!

Чѣмъ больше говорилъ отецъ, тѣмъ больше возбуждался. На щекахъ у него выступилъ румянецъ, онъ казался моложе, и, глядя на него, легче было на душѣ у всѣхъ.

— Я одинъ тутъ наработаю на двѣ такихъ семьи. Ничѣмъ васъ не потревожу. Запрягу парочку лошадокъ и поѣду.

Одинъ вспашу, одинъ и сбороную и скошу все на косилкѣ одинъ, а вы сидите, домъ караульте.

Они подошли къ лѣсу. Между поляной и лѣсомъ, въ низинѣ, росъ высокій камышъ, густая осока, почернѣвшая отъ мороза. Подъ ними блестѣлъ ледъ. Это и было болото, изъ котораго отецъ—говорилъ легко сдѣлать прудъ.

— Тутъ тебѣ купайся, тутъ и полоскайся, — ишь какое добро! А лѣсу-то! У однихъ будетъ больше, чѣмъ у насъ во всей деревнѣ. Вся бѣда въ томъ, что теперь наступаетъ зима. Если бы не зима, то у насъ сейчасъ бы какое житье пошло!

XXV.

Выпалъ первый снѣгъ. Онъ густо покрылъ всю землю и смягчилъ морозъ. Машка, Сёмка и Гришукъ играли на дворѣ, а Матвѣй Гаврилычъ съ Михайлой возили по первопутку стога сѣна и клали его подъ навѣсъ. Въ это время во дворъ вошли два человѣка: одинъ старый въ толстой плисовой курткѣ, въ мѣховой шапкѣ, съ трубкой въ зубахъ—отецъ Мэри и Эммы. Машка видала его прежде. Другой былъ незнакомый, молодой, въ вязаной рубахѣ, въ толстыхъ чулкахъ, со шляпой на затылкѣ. Онъ былъ еще безъ бороды. Большіе сѣрые глаза его глядѣли весело. Увидавши дѣвочекъ, онъ улыбнулся и сказалъ по-русски:

— Вотъ этихъ сразу узнаешь, что русскія. Должно, недавно пріѣхали. Здравствуй, дѣвочка!

Машка глядѣла на него во всѣ глаза, а онъ погладилъ ее по головѣ и пошелъ за мистеромъ Карчеромъ подъ навѣсъ. Ребятишки побѣжали туда же. Мистеръ Карчеръ сказалъ что-то Матвѣю Гаврилычу по-англійски, потомъ заговорилъ молодой. Онъ заговорилъ по-русски, и Машка все поняла, что онъ говорилъ. Онъ говорилъ, что идетъ издалека и хотѣлъ бы поступить на какую-нибудь ферму работникомъ.

— Какая жъ теперь на фермѣ работа? — сказалъ Матвѣй Гаврилычъ. — На фермѣ работа лѣтомъ.

— Мнѣ хоть какую-нибудь, до весны бы перебиться.

Матвѣй Гаврилычъ поглядѣлъ на него, подумалъ, потомъ взглянулъ на Михайлу и сказалъ:

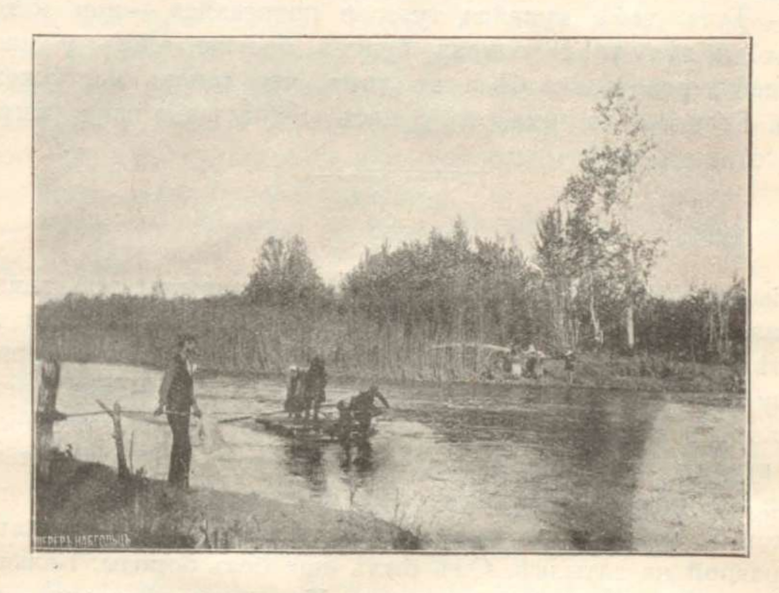
— Вотъ этотъ человѣкъ ферму взялъ, будетъ зимой лѣсъ валить да возить. Если съ нимъ вамъ поработать?

— Все равно, мнѣ лишь бы работать.

— Тогда оставайтесь.

Мистеръ Карчеръ ушелъ, а парень сейчасъ же сѣлъ на колоду, досталъ трубку, закурилъ и сталъ разсказывать о себѣ.

— Я пріѣхалъ сюда изъ Англіи. Я тамъ хотѣлъ учиться: мой отецъ имѣлъ фабрику въ Россіи и разорился. За ученье

Видъ въ сѣверной Канадѣ.

платить стало нечѣмъ, я рѣшилъ жить своимъ трудомъ. Мнѣ наговорили про Америку, я и пріѣхалъ сюда.

— У насъ много не заработаешь, — сказалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— Мнѣ хотя бы кое-что сколотить, а тамъ я доберусь до Калифорніи и устроюсь какъ-нибудь. Я знаю англійскій и нѣмецкій языки, могу служить въ конторѣ, могу дѣлать, что потребуется. Я нигдѣ не пропаду.

Когда сѣно убрали и поставили на стойло лошадей, Матвѣй Гаврилычъ спросилъ, какъ его звать.

— Меня звать Вася. Меня всѣ такъ звали, зовите и вы такъ меня.

— Хорошо, пойдемъ въ домъ, попьемъ чаю. А вы намъ еще разскажете что.

За чаемъ Вася разсказывалъ про тотъ городъ, гдѣ онъ учился, и какъ онъ пріѣхалъ въ Америку: онъ отправился

безъ денегъ и поступилъ служить на пароходѣ; за это его кормили и дали на билетъ до того города, гдѣ слѣзли и Подаркины. Теперь у него ничего ужъ не было.

— Зато у меня руки здоровыя и голова ничѣмъ не засорена. Я во всякомъ мѣстѣ могу прожить,—похвастался Вася.

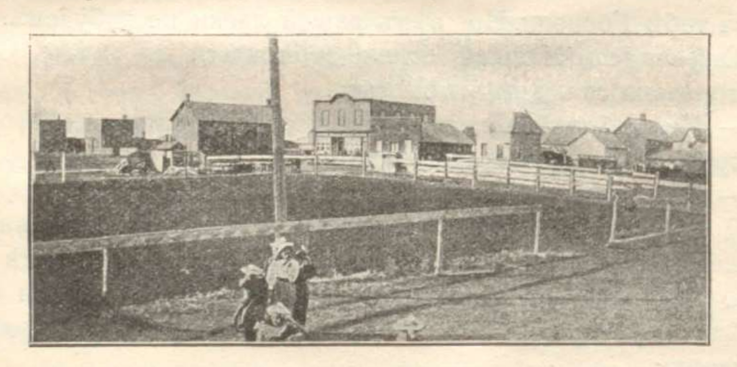
Послѣ чаю Вася вышелъ въ другую половину. Матвѣй Гаврилычъ сказалъ Михайлѣ:

— Это тебѣ вмѣсто находки. Съ нимъ ты землянку устроишь и лѣсу напилишь.

— Чего жъ лучше,—согласился и Михайло,—съ парой что хошь надѣлаешь.

XXVI.

На другой день Михайло и Вася пошли въ городокъ, гдѣ были лавки, и купили два топора, двѣ лопаты и пилу. Когда они вернулись, Михайло насадилъ топоры и лопаты, выточилъ ихъ, на слѣдующій день они взяли съ собой ковригу хлѣба, кулекъ картофелю, связку соленой рыбы, котелокъ и чайникъ съ посудой, и Татьяна свезла ихъ на участокъ. Они жили тамъ четыре дня и пришли отдохнуть.

Городокъ въ Канадѣ.

Весь вечеръ они говорили, какъ они тамъ работаютъ, а утромъ они забрали провизію и опять ушли. Мать поглядѣла на Машку и вымолвила:

— Ну вотъ, Богъ дастъ, скоро и мы въ свой уголъ переберемся.

— Въ какой?

— А на участкѣ. Они тамъ землянку построили, мы въ нее перейдемъ.

— Тамъ и жить будемъ?

— Тамъ и поживемъ до весны, съ весной избу поставимъ

— А здѣсь што жъ?

— Здѣсь чужой уголъ. Что жъ намъ Олёну Григорьевну тяготить. Вѣдь у насъ не одинъ ротъ, у ней безъ насъ семейство.

— Настя сгрустится.

— Зиму потерпитъ, а тамъ, какъ заведемъ все, другъ къ дружкѣ въ гости ѣздить станемъ.

Прошло еще четыре дня, отецъ пришелъ одинъ и сказалъ:

— Ну, гнѣздо завили совсѣмъ. Ѣдемте на новое мѣсто. Благодарите за хлѣбъ-соль хозяевъ да собирайтесь.

Олёна Григорьевна поглядѣла на всѣхъ и сказала:

— Отто выдумали коли перебираться, жили бъ зиму въ насъ, а тогда бъ и поѣхали. Яко тамъ буде жить-то!

— Нельзя, Олёна Григорьевна, — улыбаясь, говорилъ Михайло.—Всякой мышкѣ нужно сидѣть въ своей норкѣ. Что же мы тамъ будемъ хлопотать, а они здѣсь сидѣть. Тамъ они намъ и картошекъ наварятъ и кипятку. И намъ будетъ хлопотъ меньше и они при дѣлѣ.

— Знамо, — сказала Татьяна,—мы и то погостили у васъ, слава тебѣ Господи. По вѣкъ вашей ласки не забудемъ.

Татьяна съ Машкой стали собираться въ путь; Олёна Григорьевна стала имъ помогать.

— Не забывайте насъ, навѣщевайте колись, — говорилъ смотрѣвшій на ихъ сборы старикъ.

— Ваши гости.

Добро Подаркиныхъ было уложено на сани; Татьяна закутала ребятишекъ и стала одѣваться сама. Когда всѣ одѣлись, Татьяна опять подошла къ Олёнѣ Григорьевнѣ и стала ее благодарить, потомъ она подошла къ Матвѣю Гаврилычу и старику.

Распростившись съ хозяевами, Татьяна вышла изъ дома и влѣзла на возъ. Машка взобралась за нею, Михайло подалъ Татьянѣ Сёмку и полѣзъ самъ. Лошади тронулись и сани выѣхали со двора.

Землянка была построена въ кустахъ. Она поднималась аршина на два надъ землею. Въ новыхъ блестящихъ бревнахъ, положенныхъ сверхъ земли, было вырублено низкое, но широкое оконце, заставленное стеклами, и въ нее вела дверь, сколоченная изъ досокъ. Это было куплено готовымъ

въ городкѣ. Въ городкѣ, какъ говорилъ отецъ, продавались цѣлые разобранные дома, но они стоили дорого. На крышѣ землянки была навалена земля, землей были обложены и стѣны.

— Гляди, какъ сдѣлано,—сказалъ Михайло,—никакая стужа не проберетъ.

Татьяна полѣзла въ дверцу, а за нею Машка. Ихъ встрѣтилъ Вася. Онъ сидѣлъ въ углу, около разложеннаго огня. На огнѣ варился котелокъ съ картофелемъ. Вася, какъ увидѣлъ ихъ, живо поднялся съ земли и радостно проговорилъ:

— А, пріѣхали-таки! Здорово! Вотъ глядите, какое мы вамъ жилье сварганили.

Татьяна съ Машкой оглядѣлись. Землянка на аршинъ была углублена въ землю и аршина на два поднималась надъ землей. Въ ней было просторно и тепло. Легкій дымокъ щипалъ глаза, и Машкѣ опять вспоминалась деревня, теплушка, гдѣ имъ прежде дѣдушка, а потомъ отецъ пекъ картофель. Въ одномъ углу на четырехъ чуракахъ были устроены нары, сбоку наръ было вбито четыре кола, а на нихъ укрѣплено дно отъ ящика—получился столъ. Два толстыхъ чурака могли служить для сидѣнія. Когда Михайло притащилъ съ саней узлы и мѣшки, то стало даже уютно.

Сёмку посадили на нары, но онъ сейчасъ же слѣзъ на полъ и пошелъ къ огню. Вася сказалъ, чтобы онъ не подходилъ близко, и сталъ снимать съ огня картофель. Татьяна разстелила на столъ домашнюю скатерть, разложила привезенные съ собою хлѣбъ и соль. И они стали ѣсть горячій картофель. Потомъ Вася вскипятилъ чайникъ, и они стали пить чай. Вася ѣлъ, пилъ и восторгался; ему очень нравилось такое житье. Отцу тоже. Одна мать брюзжала:

— Хорошо, а постряпать негдѣ,—ни лепешекъ, ни пироговъ испечь.

— Да и печь-то не изъ чего,—проговорилъ отецъ:—муки все равно нѣтъ. Эту зиму, такъ и быть, ужъ будемъ готовый хлѣбъ покупать.

XXVII.

Пока горѣлъ въ углу огонь, ѣли картошку и пили чай, было тепло. Но только огонь погасъ, въ землянкѣ стало свѣжѣе, безъ одежды стало холодно. У Сёмки посинѣли щеки, и ручонки стали холодныя, какъ ледъ. Татьяна развязала узелъ,

достала изъ него холщевый пологъ и стала прилаживать его на нарахъ.

— А это хорошо,—сказалъ Вася,—какъ въ палаткѣ.

— Все лучше,—сказала Татьяна.—И тебѣ такой устроить? У меня есть.

— Нѣтъ, не надо,—сказалъ Вася.—Я буду около огня спать. Будетъ холодно,—проснусь и дровъ подкину.

Поселенцы отмѣчаютъ кольями, гдѣ что ставить на усадьбѣ.

Вскорѣ поднялся вѣтеръ и сталъ продувать около двери и въ окно. Въ землянкѣ становилось все холоднѣе. Вася опять развелъ огонь. Татьяна съежилась и забрюзжала:

— Никакъ тутъ холода-то сердитѣй нашихъ.

— Это съ непривычки,—сказалъ Михайло. — Холодъ какъ холодъ, только кровь молодитъ.

— Такъ, пожалуй, подмолодитъ, что руками не двинешь.

— Ну, страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Михайло, не глядя на холодъ, продолжалъ убирать землянку: привѣсилъ дешевенькіе часики, устраивалъ полки, разставлялъ по мѣстамъ свое добро. Землянка казалась уютнѣй съ каждой минутой.

— Зиму проживемъ, не замерзнемъ, а лѣтомъ избу построимъ съ печкой.

Когда размѣстили всѣ вещи, стали обсуждать, съ чего имъ начинать съ завтрашняго дня: пилить ли лѣсъ, или же начи-

нать рыть колодецъ. Въ прудцѣ, который они выкопали въ болотѣ, ледъ могъ замерзнуть такой, что его не прорубить, и тогда они могли остаться безъ воды.

— Копайте колодецъ,—сказала Татьяна,— что бы тамъ ни было, по крайности вода будетъ не горевая.

— Колодецъ рыть нужно канатъ да ящикъ, что ли, въ чемъ землю-то таскать.

— Ну что жъ, сходите да купите.

Вася долженъ былъ согнать лошадей, на которыхъ пріѣхали Подаркины отъ Матвѣя Гаврилыча. Онъ вызвался пройти оттуда въ городокъ и купить, что нужно. Михайло одобрилъ это, и Вася сейчасъ же сталъ натягивать на себя куртку и окуталъ шею толстымъ вязанымъ шарфомъ.

— Такъ я сейчасъ же и отправлюсь. Переночую у вашихъ земляковъ, а утромъ, айда, за покупками.

— Съ Богомъ!

Первую ночь Подаркины ночевали въ землянкѣ одни. Машка спала крѣпко и видѣла разные сны. Утромъ у нея бо-

Ферма въ первый годъ своего существованія.

лѣла голова, и ей не хотѣлось вставать. Она лежала, укрывшись шубенкой. Ей слышно было, какъ въ землянкѣ суетится отецъ съ матерью, горитъ огонь, готовится чай, но ей не хотѣлось вылѣзать изъ-подъ шубы. Но вотъ мать откинула пологъ и проговорила:

— Ну, что ты—не замерзла сегодня?

— Нѣтъ,—сказала Машка.

— А у насъ тутъ вода замерзла и картошка, — оставили ее на ночь не покрымши, вѣрно будетъ слатимая.

Машка ничего не сказала.

— Ну, вставай, будетъ нѣжиться-то! Сёмка вонъ давно у огня сидитъ.

Машка вылѣзла изъ полога и сразу почувствовала, какъ холодно въ землянкѣ. Ей подали воды умыться, а ей хотѣлось плакать. Кое-какъ она умылась, утерлась и, пошатываясь, подошла къ столу... Отецъ сидѣлъ за столомъ и допивалъ чай. Отецъ взглянулъ на дѣвочку и сказалъ:

— Спала ты всѣхъ дольше, а встала всѣхъ тоньше. Что же это ты такъ отощала?

Машка опять промолчала.

— Вотъ какъ, и говорить не хошь,—ну, ладно. Дуй губы-то. Губы толще, брюхо тоньше. Мы-то вотъ поѣли, попили и на дѣло сейчасъ, а ты-то посиди еще.

Отецъ всталъ и началъ подвязывать холщевый фартукъ, потомъ взялъ топоръ и вышелъ изъ землянки. И сейчасъ же послышалось, какъ онъ застучалъ топоромъ, что-нибудь обтесывая.

Машка напилась чаю, погрѣлась съ Сёмкой у печки, и ей стало полегче. Мать сказала:

— Сходи на волю, погляди тамъ какъ.

Машка окуталась въ теплый платокъ поверхъ шубенки и вышла изъ землянки. На волѣ было еще холоднѣй. Снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами, а голыя деревья кругомъ трещали, когда ихъ раскачивало вѣтромъ.

Отецъ, несмотря на холодъ, обтесывалъ на что-то длинную жердь и работалъ ловко и весело.

— Что, Домашка, холодно?—спросилъ отецъ.

— Холодно,—отвѣтила Машка.

— Ничего, надо привыкать. Лѣта дождемся, теплѣй будетъ.

— Да, а скоро ли лѣто-то?

— Какъ зима пройдетъ, такъ и лѣто придетъ. Хочешь погрѣться, давай распилимъ вотъ эту слегу.

Отецъ сунулъ въ руку Машкѣ рукоятку пилы. Машка приладилась и потянула пилу къ себѣ, а отецъ къ себѣ. Они перепилили жердь. Машкѣ стало теплѣй. Отецъ сказалъ:

— Работать нужно больше, тогда и холодъ ни по чемъ. Онъ не любитъ, когда человѣкъ руками махаетъ, боится, какъ бы его не ушибли бъ.

— Какъ не ушибли бъ?

— А такъ. Онъ вотъ полѣзетъ къ тебѣ, а ты ткнешь ему нечаянно подъ носъ, ему и не понравится, онъ и отскочитъ, а коли холодъ отскочитъ—и тебѣ теплѣй станетъ.

XXVIII.

Вася пришелъ послѣ обѣда и принесъ длинную веревку и двѣ большихъ желѣзныхъ бадьи. Этимъ же вечеромъ они выбрали мѣсто, гдѣ копать колодецъ, а съ утра принялись за дѣло.

Работа пошла ходко. Свѣжей землей они обваливали землянку, насыпали ея больше на крышу. Отъ этого, или оттого, что поселенцы обтерпѣлись, холодъ казался уже не такъ лютъ.

Мужики работали день изо дня. Мать стряпала, чинила имъ бѣлье или одежду, или шила, а Машка съ Сёмкой выходили изъ землянки и бродили около. Иногда они заходили дальше, въ кусты, забирались подъ какое-нибудь дерево. Одинъ разъ Машка отвернулась отъ Сёмки и хотѣла выломить себѣ прутикъ, какъ услыхала Сёмкинъ крикъ:

— Гьяди, кабака!

Машка оглянулась. Изъ кустовъ выскочилъ рыжій звѣрь, съ длиннымъ пушистымъ хвостомъ, остановился, уставился своей острой мордочкой на ребятъ, потомъ подпрыгнулъ, вильнулъ въ воздухѣ хвостомъ и скрылся опять въ кусты.

Машка побѣжала къ отцу, разсказала, что они видѣли, и спросила, кто это.

— Вѣрно, лисица. Отъ этихъ стереги курей, а то живо одни перышки оставятъ.

Другой разъ на поляну у землянки выбѣжали шесть большихъ сивыхъ коровъ съ длинными ушами. Мордочки у нихъ были такія красивыя и глаза такіе ласковые. Онѣ поглядѣли на землянку, понюхали воздухъ, уставились на ребятъ, какъ бы желая что спросить у нихъ, затѣмъ зафыркали и побрели опять въ лѣсъ.

Снѣгъ пока былъ не глубокъ и крѣпокъ. Но вотъ въ одинъ вечеръ небо заволокло тучами, и на ночь повалилъ новый снѣгъ крупными хлопьями, мягкій и шелковистый. Онъ валилъ всю ночь и все покрылъ, что было вокругъ землянки: и кучу земли, что вырыли изъ колодца, и лежавшія тутъ бревна. Нельзя

стало далеко ходить. Тогда Вася сказалъ, что можно сдѣлать лыжи, и они съ отцомъ спилили осину, и отецъ сталъ вытесывать изъ нея широкія планки. Когда планки были готовы, отецъ استругалъ ихъ, распарилъ на огнѣ концы и загнулъ,—и лыжи были готовы. Вася попробовалъ лыжи и сказалъ, что на нихъ можно итти, куда угодно, и, когда ему приходилось ходить въ городокъ, онъ возвращался скорѣе, чѣмъ прежде.

Работали въ колодцѣ каждый день отъ утра до вечера, и Васѣ, должно быть, эта работа стала надоѣдать. Когда работа кончалась и они приходили въ землянку, Вася сейчасъ же раскладывалъ огонь, подсаживался къ огню и подкладывалъ щепокъ и дровъ, закуривалъ свою трубку и начиналъ отогрѣвать руки и ноги. Въ это время онъ всегда былъ угрюмый, молчаливый, и, только когда онъ обогрѣвался и напивался чаю, угрюмость его пропадала: онъ начиналъ шутить, разсказывать что-нибудь или играть съ Машкой и Сёмкой.

Одинъ разъ онъ заявилъ Машкѣ:

— Машка, хочешь, я тебя по-аглицки учить буду?

— Учи,—согласилась Машка.

— Ну, отлично. Слушай и запоминай.

И показывая на отца, спрашивалъ:

— Это кто?

— Отецъ.

— А по-англійски „фатзеръ“, слышишь: „фатзеръ“. Ну-ка скажи.

Машка говорила.

Вася училъ ее, какъ зовутъ мать, брата, сестру, дядю, человѣка, хлѣбъ, воду. Машка запоминала. На другой день Вася спрашивалъ вчерашнее и добавлялъ новое.

— Вотъ погоди, выроемъ колодецъ, будетъ полегче работа, читать, писать выучу. У насъ хорошо пойдетъ.

Вода въ колодцѣ показалась на шести саженяхъ. Отецъ съ Васей вставили срубъ и стали ее отливать. Они отливали цѣлый день, вылили всю мутную до грязи. Ночью вода опять набралась и отстоялась... Вода стала свѣтлая и вкусная. Михайло радостно глядѣлъ въ колодецъ и приговаривалъ:

— Одно дѣло сдѣлали, теперь можно за другое приниматься.

Но за другое дѣло взяться не пришлось. Къ нимъ пріѣхали Матвѣй Гаврилычъ съ Олёной Григорьевной и заявили, что скоро наступитъ Рождество, можно будетъ праздновать и отдохнуть. Они привезли имъ часть свинины, бѣлыхъ бо-

бовъ, картофелю и стали звать въ гости къ себѣ. Сговорились поѣхать, разговѣвшись, на другой день праздника. Матвѣй Гаврилычъ пообѣщалъ пріѣхать за ними на большихъ саняхъ.

Праздникъ наступилъ. Въ этотъ день ничего не дѣлали и все вспоминали, гдѣ и когда какъ встрѣчаютъ этотъ день.

Михайло разсказывалъ, какъ проходитъ праздникъ у нихъ въ деревнѣ, а Вася—какъ въ городѣ. Онъ описывалъ, какъ эти праздники встрѣчали у нихъ въ семьѣ во время его дѣтства, какъ наряжали елку и зажигали на ней свѣчи, одѣляли подарками. Онъ долго говорилъ, и лицо у него горѣло румянцемъ, а глаза блестѣли. Потомъ онъ замолчалъ и сталъ такимъ грустнымъ, а когда легли спать, Машка слышала, что онъ долго не спалъ, а все ворочался и тихо вздыхалъ.

Матвѣй Гаврилычъ пріѣхалъ на второй день праздника рано, и, когда они стали сбираться ѣхать съ нимъ, Татьяна вдругъ испугалась:

— А какъ же мы землянку-то оставимъ?

— Такъ что же?—спросилъ Матвѣй Гаврилычъ.

— А въ ней добро-то! Ну-ка кто заберется?

— Не бойтесь,—успокоилъ ее Матвѣй Гаврилычъ,—никто не отважится. Здѣсь такой законъ,—не то что подъ крышу пойдутъ, а что на дорогѣ валяется, не смѣютъ взять. Здѣсь этого не полагается.

Подаркины одѣлись и стали садиться на сани. Вася ѣхать въ саняхъ не хотѣлъ. Онъ надѣялся не отстать отъ нихъ на лыжахъ. И дѣйствительно, когда сани, нагруженныя людьми, тронулись, Вася пошелъ сбоку дороги и не только не отставалъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже обгонялъ подводу. Гостей у Матвѣя Гаврилыча привѣтливо встрѣтили и старикъ и Настя съ Гришукомъ. Гришукъ вцѣпился въ Сёмку, но Сёмка не понималъ, что говорилъ ему Гришукъ, а стоялъ и хлопалъ глазами. Гришукъ обидѣлся, отошелъ въ сторону и заплакалъ. Олёна Григорьевна стала утѣшать Гришука, а Настя затормошила Машку.

— Якъ ты жила?

Машка стала разсказывать, какая у нихъ жизнь. Настѣ очень понравилась такая жизнь.

Этотъ день прошелъ скоро. Промелькнулъ и другой. На третій день Михайло всталъ утромъ и проговорилъ:

— Ну, будетъ намъ пластаваться, пора и честь знать. Пора домой ѣхать.

— Подождите до Новаго года, погостите еще,—уговаривалъ Матвѣй Гаврилычъ.

— Некогда разгащиваться-то: нужно, пока время есть, лѣсъ готовить да срубы рубить. Весна придетъ,—другія дѣла будутъ.

Тогда Олёна Григорьевна стала просить, чтобы оставили хоть Машку.

Машку оставили, и ея праздники растянулись дольше, чѣмъ у большихъ.

XXIX.

Съ Новаго года пошли ясные дни. Солнце заливало снѣжныя поляны, и онѣ горѣли такъ, что, глядя на нихъ, становилось больно глазамъ. Дышалось очень легко, и дѣвочки съ утра выходили изъ дома, бѣгали около сарая, выходили на дорогу и подходили къ англійской фермѣ. Тогда къ нимъ выходили Мэри и Эмма съ Бобомъ, и они или катались на лыжахъ или играли въ снѣжки. По вечерамъ Машка играла какъ-нибудь съ Настей и Сёмкой. Дни проходили незамѣтно. Незамѣтно, какъ подошло Крещеніе. Послѣ Крещенія Настя опять стала ходить въ школу, и Машкѣ одной стало скучно. Ей взгрустнулось и по своимъ. Она стала думать, когда теперь отвезутъ ее домой. Одинъ разъ, послѣ обѣда, Машка вышла на крыльцо и хотѣла пройти подъ навѣсъ, какъ вдругъ она увидѣла, что во дворъ вошли отецъ съ Васей. Они поставили лыжи у крыльца, обили ноги и направились въ домъ. Машка со всѣхъ ногъ бросилась къ отцу, но онъ довольно холодно поздоровался съ нею, непривѣтно обошелся съ Машкой и Вася. Машка встревожилась и пошла за ними въ домъ.

Михайло и Вася вошли въ домъ, поздоровались съ хозяевами, усѣлись въ первой половинѣ на скамейкѣ. Хозяева не ждали ихъ прихода и, какъ Машка, чувствовали, что у нихъ что-нибудь случилось.

Матвѣй Гаврилычъ посмотрѣлъ сначала на одного, потомъ на другого и сталъ разспрашивать:

— Ну, какъ тамъ поживаете?

— Да жили, кажись, хорошо, а выходитъ, какъ будто, и не хорошо,—отвѣтилъ Михайло.—Надоѣло такъ жить.

— Кому надоѣло?—спросилъ Матвѣй Гаврилычъ.

— Вотъ этому молодцу. Говоритъ,—будетъ, нажился.

— Что жъ такъ?—обратился Матвѣй Гаврилычъ къ Васѣ.

Вася покраснѣлъ, и взглядъ у него сталъ нетвердымъ, точно онъ считалъ себя чѣмъ виноватымъ.

— Да, будетъ, нажился,—отвѣтилъ онъ и поежился.—Не могу я на фермѣ сидѣть,—не такой я человѣкъ. Не по мнѣ эта работа, не въ силахъ я.

— А какъ же вы говорили: „гдѣ ни сѣсть, такъ сѣсть"?—напомнилъ ему Матвѣй Гаврилычъ.

— Я не то думалъ. Я думалъ, у меня больше пороху.

— Куда жъ вы теперь надумали?

— Подвинусь поближе къ Калифорніи. Попробую тамъ своего счастья. Выйдетъ удача—хорошо, а не выйдетъ,—видно, гдѣ ни на есть, пропадать.

— Когда же вы думаете отправиться?

— Я сейчасъ готовъ, только у меня денегъ нѣтъ. Я вотъ прошу за работу мнѣ заплатить, а онъ упирается. Вѣдь я ему не мало помогъ.

— Сколько жъ вы хотите?

— Сколько здѣсь платятъ. Мнѣ говорятъ, за это время самое дешевое нужно двадцать долларовъ получить. Вотъ я и прошу двадцать долларовъ.

Теперь взволновался Михайло. Онъ въ свою очередь покраснѣлъ, заговорилъ онъ несвязно.

— Двадцать долларовъ! — это легко сказать. Какъ я могу сейчасъ такія деньги изъ рукъ выпустить? Нешь я думалъ съ тобой сейчасъ расплачиваться? Я думалъ, — ты съ нами годъ проживешь. Мы тогда урожай получили бы, я съ тобой расплатился бы. А теперь я тебѣ изъ чего возьму?

— Тогда бы тебѣ за годъ пришлось заплатить, а теперь всего за три мѣсяца. Я и теперь тебѣ помогъ не мало. Главное дѣло, наладилъ на участкѣ, укрѣпилъ, теперь тебѣ одному легко можно справиться.

У Васи загорѣлись глаза, и голосъ сталъ не тотъ, которымъ онъ говорилъ обыкновенно. Машка взглянула на отца— и отецъ ужъ былъ не тотъ, и ей стало жутко.

— Я думалъ, ты набивался-то къ намъ на пользу, а выходитъ не польза, а раззоръ,—жаловался отецъ.

— Небось, не разоришься.

— Я бы твою работу-то съ бабой сдѣлалъ.

— Съ бабой впередъ наработаешься.

— Тутъ перекоряться нечего,—сказалъ, вздыхая, Матвѣй Гаврилычъ,— нужно миролюбиво покончить. Пойдемъ-ка мы съ тобой потолкуемъ,— сказалъ онъ Михайлѣ, и они пошли въ другую половину.

Вася, оставшись одинъ, сейчасъ же закурилъ трубку. Онъ курилъ, никого не замѣчая, и напустилъ полную комнату дыму.

Машка стояла все время, не шевельнувшись. Вдругъ дверь изъ той половины отворилась, и отецъ съ Матвѣемъ Гаврилычемъ вышли опять въ эту комнату. Матвѣй Гаврилычъ сказалъ:

— Ну вотъ что. Чтобы было не обидно ни ему, ни вамъ, онъ вамъ заплатитъ пятнадцать долларовъ. Это будетъ по совѣсти, а больше не за что, вы ужъ повѣрьте.

Вася долго молчалъ, привалившись къ стѣнѣ, и не ворочалъ головы. Потомъ онъ повернулъ голову въ сторону Матвѣя Гаврилыча и тихо сказалъ:

— Хорошо, я согласенъ.

Тогда всѣ встали и пошли въ другую половину. Начался разговоръ о другомъ. Олёна Григорьевна захлопотала съ обѣдомъ. Послѣ обѣда Матвѣй Гаврилычъ запрягъ лошадь, чтобы отвезти всѣхъ домой.

Когда пріѣхали домой, Машка очень обрадовалась и матери съ Сёмкой и своей землянкѣ. Но Вася былъ грустный, мало разговорчивый, рано легъ спать и рано всталъ утромъ. И, когда напились чаю, Вася собралъ свое добро въ мѣшокъ, подпоясался, закинулъ мѣшокъ за спину и сталъ прощаться. Прощаніе было сдержанное, но Машка замѣтила, что Вася прослезился. Тогда и Машка всхлипнула. Вася быстро повернулся и вышелъ изъ землянки. За дверью онъ взялъ въ руки приготовленную раньше палку, сталъ на лыжи и быстро зашагалъ по направленію къ городку.

XXX.

Съ этихъ поръ Подаркины зажили одни своей семьей. Жизнь у нихъ пошла трудная. Мать часто уходила на помощь отцу въ лѣсъ, гдѣ отецъ заготовлялъ матеріалъ на избу и дворъ, и подолгу не возвращалась, и Машка оставалась въ землянкѣ съ Сёмкой одна. Сёмка лѣзъ въ огонь, хваталъ горячіе уголья

и обжигалъ руки. Машка не пускала его. Тогда Сёмка капризничалъ и отбивался. Машкѣ нерѣдко приходилось плакать съ нимъ. Когда въ землянку возвращалась мать, она жаловалась на братишку.

— Ты что же, песъ,—ругала его мать и давала ему шлепки.

Сёмка тогда плакалъ другимъ голосомъ, и Машкѣ становилось жалко Сёмку.

Часто, сидя въ землянкѣ, Машка въ сотый разъ вспоминала свою родную деревню, улицу, катанье на леднѣ, суетню ребятишекъ и дѣвчонокъ. Передъ ней по очереди вставали ея подруги. Вотъ онѣ веселыя, съ разгорѣвшимися щеками, выстраиваютъ въ гусекъ на горѣ ледни. Впереди кто-нибудь изъ ребятъ на скамейкѣ. Всѣ усаживаются, распихиваются ногами и съ крикомъ и визгомъ летятъ по дорогѣ подъ гору. Ледни и салазки идутъ чѣмъ дальше, тѣмъ шибче, у ребятищекъ захватываетъ духъ. Вдругъ передняя скамейка на что-то наскакиваетъ, подпрыгиваетъ, и сѣдокъ летитъ на дорогу, за него зацѣпляется слѣдующій и тоже падаетъ, за другимъ третій, и вскорѣ весь поѣздъ превращается въ кучу, изъ которой слышится визгъ и крикъ на всю деревню.

А въ избахъ свѣтятся огни. Тамъ тепло и уютно. Гдѣ-нибудь собралась молодежь, поетъ и пляшетъ, а то у кого-нибудь разсказываютъ сказки. А здѣсь ничего этого нѣтъ и не будетъ. И когда Машка представляла, что этого здѣсь никогда не будетъ, ей такъ становилось тоскливо, что слезы подступали къ горлу, и она взрыдывала. Однажды, когда Машка такъ расплакалась, вошла Татьяна. Она стала спрашивать, о чемъ плачетъ дѣвочка. Машка не говорила. Тогда Татьяна сама догадалась, отчего дѣвочка плачетъ, и расплакалась въ свою очередь. Пришелъ Михайло, взглянулъ на нихъ, ни слова не говоря бросилъ подъ нары топоръ и быстро вышелъ изъ землянки. Онъ долго не приходилъ послѣ этого, а когда пришелъ, то у него были красные глаза.

Когда легли спать, Машка слышала, какъ отецъ тихо, но внушительно говорилъ матери:

— Нешто такъ все и будетъ? Погоди, и мы выйдемъ на чередъ. Вонъ Матвѣй Гаврилычъ на какой жизни,—и мы на такую найдемъ.

— Когда это будетъ-то?

— Когда-нибудь да будетъ. Сложа руки сидѣть не станемъ, также и воробьевъ ловить. Лѣсу наготовили, возьмемъ у Матвѣя

Гаврилыча лошадь, подвеземъ и будемъ струбы рубить. До весны все срублю и избу и пристройку, а что не одолѣю, лѣтомъ въ свободное время докончу.

— Тутъ, пока заводимся, изведемся.

— Ну, Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ. Вотъ весна начнется, повеселѣй будетъ,—станемъ садить да сѣять. Если уродится за лѣто, то все горе забудешь. Може, не вспомнишь то, отъ чего убѣжали.

— Убѣжали отъ волка, попали на медвѣдя.

— Гдѣ онъ, медвѣдь-то? У кого у нашихъ бабъ такая жизнь, какъ у Олёны Григорьевны? А у насъ такъ будетъ, вотъ погляди!

И долго шелъ этотъ разговоръ. Машка не дождалась его конца и заснула.

XXXI.

Дни стали замѣтно прибавляться, но холода стали крѣпкіе. Въ землянкѣ постоянно приходилось поддерживать огонь. Въ одно утро проснулась Машка и съ удивленіемъ увидала, что мать сидитъ на обрубкѣ около огня и держитъ на рукахъ Сёмку. Сёмка лежалъ закрывши глаза, и не то хныкалъ, не то стоналъ. Посреди землянки стоялъ отецъ. Лицо у него было печальное, взглядъ тревожный.

— Мама, что это?—спросила Машка.

— Сёмка захворалъ.

— Какъ захворалъ?

— Да вотъ рветъ его, въ огнѣ весь и глазъ не открываетъ.

— Отчего это онъ?

— А кто жъ его знаетъ.

— Сёмушка, миленькій,—заплакала Машка,—голубчикъ мой!

— Похнычь еще ты!—сердито крикнулъ на Машку отецъ.

Машка прикусила языкъ и, сдерживая слезы, подошла къ матери, прижалась къ ней бокомъ и стала глядѣть на Сёмку. Сёмка вытянулся и лежалъ, тяжело налегая матери на руки. Вѣки у него припухли, и ему, должно быть, трудно было открыть глаза. Дышалъ онъ съ усиліемъ. Мать нѣсколько разъ нагибалась къ нему и начинала съ нимъ говорить, но Сёмка отъ этого только сильнѣе стоналъ.

— Поди ко мнѣ, я тебя подержу,—сказалъ Михайло, но Сёмка только шевельнулъ головой.

Михайло все-таки взялъ мальчика на руки, а Татьяна перетрясла ему на нарахъ постель и положила его туда. Сёмка не открывалъ глазъ и все продолжалъ охать. Отецъ повернулся и вышелъ вонъ изъ землянки. Мать присѣла около мальчика и проговорила:

— Чѣмъ мнѣ тебѣ помочь, къ кому кинуться? Дома хоть въ больницу тебя свезли бъ, а здѣсь куда податься?

Мальчикъ громко застоналъ и попросилъ пить. Мать подала ему чайникъ съ холоднымъ кипяткомъ. Сёмка раза три жадно глотнулъ воду, потомъ опять откинулся на подушку, и его охватила дрёма.

Пока мать варила обѣдъ, около Сёмки сидѣла Машка, потомъ опять мать. Послѣ обѣда около мальчика прилегъ отецъ. Мальчикъ лежалъ не открывая глазъ, и иногда его пробирала дрожь, иногда охватывалъ жаръ. Такъ продолжалось до самой ночи. На другой день мальчику стало хуже, на третій еще хуже. На четвертое утро Машка почувствовала, что ее кто-то толкаетъ, въ это же время слышится материнъ голосъ:

— Машка! а, Машка!

— Что?

— Проснись, Сёмка отходитъ.

Машка прежде всего взглянула въ лицо матери. Оно страшно похудѣло за эти дни, а глаза опухли. Она перевела взглядъ на Сёмку. Мальчикъ былъ не похожъ на себя. Бѣлое, какъ восковое, лицо его опало, на щекахъ появились какія-то синія жилки, губы обметало, шея стала тонкая. Машкѣ сразу это бросилось въ глаза. Еще она замѣтила, что онъ очень рѣдко дышитъ, при этомъ грудь его высоко поднимается, и дыханье вылетаетъ со свистомъ.

— Мамка, неужели онъ помретъ?

— Ужъ помираетъ.

— Сёмушка, миленькій!—какъ и въ первый день, завыла Машка.

У матери тоже покатились слезы. Отецъ стоялъ у другого бока, и лицо у него было какъ деревянное.

Сёмка съ каждымъ разомъ затягивалъ дыханіе. Вдругъ онъ какъ-то вытянулся, закинулъ голову, поднялъ грудь, потомъ все опустилось, и онъ уже больше не дышалъ. Прошло нѣсколько минутъ, Сёмка оставался неподвижнымъ. Мать подошла и стала закрывать мальчику глаза. Отецъ перекрестился три раза и глухо всхлипнулъ.

Въ землянкѣ началось новое дѣло. Мать достала изъ сундука домотканную холстину и стала шить мальчику саванъ. А отецъ раскололъ толстый еловый чуракъ и началъ долбить домовину.

Саванъ и домовина были готовы къ вечеру. Сёмку обмыли и положили въ гробъ. Онъ вытянулся и сталъ такой большой. Къ тому же онъ очень измѣнился въ лицѣ. Машка совсѣмъ не признавала его. Ей думалось, что въ гробу лежитъ кто-то другой, а Сёмка просто ушелъ куда-нибудь и вотъ-вотъ придетъ. Слѣдующій день отецъ рылъ могилку. Онъ вырылъ ее у опушки лѣса на пригоркѣ, на восточной сторонѣ. Ему хотѣлось, чтобы солнце при восходѣ первымъ дѣломъ освѣщало его могилку. Когда могилка была вырыта, отецъ взглянулъ внутрь ея и проговорилъ:

— Ну, мать сыра земля, принимай отъ насъ нашу кровь. Это кровь родная наша, и ты, смотри, будь намъ родной. Пусть она плотнѣе насъ сплетаетъ и чтобы была эта связка навсегда.

Когда они вернулись въ землянку, мать подошла къ гробику, сѣла на скамейку и, опустивъ голову на руки, завыла въ голосъ. Она плакала протяжно, и въ причитаньяхъ ея выливалась та тоска по родной сторонѣ, по кровнымъ людямъ, чѣмъ она мучилась все время. Еще она жаловалась, что „положатъ они свое дѣтище въ сыру землю безъ церковнаго пѣнія, не зазвонятъ по немъ въ гулки-мѣдны колокола, не засвѣтятъ Божьей свѣчечки, не закурится надъ покойничкомъ сизъ-душистъ ладонъ, положатъ его въ могилу какъ колодину, и не найдетъ его ангелъ Божій, какъ настанетъ святой страшный судъ“.

На слѣдующій день приступили къ похоронамъ Сёмки. Отецъ съ матерью помолились на икону, потомъ поклонились гробику и стали цѣловать покойника. Машка не видала свѣту отъ слезъ, и ее поддерживали подъ руки. Когда съ мальчикомъ простились, отецъ покрылъ гробикъ крышкой и сталъ забивать ее гвоздями. Потомъ отецъ поднялъ его на руки и понесъ его отъ землянки. У могилки опять помолились и стали опускать гробикъ въ землю. Гробикъ ровно установился на дно могилки. Отецъ съ матерью стали засыпать его землей. Дѣлали они это медленно. Имъ, видимо, хотѣлось напослѣдки подольше не разлучаться съ мальчикомъ. Но вотъ могила была засыпана, холмъ утоптанъ, и Подаркины

пошли домой. Мать сейчасъ же легла на нары и пролежала весь день.

— Ты еще свались,—сказалъ Татьянѣ Михайло.

— И свалишься. Нешь это легко перенесть-то?

— Мало что не легко,—и на своей сторонѣ померъ бы.

— Тамъ-то онъ померъ, а може нѣтъ. Може, онъ отъ того и померъ, что на чужой землѣ.

— Это Божье дѣло, мы на это роптать не должны.

XXXII.

Время шло все ближе и ближе къ веснѣ. Михайло вывезъ на поляну, какъ собирался, матеріалъ изъ лѣса и выводилъ второй срубъ. Татьяна помогала ему ворочать деревья, поэтому работа шла усиленно. Пока лежалъ снѣгъ, онъ хотѣлъ срубить еще два угольника на дворъ и потомъ ужъ приниматься за земледѣльческія работы.

Наступилъ мартъ. Матвѣй Гаврилычъ предупредилъ Михайлу, что, когда здѣсь станетъ таять снѣгъ, то пойдетъ большое водополье. Долго не бываетъ ни проходу ни проѣзду, поэтому нужно всѣмъ запастись по зимней дорогѣ. Михайло бросилъ плотничать и сталъ запасать сѣмянъ, хлѣба, другой провизіи и потратилъ на покупки все, что у него оставалось денегъ, а еще нужно было покупать лошадей, плугъ, фургонъ и борону. Безъ нихъ здѣсь нечего было дѣлать. Михайло вдругъ пригрустнулъ, но его утѣшилъ Матвѣй Гаврилычъ. Онъ сказалъ, что лошадей и орудія для посѣва онъ возьметъ у него, а харчи и еще, что понадобится лѣтомъ, можно брать въ городкѣ въ долгъ. Американцы охотно вѣрятъ тѣмъ, кто заводитъ новое хозяйство.

Весна все приближалась, небо становилось ясное, и солнце, поднимаясь надъ лѣсомъ, плавило снѣгъ,—и снѣгъ въ три дня сталъ рыхлый какъ каша, и гдѣ ни ступишь, подъ нимъ была вода. Надъ низиной собирался туманъ. Особенно густой туманъ стоялъ на ихъ участкѣ, надъ болотомъ. Машка почти и не выходила изъ землянки, а когда вышла и поглядѣла кругомъ, то увидала вмѣсто болота цѣлое озеро. Поляны всѣ оголились, и на нихъ сейчасъ же выступили острыя иголочки молодой травы. Появились какіе-то цвѣточки, а между деревьевъ чирикали птички. Дышалось свободнѣй и ужъ не

хотѣлось возвращаться въ землянку, гдѣ теперь было особенно душно.

Дни шли за днями. Снѣгъ таялъ даже между деревьями. Въ низинахъ все больше и больше скапливалось воды, во всѣхъ мѣстахъ она блестѣла огромными стальными пятнами. Земля разступалась, и по дорогѣ прекратилось всякое сообщеніе. Цѣлыми днями тутъ не видно было ни души. Но вотъ земля стала понемногу крѣпнуть. Около срубовъ можно было свободно ходить. По дорогѣ проѣхали верхами два индѣйца, и хотя лошади ихъ вязли въ грязи по щетку, но они бодро сидѣли на нихъ. Отецъ сказалъ матери:

— Давай пока подъ огородъ вскопаемъ.

— Пожалуй,—согласилась Татьяна.

Они взяли лопаты, пошли къ лѣсочку, и, начиная отъ Сёмкиной могилы, стали копать землю. Лопата шла въ землю свободно. Они выкидывали огромные рыхлые комья темнобурой земли и сейчасъ же разбивали ее. Комья разсыпались подъ лопатой. Михайло проговорилъ:

— Не земля, а малина! Гляди-ка, какъ сдобная лепешка!

— Еще ничего неизвѣстно,—може, она ничего не уродитъ.

— Эта-то не уродитъ? Что же тогда уродитъ, какъ не это?

За день они взрыли порядочную площадку. Михайло сказалъ:

— А не сдѣлать ли тебѣ гряды завтра, а я еще порою?

— Ну что жъ, ладно.

Съ другого утра мать стала обрывать гряды, а отецъ все копалъ и копалъ.

Во время копки онъ снималъ одежину, шапку, по лицу у него струился потъ, но онъ былъ веселъ и все приговаривалъ:

— Что за земля, до глины не достанешь!

А мать дѣлала гряды, обивала имъ бока. Когда гряды были сдѣланы, въ нихъ посѣяли разсады, луку, ранней рѣдьки и рѣпы, а на одной грядѣ мать рѣшила посадить картофель.

— Може, приживется, если приживется, скорѣй поспѣетъ.

Въ первую же ночь, когда гряды были посѣяны, случился морозъ. Подаркины поняли, что безъ покрыши на ночь гряды нельзя оставлять, и дали Машкѣ работу. Она должна была таскать еловые сучья, чтобы укрыть гряды отъ ночныхъ холодовъ. Кромѣ мороза, грядамъ стала угрожать разная птица. Пришлось и объ этомъ позаботиться.

Прошло еще дней десять, къ Подаркинымъ пріѣхалъ Матвѣй Гаврилычъ въ фургонѣ на парѣ, съ плугомъ и желѣзной бороной. Онъ сказалъ, что вспахалъ свое поле, а сѣять нужно подождать, у него земля старопашка, а старопашки можно сѣять позже. Цѣлину же нужно сѣять раньше. Онъ оставилъ лошадей и орудія Михайлѣ, а самъ ушелъ домой пѣшкомъ.

Михайло запахалъ. Онъ самъ шелъ за плугомъ, Машка вела лошадей, а мать оправляла пласты. Пласты на залуженыхъ мѣстахъ, гдѣ были кустики, иногда становились кобыромъ, и ихъ нужно было притаптывать. Отецъ, какъ и на огородѣ, то и дѣло говорилъ:

— Нѣтъ, какая земля-то! Поглядите-ка, какая земля-то!

А перевернутая земля, словно радуясь тому, что ее вывернули на свѣтъ Божій, весело блестѣла на солнцѣ, улыбаясь ему, и, глядя на этотъ блескъ, становилось веселѣе и Татьянѣ и Машкѣ.

XXXIII.

Всего распахалъ Михайло четыре десятины и засѣялъ ихъ льномъ, овсомъ, ячменемъ и яровой пшеницей. Попозже онъ хотѣлъ приготовить десятины двѣ подъ озими, а пока онъ думалъ приступить къ сборкѣ дома. Онъ вырылъ ямы и уставилъ пни подъ углы, все вывѣрилъ, натаскалъ изъ болота моху и высушилъ его. И въ одно воскресенье къ нимъ опять пріѣхали Матвѣй Гаврилычъ, Олёна Григорьевна, пришли два поденщика изъ городка, и они стали сбирать срубы, и въ одинъ день выросло два высокихъ ствола, замшенные, съ мѣстами для оконъ и дверей. Огорокъ измѣнилъ свой видъ, а землянка стала казаться ниже и такою жалкою, невзглядною. Отецъ поглядѣлъ на нее и сказалъ:

— Ну, погоди, мы изъ тебя погребъ сдѣлаемъ.

Отецъ и Матвѣй Гаврилычъ сидѣли наверху сруба и прилаживали закладныя слеги. Вдругъ Михайло оглянулся въ ту сторону, гдѣ былъ второй участокъ, и замѣтилъ, какъ на полянѣ кто-то копошится. Видно было нѣсколько человѣкъ; они что-то устраивали. Михайло указалъ на нихъ Матвѣю Гаврилычу. Земляки приглядѣлись и разобрали, что тамъ строятъ шалашъ. Матвѣй Гаврилычъ улыбнулся и проговорилъ:

— Ну, вотъ вамъ Богъ сосѣдей послалъ. Занимаютъ и

этотъ участокъ. Гдѣ же они до сихъ поръ были, ужъ люди посѣялись.

— Вѣрно бѣдные,—може, въ эмигрантской перебивались, а то работали гдѣ.

Татьяна съ Олёной Григорьевной приготовили обѣдъ. Собрали обѣдъ около землянки. Съ одного конца сѣли поденщики, которые говорили только между собой, а съ другого конца Матвѣй Гаврилычъ съ Михайлой. Такъ какъ столъ былъ небольшой, женщины рѣшили послѣ поѣсть.

Только принялись за ѣду, какъ изъ кустовъ вышли два человѣка: одинъ коренастый съ загорѣлымъ лицомъ и большими усами, другой молодой, тонкій и бѣлокурый. Одѣты они были ни по-русски, ни по-англійски, а какъ-то по-особому: въ вышитыя рубашки, короткія куртки и широкія шаровары. Первый снялъ узкую кругленькую шапочку и проговорилъ хотя не по-русски, но понятно:

— Вы будете братушки, мы единой племя съ вамъ.

— Добро жаловать!—сказалъ отецъ.

Съ нимъ сейчасъ же заговорилъ Матвѣй Гаврилычъ. Онъ узналъ, что это болгары. Когда онъ работалъ въ Одессѣ, онъ многихъ узналъ изъ ихъ племени.

Они разсказали, что они одна семья. Они заняли сосѣдній участокъ и будутъ строиться на немъ. У нихъ есть бабы и дѣти: двѣ дѣвочки и мальчикъ. Пришли они, чтобы спознаться. Когда они ушли, Матвѣй Гаврилычъ сказалъ:

— Вотъ вамъ и сосѣди, все поохотнѣй будетъ.

Мать и отецъ ничего не сказали, но видно было, что они соглашались съ нимъ.

XXXIV.

Когда Подаркины остались одни, отецъ долго еще ходилъ кругомъ срубовъ, глядѣлъ то сбоку, то вверхъ и все что-то соображалъ. На утро они съ матерью приступили къ сборкѣ верха. Верхъ былъ собранъ. Постройка стала походить на совсѣмъ спитую одежину, къ которой только не приставлены рукава. Посѣвы взошли дружно и шли очень хорошо, а на огородѣ такъ росло буйно, что лѣзло съ грядъ долой. Одно было нехорошо, что на зелень поваливалась мошкара, слизняки, и ихъ нужно было собирать. Подаркины давно ѣли свѣжій лукъ и рѣдьку, и у нихъ зацвѣтала картошка, и шли въ папку огурцы.

Отецъ опять привелъ лошадей отъ Матвѣя Гаврилыча и сталъ раздѣлывать землю подъ озимь.

Болгары тоже раздѣлывали свой участокъ. Они нанимали и лошадей и орудія въ городкѣ. Къ Машкѣ прибѣгали ихъ дѣвочки Васса и Елена и мальчикъ Митро. Васса была коренастая, весноватая съ большими сѣрыми глазами, Елена — поменьше, круглолицая, черноглазая, любительница смѣяться, Митро былъ худенькій, черненькій, задумчивый. Онъ все былъ въ сторонѣ. Они играли вмѣстѣ, ходили въ лѣсъ за первыми грибами, приглядывали, гдѣ цвѣло много ягоды, чтобы, когда поспѣетъ, ходить за нею. Объяснялись они съ трудомъ, но съ каждымъ разомъ все больше понимали другъ друга.

А между тѣмъ поспѣла трава. Въ концѣ десятинъ и по опушкѣ лѣса она выросла такъ обильно и была такая сочная и шелковистая, что отецъ думалъ: кормъ выйдетъ изъ нея первый сортъ, только во́-время убрать бы. Но у нихъ не было косъ, и отецъ собрался въ городокъ, чтобы взять ихъ у аглика въ долгъ. Мать наказала ему принести кое-что изъ провизіи. Отецъ пошелъ, но когда онъ вернулся, его нельзя было узнать. Онъ принесъ какую-то бумажку. Эту бумажку ему дали въ постъ-офисѣ [1]). Въ ней было написано его имя, и говорилось про какія-то деньги. „Вѐри мачъ монэй“. Но откуда эти деньги, за что деньги, Михайло никакъ не могъ добиться.

— За землю съ насъ не спрашиваютъ ли или, може, подати?—догадывалась Татьяна.

— Ничего не знаю, не понялъ,—говорилъ отецъ,—придется къ Матвѣю Гаврилычу обратиться.

На другой день Михайло пошелъ къ Матвѣю Гаврилычу и вернулся еще больше возбужденнымъ. Но теперь въ его глазахъ сквозила радость. Бумажка оказалась извѣщеніемъ изъ банка, гдѣ говорилось, что имъ прислано денегъ триста долларовъ.

— Откуда жъ эти деньги?—спросила Татьяна.

— И придумать не могу.

— Може, не намъ это?

— Намъ, ясно сказано: мистеру Михаилу Подаркину, гомстедъ нашего нумера.

— Кто же намъ пришлетъ-то такія деньги?

— Матвѣй Гаврилычъ совѣтовалъ еще въ постъ-офисъ сходить, може, тамъ письмо есть.

---

[1]) Постъ-офисъ—почта.

Эту ночь Подаркины плохо спали, проснулись всѣ рано. Отецъ кое-какъ позавтракалъ и опять пошелъ въ городокъ. Вернулся онъ къ обѣду. Онъ былъ не похожъ на себя, такъ онъ посвѣжѣлъ и помолодѣлъ отъ радости. Только онъ вошелъ въ землянку, какъ воскликнулъ:

— Знаешь, кто намъ деньги прислалъ?

— Кто?

— Вася.

— Да что ты!

— Ей Богу, вотъ письмо получилъ.

— Да гдѣ жъ онъ взялъ-то?

— А вотъ послушай, гдѣ.

И отецъ сѣлъ рядомъ съ матерью, досталъ изъ кармана письмо и сталъ читать. Въ письмѣ Вася писалъ, что онъ въ счастливый часъ вышелъ отъ нихъ.

Онъ добрался до Калифорніи, потомъ на золотыя розсыпи, и ему такъ посчастливилось, что онъ черезъ мѣсяцъ нашелъ золотую жилу, и онъ теперь богатый человѣкъ. Онъ посылаетъ имъ деньги въ благодарность за то, что у нихъ онъ заработалъ на дорогу, съ чѣмъ и попалъ на такую линію.

— Вотъ вѣдь какая удача!—порадовалась Татьяна.

— Богъ его тогда нанесъ на насъ,—проговорилъ Михайло.— Теперь мы такъ поправимся, какъ и не думалось.

XXXV.

Осенью, когда начались морозы, Подаркины жили въ теплой избѣ. Въ окна были вставлены двойныя рамы, была складена печка, было тепло, свѣтло и просторно. Другой срубъ былъ тоже покрытъ, окна застеклены, и въ немъ стояли мѣшки съ сѣменами, материны сундуки, сбруя. Къ срубамъ примыкалъ дворъ. Во дворѣ жевали сѣно двѣ лошади и одна корова, а около воротъ блестѣлъ новый зеленый фургонъ на желѣзномъ ходу и плугъ съ боронами, а за воротами, подъ навѣсомъ стояли сани. Немного поодоль отъ стройки возвышался бурый стогъ волокнистаго сѣна и золотистый ометъ яровой соломы. Землянка была завалена рѣпой, картофелемъ, свеклой. Крыша ея была укрыта сѣномъ и сучьями, чтобы не промерзнуть. У опушки лѣска, за огородомъ, все такъ же возвышался холмикъ Сёмкиной могилки, но онъ обросъ травою, и на немъ

красовался бѣлый желѣзный крестъ, купленный отцомъ въ городкѣ.

Приближалась зима. Листья уже облетѣли съ деревьевъ, и каждый день дулъ вѣтеръ. Въ то же время сіяло и солнце. Отъ этого было какъ-то легко на душѣ, и Михайло ходилъ веселый. Машка раздобрѣла, выросла. На ней было бумазейное платье, толстые англійскіе чулки и башмаки со шнурками. Въ избѣ у ней былъ свой уголъ, столикъ, и она вмѣстѣ съ болгарками собиралась ходить въ школу въ городокъ.

Молодой индѣецъ.

Въ воскресенье пришелъ старый болгаринъ и сказалъ, что съ завтрашняго дня онъ можетъ отпустить своихъ дѣвочекъ въ школу. Пока нѣтъ снѣгу, онѣ будутъ ходить пѣшкомъ, а когда будетъ снѣгъ, тогда пройдутъ на лыжахъ, а когда и доѣдутъ на лошади.

— Конечно,—согласился Михайло,—лошадь можетъ постоять тамъ у торговца, если намъ некому будетъ ѣхать съ ними.

— И то добро, и то добро,—согласился болгаринъ.

Когда болгаринъ ушелъ, отецъ обратился къ Машкѣ и сказалъ:

— Ну, Домашка, отсидѣла ты дома, отгуляла безъ заботы, пора становиться на путь.

Машка, улыбаясь, потупилась. Вдругъ мать, что стояла въ углу, у печки, всхлипнула и поднесла къ лицу фартукъ.

— Это что такое?—спросилъ удивленно Михайло, и долго недоумѣвая, глядѣлъ на мать.

— Велика радость, подумаешь,—всхлипывая, говорила Татьяна,—учиться не знамо чему. Кто ее будетъ понимать, когда она тамъ выучится-то, только отъ своего родного отстанетъ.

— Зачѣмъ же она отстанетъ?

— Будетъ по-бараньи лопотать, вотъ и разучится. У ней не двѣ головы на плечахъ, забьетъ ее чужимъ-то, а на свое и силы не хватитъ.

— А можетъ-быть, намъ это не чужое станетъ, а новое, родное?

— Никогда этого не будетъ! Все чужое! Не будетъ намъ тутъ ни покою, ни радости!..—вскрикнула Татьяна и залилась рѣкой.

— Вотъ тебѣ на!—воскликнулъ Михайло и поблѣднѣлъ.— Стало-быть, ты и глазамъ своимъ вѣрить не хочешь, сердцемъ понять не можешь?

— Нечего тутъ понимать!

— Какъ нечего? Да ты видѣла когда на своихъ полосахъ такой хлѣбъ, какой уродился у насъ? А льну набиралъ у насъ кто столько, сколько мы набрали? А огородъ тебѣ столько давалъ? Мы вотъ сколько одного зерна продали и каждый годъ будемъ продавать.

— А великъ ли толкъ въ этомъ, когда здѣсь живой души нѣтъ, съ кѣмъ слово сказать, не на кого поглядѣть, какъ кто радуется, кто горе мычитъ. Вѣдь здѣсь оглохнешь, не доживя вѣку.

— Какъ же другіе не глохнутъ?

— А мы видимъ другихъ-то? Мы никого не видимъ и видѣть некого. До земляковъ восемнадцать верстъ, всегда туда не уѣздишь, а съ болгарами этими нешь наговоришься, у нихъ понятное слово-то черезъ пято на десято. Ты уйдешь, дѣвочка уйдетъ, а я одна въ стѣнахъ останусь, какъ въ тюрьмѣ.

— Глупы вы, бабы!

— А вы вотъ умны. Ты идешь по своей линіи, а о другихъ-то не понимаешь. Тебѣ можно тамъ за плугомъ-то, али когда съ топоромъ, ты и думку думаешь и пѣсню поешь. Просторно! А у меня хоть бы Сёмка былъ живъ!

— Неужели ты назадъ поѣхала бъ?

— Да хоть сейчасъ, сей минутой соберусь, и ничего мнѣ этого не нужно, ничего не жалко. Все это мнѣ не дорого. На родимой сторонѣ съ сумой стану ходить и то радости больше.

Татьяна разревѣлась, къ ней присоединилась и Машка. Думка, что она завтра пойдетъ въ школу, вылетѣла у нея изъ головы, и она вся прониклась материнскимъ чувствомъ. И ей тоже все, что теперь окружало ихъ, показалось такимъ чуждымъ, такимъ ненужнымъ.

Михайло, озадаченный, подсѣлъ къ столу и сидѣлъ молча, погрузившись въ горькую думу. Онъ надѣялся, что червь, завязавшійся внутри бабы, замретъ, а, оказывается, онъ живъ еще, и его едва ли какъ скоро выведешь.

XXXVI.

Машка все-таки отправилась на другой день съ болгарками въ школу. Въ школѣ была молодая учительница, съ взбитыми наверхъ волосами и такими здоровыми зубами, что губы не сходились, и у ней всегда былъ нараспашку ротъ. Учительница часто смѣялась и весь день вдалбливала новымъ дѣвочкамъ названія англійскихъ буквъ и нѣкоторыя слова. Когда дѣвочки повторяли за ней, она говорила: „вери гудъ“. Когда дѣвочки пошли домой, то Васса сказала, что вѣрно эту учительницу зовутъ „веригудкой“.

Дома Машка поѣла и забралась на печь. Отецъ вошелъ въ избу, поглядѣлъ на дѣвочку и сказалъ:

— Учись прилежнѣй. Какъ поѣдемъ опять въ Россію, ты тогда всѣхъ умнѣе будешь, по-аглицки станешь понимать.

— А нешто мы поѣдемъ опять въ Россію?—спросила Машка, и сердечко у ней сильно забилось.

— Что жъ съ вами подѣлаешь, когда вамъ эта земля не мила. Видно, ваша сестра „гдѣ родилась, тамъ и пригодилась“.

— А когда мы поѣдемъ?

— Это еще не скоро. Вотъ распашемъ побольше, построимся получше, выйдутъ года, когда участокъ совсѣмъ нашъ станетъ, мы его продадимъ, а съ этими деньгами-то и двинемся.

— А наша изба-то цѣла будетъ?

— Наша изба тамъ не наша. Мы гдѣ-нибудь еще себѣ плантъ купимъ, да новую выстроимъ, тамъ ужъ землю рабо-

тать не придется, нешто огородъ. Буду я плотницкіе подряды брать. Все проживемъ жизнь.

— Чего жъ не прожить,—поддержала его мать,—безъ горя проживемъ.

Морозы становились крѣпче, повалилъ снѣгъ, но эти холода Подаркины уже легче переносили, чѣмъ прошлую зиму. Стѣны и печка лучше грѣли ихъ, чѣмъ землянка, и новыя думы подбодривали всѣхъ. Сознаніе, что они здѣсь временно, что придетъ пора, и они опять поѣдутъ на свою сторону, окрыляла мать и Машку. И онѣ, какъ только выходили свободные часы, забирались куда-нибудь въ уголъ и отводили душу загадывая, какъ они отправятся на свою сторону, какъ пріѣдутъ въ свою деревню, какъ опять будутъ жить на ряду съ роднымъ народомъ. И въ этихъ гаданіяхъ у нихъ отогрѣвалась душа, на сердцѣ становилось тепло и радостно, и эта радость передавалась и отцу. Отецъ хотя и считалъ ихъ тягу въ свои мѣста просто блажью, все-таки ему пріятно было слушать ихъ рѣчи, и по лицу его играла довольная улыбка.

Библіотека И. Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества.

Антошка. Повѣсть изъ временъ крѣпостного права. М. Ильиной. Съ рисунками А. Петрова. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Безотвѣтные. Четыре разсказа С. Т. Семенова. Съ рис. К. Лебедева и А. Петрова. Цѣна 30 к., въ папкѣ 45 к.

Война. Разсказъ дяди Жоржа. Переводъ съ франц. Н. Живаго. Съ 11 рисунк. переводчицы. Въ хромолитографирован. обложкѣ. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к., въ перепл. 1 р.

Воздушный шаръ. Разсказъ Сельмы Лагерлёфъ. Со шведскаго переводъ Игельстрома. Съ рисунками. Ц. 12 к., въ папкѣ 25 к.

Герои морскихъ береговъ. Повѣсть О. Хорнъ. Переводъ съ нѣмецкаго Л. и Ж. Караваевыхъ. Со многими рис. Ц. 90 к., въ папкѣ 1 р. 10 к.

Дженъ — пожарная собака. Повѣсть Л. Весельгофтъ. Переводъ съ англ. П. Буланже. Съ рис. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Дождевая волшебница и другія сказки. Т. Шторма, А. Барыковой, И. Брута, Э. Вильденбруха и др. Съ рис. Н. Живаго и др. Обложка въ краскахъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Домой и другіе разсказы. Н. Телешова, Ѳ. Тищенко, А. Серафимовича, С. Семенова, В. Попова, В. Измайлова, Г. Сенкевича, А. Камарской, И. Данилина, Н. Васильковской и др. авторовъ. Съ 15 рисун. К. Лебедева и другихъ художниковъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Дочь кукольнаго комедіанта. Разсказъ Т. Шторма. Съ нѣмец. перевела Е. Б. Съ рисунк. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к.

I. Извозчикъ. II. Подъ Рождество. Два разсказа П. Хлѣбникова. Съ рисунками А. Петрова и др. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Изъ жизни Макарки. Повѣсть С. Семенова. Съ 4 рис. худ. К. Лебедева. Ц. 35 к., въ папкѣ 50 к.

Мальчикъ съ маяка. Повѣсть по Эвереттъ Гринъ. Съ рисунками Н. И. Живаго и др.

Мой отецъ и другіе разсказы. Съ 9 рис. Н. Живаго, К. Лебедева и др. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 80 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 50 к

Министръ на часъ. Разсказъ Фокса. Переводъ съ англійск. П. Буланже. Съ рисунками. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

I. Обидѣли. Разсказъ А. М. Хирьякова. **II. Страничка изъ жизни моего пріятеля Мишки Топтыгина.** Разсказъ В. Ярополова. Съ рисунк. А. Петрова и др. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

I. „Прачкина дѣвчонка". II. „Хабарда". III. Махмудъ. Три разсказа Яхонтова. Съ рисунк. А. Петрова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Разсказы и сказки Л. Н. Толстого. Съ рисунками Е. Бёмъ, Н. Ге, Н. Живаго, А. Кившенко, К. Лебедева, М. Малышева, И. Рѣпина, В. Савицкаго и др. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р.

Рождественская звѣзда. Сборникъ сказокъ и разсказовъ для дѣтей Ч. Диккенса, В. Гюго, Х. Андерсена, Ф. Коппе, Ж. Леметра, П. Лоти, Бретъ-Гарта, Амичиса, В. Дейка и др. Съ 40 рис. Составилъ И. Горбуновъ-Посадовъ. Ц. 1 р. 10 к., въ папкѣ 1 р. 30 к.

Сердце бѣдныхъ. Разсказъ Э. Демольдера. Перев. съ франц. С. Орловскаго. Съ 8 рисун. Кутюрье. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Сестра Бѣленькая и другіе разсказы П. Буланже, М. Горькаго, М. Конопницкой, Г. Моргуна, В. Савихина, Н. Телешова и П. Хотымскаго. Въ хромолитографированной обложкѣ. Съ 12 рис. Н. Живаго, Н. Кившенко, К. Лебедева, И. Рѣпина, Л. Пастернака и др. Обложка въ краскахъ. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.

Сиротка Герти и другіе разсказы В. Гюго, Д. Хиса, А. Комменсъ и др. Въ хромолитографированной обложкѣ. Съ 19 рисунками. Ц. 1 р. въ пап. 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 70 к.

Спасенный. Сборникъ разсказовъ А. Теннисона, В. Гюго, Эркманъ-Шатріана, Ч. Диккенса и др. Съ 32 рис. Ц. 1 р., въ пап. 1 р. 20 к., въ перепл. 1 р. 70 к.

Счастье бѣднагс малыша. Разсказъ К. Дугласъ-Виггинъ. Съ англ. перевела Е. Б. Съ 6-ю рис. Ц. 25 к., въ папкѣ 35 к., въ роскошномъ коленкоровомъ перепл. 70 к.

Три бѣглеца или Веселая рѣчка. Разсказъ К. Дугласъ-Виггинъ. Съ 30 рис. О. Герфордъ. Съ англ. перевела Е. Б. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к., въ перепл. 1 р.

Хижина дяди Тома. Романъ Г. Бичеръ-Стоу. Перев. съ англ. Е. Б. Съ приложеніемъ статьи И. Горбунова-Посадова: **Освободители черныхъ рабовъ.** Съ 80 рис. и портретами. Ц. 1 р. 30 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Черный Красавецъ. Исторія лошади, разсказанная ею самой. А. Сюэль. Съ англ. перевела Е. Б. Съ 25 рис. Ц. 60 к., въ папкѣ 80 к., въ переплетѣ 1 р. 10 к.

Чудный даръ. Сборникъ сказокъ В. Гюго, Лабулэ, Ф. Коппе, Д. Рёскина, Э. Моро и Карменъ Сильвы. Съ 25 рис. Н. Живаго и др. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 50 к.

Чужой и другіе разсказы С. Васюкова, В. Гринченко, И. Наживина, В. Ладыженскаго и Е. Шелеметьевой. Съ 25 рис. Н. Живаго и К. Лебедева. Въ хромолитографированной обложкѣ. Ц. 70 к., въ папкѣ 90 к., въ переп. 1 р. 30 к.

Школьные товарищи. Э. д'Амичиса. Переводъ съ итальян. А. Ульяновой. Съ предислов. И. Горбунова-Посадова. Съ рисун. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к., въ переплетѣ 1 р. 70 к.

Эти книги продаются въ книжномъ магазинѣ „Посредникъ" (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ значительныхъ книжныхъ магазинахъ. Выписывать можно изъ главнаго склада издательства: Москва, Арбатъ, д. Тѣстовыхъ, И. И. Горбунову. Отсюда же высылается по требованію безплатно подробный каталогъ издательства.

Для младшаго и средняго возраста.

Аленькій цвѣточекъ. Сказка С. Аксакова. Въ крашеной обложкѣ и съ черн. рис. въ текстѣ Н. Живаго. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Бѣлочка Чокъ-Чокъ и др. разск. С. Вентцель. Съ 26 рис. Ц. 40 к., въ пап. 60 к.

Гадкій утенокъ. Сказка Андерсена. Въ прочной литографированной обложкѣ. Со многими рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Для маленькихъ. Сборникъ разсказовъ и стихотвореній разныхъ авторовъ. Со множествомъ рисунковъ. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Для маленькихъ людей. Картинки Е. Бёмъ. Около 75 силуэтовъ. Съ разсказами и стихами, собранными Е. Горбуновой и В. Лукьянской. Ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ 1 р. 45 к., въ перепл. 1 р. 80 к.

Дары счастья. Сборникъ сказокъ Андерсена и др. Съ 8 иллюстраціями и литографированной обложкой Н. Живаго. Ц. 40 к., въ папкѣ 60 к.

Другъ за дружкой. Разсказы В. Лукьянской. Въ крашеной обложкѣ, съ 3 крашен. картин. въ текстѣ и 40 черными. Ц. 40 к. въ прочной крашеной обложкѣ, въ папкѣ 60 к.

Дѣдушка Морозъ и др. разсказы для дѣтей А. Ферри (Кедровой). Съ рис. Н. Живаго.

Жизнь и приключенія лягушки-квакушки. Со многими рисунками. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Золотая царевна. Сборникъ сказокъ. Въ крашеной обложкѣ и съ рисунк. въ текстѣ Н. И. Живаго и др. Ц. 25 к., въ папкѣ 50 к.

Когда я была маленькая. Разсказы для дѣтей Л. Станюковичъ. Съ рисунк. Неручева и др. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

Колобокъ и др. народныя русскія сказки. Съ крашенымъ рисунк. на обложкѣ и черными въ текстѣ Е. Бёмъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Лалли и ея щеночекъ Звѣздочка. Сказка А. Пальмъ. Со шведск. Съ 5 больш., въ цѣлую страницу, рис. Ж. Нистромъ. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

Лѣсные звѣри. Текстъ В. Лукьянской. Въ крашеной обложкѣ. Съ 3 крашеными картинками въ текстѣ и 14 черными. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Любимая книжка. (Домашнія животныя.) Текстъ Е. Горбуновой. Въ крашеной обложкѣ. Съ 3 краш. и 14 черн. рис. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

Малымъ ребятамъ. Сборники разсказовъ и стиховъ. Въ шести томахъ. Ц. каждаго томика въ обложкѣ въ краскахъ 15 к., въ папкѣ по 25 к.

Маленькіе американцы Ф. Паркера. Переводъ съ англійскаго Л. и Ж. Караваевыхъ. Со многими рисунками. Ц. 45 к., въ папкѣ 65 к.

Морозко и др. народныя русскія сказки. Съ краш. рис. на обложкѣ и многими черными въ текстѣ Е. Бёмъ. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Наши звѣрки. Разсказы для младшаго возраста Е. Горбуновой. Съ 5 рис. въ краск. и 36 черн. рис. Въ крашеной обложкѣ. Ц. 65 к., въ папкѣ 90 к.

Нечаянно и др. разсказы и стихотв. для дѣтей разныхъ авторовъ. Со многими рисунками.

Первыя снѣжинки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. Со многими рис. Ц. 50 к., въ папкѣ 70 к.

Снѣгурка. Хавроньюшка. Народныя русскія сказки. Съ краш. рис. на обложкѣ и 3 черн. въ текстѣ Е. Бёмъ. Ц. въ прочн. обл. 30 к., въ папкѣ 45 к.

Теремокъ мышки. Мѣна. Несмѣяна-царевна. Народныя русскія сказки. Съ краш. рис. на обложкѣ и 3 черными въ текстѣ. Ц. въ прочн. обложкѣ 30 к., въ папкѣ 45 к.

Что случилось въ лѣсу. Разсказы А. Ферри (Кедровой). Съ 4 рис. въ краск. и 7 черн. Н. Живаго. Ц. 60 к., въ папкѣ 85 к., въ коленк. перепл. 1 р. 20 к.

Цѣна **60** коп.,

въ папкѣ **80** коп.

Тип. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и Кº. Москва.
1912.

2007058852